

КАЛЕЙДОСКОПЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

1811—1871.

Veritas, temporis filia.

Aulus Gellius.

Mihi Galba, Otho, Vitellius, nec beneficio, nec injuriâ cogniti.

Tacitus.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Я жилъ долго и вращался въ различныхъ слояхъ общества; много видѣлъ и слышалъ, многое на самомъ себѣ испыталъ и, находясь нерѣдко въ особенныхъ, иногда въ исключительныхъ положеніяхъ, видѣлъ, слышалъ и наблюдалъ много такого, что кромѣ меня или не могло быть извѣстно никому, или было извѣстно немногимъ.

Я имѣлъ обыкновеніе изъ происшедшаго вокругъ меня записывать то, что было болѣе выдающагося въ людяхъ и въ событіяхъ, особенно все, что могло послужить къ обобщенію моихъ студій надъ характерами и къ уразумѣнію сущности событій: ибо совершившіеся факты имѣли для меня значеніе лишь видимыхъ проявленій дѣйствующей чрезъ нихъ причины, значеніе указаній для изслѣдованія (на сколько это возможно) причинъ и заключающагося въ нихъ внутренняго смысла. Изъ такого матеріала составились эти воспоминанія пройтой эпохи.

Въ составленіи, такъ сказать, свода изъ разрозненныхъ, бѣглыхъ замѣтокъ, въ сочетаніи ихъ по предметамъ въ отдѣльные рассказы, я не держался никакой системы. Каждая статья составляетъ особое цѣлое. Когдаже случается, что между нѣкоторыми изъ нихъ существуетъ естественная связь, и одна статья восполняется другою, то на это указано ссылками въ приличныхъ мѣстахъ.

Что касается до современныхъ мнѣ личностей, то я не писалъ ихъ біографій, а ограничивался замѣчательнѣйшими фактами изъ ихъ жизни и характеристическими чертами какъ ихъ самихъ, такъ и моихъ къ нимъ отношеній.

Въ этихъ очеркахъ я считалъ нужнымъ, говоря о главномъ лицѣ, упоминать, въ видѣ вводныхъ статей или въ примѣчаніяхъ, о тѣхъ, которые были съ нимъ въ соприкосновеніи. Я думаю, что это не лишнее какъ потому, что такіе вспомогательные очерки составляютъ какъ бы декоративную обстановку, изъ которой главный субъектъ выходитъ болѣе рельефно, такъ и потому, что самыя эти второстепенныя личности почему нибудь заслуживаютъ воспоминанія о нихъ.

Въ этой работѣ, такъ какъ она не автобіографія, я по возможности избѣгалъ эгоизма. Въ разсказахъ я ввожу свою личность и говорю о себѣ лишь на столько, сколько это необходимо для разъясненія обстоятельствъ, для группировки подробностей, а главное, для сохраненія въ разсказахъ того отпечатка живой дѣйствительности, котораго никакое искусство поддѣлать не въ состояніи и который происходитъ только отъ личнаго присутствія дѣятеля или очевидца.

При этомъ я мало заботился о литературной отдѣлкѣ. Вообще я такого мнѣнія, что въ обработкѣ матеріаловъ, накопившихся въ долгое время изъ бѣглыхъ записокъ, набросанныхъ въ тѣ

самые моменты, когда насъ поразило со-
бытіе или встрѣтилась замѣчательная
личность, нужно стараться сохранить
дѣйствительный характеръ того необду-
маннаго перво-произвольнаго впечатлѣнія
(*impression spontanée, prime-sautière*) подъ
вліяніемъ котораго писалась замѣтка,
безъ предвзятой мысли, что она когда
либо увидитъ свѣтъ.

Занимаясь настоящимъ трудомъ, я
глубоко былъ проникнутъ сознаниемъ
важности частныхъ, безыскусствен-
ныхъ записокъ для современной исто-
ріи, какъ ее понимаютъ въ наше вре-
мя, когда она перестала быть сухою
эфемеридою событій и жизнеописаніемъ
знаменитостей. Теперь требуется отъ
нея, чтобы она представляла полную
картину жизни даннаго народа, со всѣ-
ми ея элементами нравовъ, образованія,
общественнаго быта и мышленія. Созна-
ніе такой важности естественно соеди-
нялось во мнѣ съ сознаниемъ долга быть
строго-правдивымъ. Въ этомъ качествѣ
я конечно могу поручиться вполне толь-
ко за случаи, въ которыхъ я былъ оче-
видцемъ или дѣйствующимъ лицомъ.
Остальное я записывалъ на основаніи
общей извѣстности (*notoriété publique*), об-
щественной молвы и наконецъ наиболѣе
достоверныхъ слуховъ. По моему
мнѣнію и такія, менѣе доказанныя, дан-
ныя не должны теряться безслѣдно. Ис-
кусный историкъ съумѣетъ извлечь изъ
нихъ если не прямую, то косвенную поль-
зу; они ему пригодятся, хотя бы какъ
матеріалъ красокъ для вѣрнаго колори-
та эпохи.

Я никогда не былъ систематическимъ
мизантропомъ; отъ своей эпохи и сво-
ихъ современниковъ не ждалъ и не тре-
бовалъ болѣе, чѣмъ они могли дать. По-
этому, если изъ моихъ „Воспоминаній“
вышло болѣе картинъ Теніерова или
Гогартова жанра, чѣмъ высоко-истори-
ческаго стиля, то въ этомъ вина не моя.
Я могу увѣрить, что не карикатурилъ
умышленно, но за то и не украшалъ
ничего, а списывалъ съ натуры, что
было и какъ было.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ НОВО- СИЛЬЦЕВЪ.¹⁾

*Expende Annibalem,
Quot libras in duce summo invenies? 2)*

Juvenalis.

Въ „Воспоминаніяхъ“ Н. И. Греча,
помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“
1871 года, описаны подробности, касаю-
щіеся происхожденія, воспитанія и слу-
жебной дѣятельности этого (какъ Гречъ
говоритъ) одного „изъ замѣчательнѣй-
шихъ лицъ Россіи въ первой полови-
нѣ XIX вѣка“.

Гречъ, какъ современникъ, гораздо
старше меня. Онъ раздѣляетъ публич-
ную и частную жизнь Новосильцева на
два періода: первый со времени вступле-
нія его на публичное поприще, вполне
блестательный; другой, начавшійся око-
ло 1809—1810 г. или не много ранѣе,
когда онъ сталъ предаваться страсти
къ крѣпкимъ напиткамъ. Несравненно
менѣе славный, но однакожъ и въ этой
эпохѣ, не смотря на пагубную слабость,
Новосильцевъ не переставалъ прохо-
дить свое служебное поприще и зани-
малъ въ немъ значительныя положенія.

Къ сожалѣнію, я зналъ Новосильцева
въ этомъ второмъ уже періодѣ его жизни.
Моя встрѣча съ нимъ и личныя отно-
шенія имѣли мѣсто въ началѣ двадца-
тыхъ годовъ, и съ этого времени запи-
саны у меня подробности объ немъ,
мало извѣстныхъ, почерпнутыя частью
изъ личнаго съ нимъ обращенія, частью
же изъ подлинныхъ дѣлъ и другихъ
не менѣе достоверныхъ источниковъ.

Новосильцевъ, въ то время уже се-
наторъ, былъ приближеннымъ лицомъ

¹⁾ Я не слѣдую хронологическому поряд-
ку; статьи помѣщаются по мѣрѣ ихъ изго-
товленія.

²⁾ Възясь Ганнибала; сколько фунтовъ
окажется въ высокомъ вождѣ? *Ювеналъ.*

къ главнокомандовавшему арміею Царства Польскаго Великому Князю Константину Павловичу, состоя императорскимъ комиссаромъ при правительствѣ новоучрежденнаго Царства. Около 1820 года Великому Князю подчинены были войска отдѣльнаго Литовскаго корпуса, и въ административномъ порядкѣ присоединенныя отъ Польши губерніи, западныя, югозападныя и Бѣлорусскія. Понятно, что для тамошняго края Новосильцевъ былъ большою фигурою.

Въ 1819 или 1820 году пожалована ему была въ 12-ти лѣтнюю аренду (продолженную, по истеченіи этого срока, еще на 12 лѣтъ) такъ называемая Слонимская экономія, большое казенное имѣніе, состоявшее изъ уѣзднаго города Слонима, многихъ фермъ и деревень и приносившее до 125,000 руб. ассигнал. годового дохода. Оно нѣкогда принадлежало Польскому магнату, великому Литовскому гетману, князю Михаилу Огинскому, который, въ послѣдніе годы царствованія короля Станислава Августа, и самъ поселился въ уѣздномъ городѣ. Это была резиденція по истинѣ царская, по своей пышности, роскоши и изяществу. Довольно сказать, что Огинскій имѣлъ собственную Италіанскую оперу и собственный балетъ; и та и другая, по сказаніямъ старожиловъ, были изъ лучшихъ въ Европѣ, такъ какъ магнаты тратилъ на нихъ огромныя деньги. Липа, составлявшія многочисленную дворню вельможи (большую частію Чехи) нажившіяся въ его службѣ, построили себѣ дома въ Слонимѣ и поселились въ немъ съ семействами на всегда. Нѣкоторые ихъ потомки сдѣлали карьеры въ государственной службѣ, и теперь еще одинъ считается знаменитостію въ своей спеціальности (медицинѣ).

Отъ Огинскаго, вѣроятно по праву наслѣдства, Слонимская экономія перешла къ графинѣ Мвишекъ, а ея отдана была въ продолжительное арендное содержаніе знаменитому тамошнему помѣщику, бывшему долгое время уѣзднымъ предводителемъ дворянства, д. с. с. Войцеху

Пусловскому. Со смертію графини, не знаю по какому случаю, экономія поступила въ казну и отъ нея уже передана была Новосильцеву.

Тутъ между нимъ и Пусловскимъ завязалось чрезвычайно сложное дѣло, возбужденное управляющимъ, назначеннымъ отъ новаго владѣльца, о раззореніи якобы Пусловскимъ экономіи и о слѣдующей отъ него громадной суммѣ вознагражденія. Дѣло продолжалось нѣсколько лѣтъ, и кончилось ничѣмъ, такъ какъ повѣренные Новосильцева не могли доказать своихъ извѣстовъ. Пусловскій былъ женатъ на родной сестрѣ князя Ксаверія Друцкаго-Любецкаго, въ то время министра финансовъ въ Царствѣ Польскомъ, и упомянутое дѣло было едва ли не первою причиною непримиримой вражды между княземъ и Новосильцевымъ, продолжавшейся по самую смерть послѣдняго, также и причиною неблаговоленія Великаго Князя къ Любецкому *)

Эти подробности были нужны для объясненія частаго пребыванія Новосильцева въ Слонимѣ и моего съ нимъ соприкосновенія. Въ то время я былъ 18-ти лѣтній юноша, только что возвратившійся изъ Виленскаго университета и занималъ должность писмоводителя или, какъ она тогда называлась, дворянскаго секретаря при уѣздномъ предводителѣ (маршалѣ), моемъ родственникѣ, Броньскомъ.

Первый прїездъ Новосильцева въ городъ Слонимъ ознаменовался слѣдующею особенностію.

Около того времени (1820—1821) франкъ-масонство въ тамошнемъ краѣ было въ полномъ разгарѣ. Высшее правительство не очень къ нему благоволило, хотя еще и не рѣшалось на формальное запрещеніе. Ближайшая къ Слониму лужа была въ Новогрудкѣ. Многіе Слонимскіе помѣщики, и я въ числѣ ихъ, принадлежали къ ней и бывали на ея застѣваніяхъ. Но какъ для этого нужно бы-

*) Смотри мои воспоминанія о Любецкомъ въ слѣдующихъ выпускахъ Русскаго Архива.

до вздѣтъ за 60 верстъ, то мы и положили основать ложу въ самомъ Слонимѣ, имѣи для этого требуемое уставомъ число членовъ. Городничій этого города, вмѣстѣ и уѣздный псправникъ, бывший Наполеоновскій офицеръ, Винцентій Конопка (братъ пзвѣстной красавицы Юлиі, по первому мужу Каллиновской, по второму графини Татищевой, жены нашего посланника въ Вѣнѣ) предложилъ для совѣщанія о новой ложѣ собраться у него въ домѣ. Онъ забылъ, что ему по должности надо было встрѣтить на границѣ уѣзда Новосильцева (котораго прїѣздъ былъ назначенъ на тотъ же день) и провожать его. Мы собрались у Конопки въ 12-мъ часу утра. Это было лѣтомъ. Во избѣжаніе любопытства *профановъ*, всѣ ставни были затворены.

Въ самое время нашихъ совѣщаній проскодился первый въѣздъ Новосильцева въ городъ. Проезжая по главной улицѣ и и видя закрытыя ставни дома, онъ спросилъ, чей домъ? Когда же ему сказали, что это квартира городничаго, то Новосильцевъ вообразилъ себѣ, что городничій умеръ и тѣмъ объяснилъ себѣ его отсутствіе на границѣ уѣзда. Новосильцевъ располагалъ остановиться у него; но, считая его покойникомъ, позвалъ къ предводителю дворянства Броньскому. При первомъ знакомствѣ, онъ извинился, что не остановился у городничаго и сказалъ тому причину. Но тутъ и узналъ онъ истину, при чемъ ему сказали, что и секретарь предводителя участвуетъ въ собраніи.

Когда я возвратился въ свою канцелярію, которая была въ помѣщеніи предводителя, то послѣдній представилъ меня гостю-сановнику. Я не мало удивился, когда Новосильцевъ, съ обычною своею вѣжливостію, сказавъ: „*Enchanté de faire votre connaissance*“³⁾, прибавилъ съ пропическою усмѣшкою: „*Je vous fais mon compliment, Monsieur; vous commencez de bonne heure, vous irez loin*“⁴⁾. Недоумывая,

къ чему этотъ комплиментъ относится, я отвѣчалъ поклономъ и молчалъ. Но Новосильцевъ въ слѣдъ за этимъ сказалъ: „*J'apprends avec plaisir, qu'un jeune homme comme vous a déjà eu le temps de finir ses études, et d'entrer dans la société de Francs-maçons*“⁵⁾.

Хотя я и зналъ, что самъ онъ былъ масонъ, но не подалъ ему братскаго знака и только сказалъ, что я былъ принятъ въ общество по особому случаю.

Такова была моя первая встрѣча съ Новосильцевымъ. Въ послѣдствіи, не смотря на различіе возрастовъ и общественныхъ положеній, мы съ нимъ довольно сблизились (какъ объ этомъ ниже), и онъ всегда оказывалъ ко мнѣ свое расположеніе и даже нѣкоторую симпатію, если у такого дипломата, какимъ былъ Новосильцевъ, могло быть хотя одно искреннее чувство. И дѣйствительно, когда я обдумываю теперь подробности тогдашняго политическаго положенія и послѣдовавшихъ событій, то мнѣ становится понятными ласки Новосильцева. Они были не безъ нѣкотораго разсчета, такъ какъ относились къ молодому человѣку изъ поколѣнія, только что окончившаго курсъ университета и именно Виленскаго, сохранившему въ этомъ поколѣніи много друзей и извѣстную степень вліянія.

Нуждаясь въ службѣ для поправленія домашнихъ дѣлъ, оставленныхъ отцомъ (скончавшимся въ 1814 г.) довольно разстроенными, я бы очень легко могъ воспользоваться расположеніемъ Новосильцева и при немъ самомъ, или чрезъ него устроить мою служебную карьеру. Онъ и ждалъ только того, чтобы я попросилъ его и издавеча давалъ мнѣ это понять. Я оцѣнилъ всю пользу положенія, но удержался по различнымъ уваженіямъ. Однимъ изъ нихъ (и въ этомъ я теперь чистосердечно признаюсь) было, что въ то время никто изъ порядочныхъ людей не вступалъ въ такъ на-

³⁾ Восхищенъ тѣмъ, что узнаю васъ.

⁴⁾ Поздравляю васъ, милостивый государь; вы начинаете спозаранку; вы пойдете далеко.

⁵⁾ Съ удовольствіемъ узнаю, что такой молодой человѣкъ успѣлъ уже окончить свое ученіе и вступить въ общество Франъ-Масоновъ.

звивавшуюся казенную службу. Такъ служить и получать чины предоставлялось исключительно мѣщанамъ и самой мелкой шляхтѣ. Быть можетъ, что я бы превозмогъ этотъ предразсудокъ, но были еще и другія личныя препятствія. Пусловскій, съ которымъ Новосильцевъ велъ ожесточенный процессъ, былъ опекуномъ сперва моимъ, а потомъ оставался опекуномъ моихъ несовершеннолѣтнихъ братьевъ и сестеръ, и моей матери ⁶⁾. При томъ онъ и шурина его, князь Любецкій, были задушевные друзья съ моимъ покойнымъ отцомъ, такъ что, поступя на службу къ отъявленному ихъ врагу, я нашелся бы, относительно ихъ, въ крайне-неловкомъ положеніи.

Но главное уваженіе, меня удерживавшее, было — обстановка Новосильцева. Штатъ и частной, и официальной службы при немъ состоялъ (кромя одного, о которомъ ниже) изъ лицъ самыхъ нехорошихъ. Управлявшіе подаренными ему старостомъ и повѣренными, возбуждавшіе тяжбу съ Пусловскимъ, были люди грубые, безнравственные, отвратительные экземпляры, почти совершенно исчезнувшіе уже типа крючкотворцевъ стараго закала, выгнанные за пьянство изъ службы ябедописцы. Люди эти и срамили, и безсовѣстно обкрадывали своего довѣрителя, и трудно было понять, какъ человекъ такого полѣта, какъ Новосильцевъ, могъ терпѣть при себѣ подобный антуражъ. Казалось даже, что онъ нарочно искалъ и подбиралъ подъ статью личный составъ для подобнаго вертепа. Такъ, въ повѣренные свои по тяжбы намъ дѣламъ, производившимся въ тогдашнихъ гласныхъ судахъ, онъ взялъ адвоката, не практиковавшаго уже потому, что онъ былъ, по суду, двукратно

отрѣшенъ *ab omni activitate* ⁷⁾ за превариакцію (преданіе своего довѣрителя противной стороной). Такое пристрастіе Новосильцева къ дурнымъ людямъ вошло въ тамошнемъ окологдѣ въ пословицу. О какомъ нибудь мерзавцѣ говорилось: „онъ годится въ Новосильцевскую псарню“. Разъ, въ бытность его въ Слонимѣ, появился нѣкто Пинскій помѣщикъ, князь Игнатій Г.*.* Между мѣстными жителями онъ не имѣлъ почти никого знакомаго, но объ немъ шла самая дурная слава. Извѣстно было, что онъ когда-то былъ въ военной службѣ, а изъ его подвиговъ рассказывали положительный фактъ, что въ 1812 году, съ отрядомъ казаковъ, онъ развѣзжалъ по своему уѣзду, нападалъ на дома помѣщиковъ и въ числѣ ихъ ограбилъ до нитки престарѣлаго роднаго своего дядю. Когда его увидѣли въ Слонимѣ, всѣ стали догадываться, что онъ ищетъ мѣста у Новосильцева, и всѣ почти навѣрно предполагали, что по своимъ прецедентамъ успѣетъ въ этомъ. И въ самомъ, дѣлѣ, не прошло недѣли, какъ почтенный нашъ князь красовался уже въ штатѣ сенатора. Довольно было одного этого, чтобы объяснить, почему я не пожелалъ дѣлать карьеру въ средѣ такихъ товарищей.

Выше сказано, что я началъ знать Новосильцева во второмъ періодѣ его жизни, то есть въ самомъ, по словамъ современниковъ, невыгодномъ для этого государственнаго человека, когда онъ сталъ уже предаваться пьянству и когда въ самомъ его характерѣ начали проявляться дурныя стороны. Надо полагать, что въ первое десятилѣтіе царствованія Императора Александра I, когда онъ былъ въ милости у Государя и постоянно занимался исполненіемъ важныхъ порученій и въ Петербургѣ, и за границу, дурныя наклонности и нравственные недостатки подавлялись въ немъ силою громаднаго разума, которымъ онъ обладалъ и самую необходимостью

⁶⁾ Извѣстно, что, подѣйствовавшему въ то время Статуту Литовскому, женщины всю свою жизнь (и какъ дѣти и дѣвицы, и какъ жены и какъ вдовы) оставались подъ опекою.

⁷⁾ Отъ всякаго веденія дѣлъ.

положенія. Когда мы приписываемъ разуму то, что Новосильцевъ дѣятельностію своего не только съ пользою служилъ Отечеству, но и заслуживалъ всеобщее для себя уваженіе, однимъ словомъ, что онъ былъ хорошимъ и добрымъ человѣкомъ, потому что былъ очень уменъ, то мы не думаемъ сказать пародоксъ. По нашему разумѣнію, добродѣтель есть верхъ интеллигенціи и когда говорятъ: „вотъ человѣкъ умный, но злой“, то говорятъ нѣчто въ родѣ нон-сенса.

Но, какъ видно, и тотъ великій умъ, который Новосильцевъ имѣлъ, не былъ настолько великъ, чтобы изъ него сдѣлать вполне праваго человѣка. И какъ только онъ по обстоятельствамъ нашелся въ положеніи самостоятельномъ, безъ контроля, несчастная страсть къ крѣпкимъ напиткамъ притупила въ немъ предохранительную силу разума, и вышли наружу всѣ тѣ дурныя стороны его личности, которыя до того были въ немъ какъ бы усыплены и которыми омрачается второй и послѣдній періодъ его жизни.

Если я говорю, что положеніе его сдѣлалось самостоятельнымъ, то это слѣдуетъ разумѣть о времени, когда вслѣдствіе Вѣнскаго конгресса учреждено было въ 1815 году Царство Польское, когда Великій Князь Константинъ Павловичъ назначенъ былъ главнокомандующимъ Польскою арміею, и Новосильцевъ находился въ Варшавѣ въ званіи императорскаго комиссара, то есть прокурора интересовъ Имперіи въ соприкосновеніяхъ ихъ съ дѣйствіями мѣстнаго правительства и съ мѣстными же интересами края. Великій Князь занимался исключительно военною частію; всѣ же дѣла, касавшіяся гражданскаго управленія Царства и, по подчиненіи Константину Павловичу западныхъ, югозападныхъ и Бѣлорусскихъ губерній, и дѣла этихъ губерній, находились, хотя и неофициально, въ рукахъ Новосильцева. Когда однакожъ мы его знали въ нашемъ городѣ, онъ еще въ тамошнихъ

губерніяхъ не имѣлъ официального характера. Онъ прибылъ въ Слонимъ, какъ частный человѣкъ, какъ владѣлецъ экономіи. Только въ послѣдствіи, по отъѣздѣ моемъ въ Петербургъ въ 1822 году, онъ чрезъ годъ послѣ того назначенъ былъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, и тутъ дѣятельность его приняла свой истинный характеръ и рѣзко обозначилась на судьбахъ тогдашняго молодого поколѣнія.

Возвратимся къ пребыванію его въ Слонимскихъ владѣніяхъ, въ качествѣ сельскаго хозяина и промышленника, такъ какъ онъ завелъ на форштатѣ города большую суконную фабрику.

Не смотря на то, что въ городѣ и уѣздѣ было нѣсколько порядочныхъ и пріятныхъ помѣщичьихъ домовъ, Новосильцевъ съ ними не знакомился. Онъ бывалъ въ городѣ только у начальника Литовской уланской дивизіи, генерала Влодека и у предводителя Бронскаго; изъ уѣздныхъ помѣщиковъ онъ изрѣдка посѣщалъ въ мѣстечкѣ Деречинѣ князя Франциска Сапѣгу, который также проводилъ иногда у него по нѣскольку дней. Но у Бронскаго Николай Николаевичъ бывалъ каждый, или почти каждый, вечеръ. Вотъ какъ происходили эти бесѣды.

Сенаторъ (такъ его всѣ называли) являлся около 7—8 часовъ. Послѣ этого приказано было не принимать уже никого изъ постороннихъ. Если я былъ дома, то долженъ былъ оставаться; если меня не было, то за мною посылали. Хотя я, какъ очень молодой и скромный человѣкъ, могъ принимать лишь очень ограниченное участіе въ бесѣдѣ этихъ господъ, болѣе чѣмъ зрѣлыхъ лѣтъ, но они вѣроятно по аксіомѣ „tres faciunt collegium“⁸⁾ признавали, что мое присутствіе было нужно, какъ необходимый минимумъ для составленія настоящаго *conversazione*⁹⁾. Вслѣдъ за прибытіемъ сенатора, на кругломъ столѣ предъ диваномъ,

⁸⁾ Безъ троицы домъ не строится.

⁹⁾ Собесѣдованія.

на которомъ сѣдѣлись онъ и хозяинъ, являлся подносъ съ огромнымъ чайникомъ, сахарницею, лимоннымъ сокомъ, сливками, разными печеніями и двумя бутылками: одной — стараго Ямайскаго рома, другой — какого нибудь Французскаго вина. Эта послѣдняя бутылка была для Броньскаго; онъ, изъ приличія, для поддержанія компаніи, наливалъ себѣ рюмку, и она оставалась недопитою до конца; Ямайка же предоставлялась въ полное распоряженіе саванитаго гостя, и онъ пользовался ею безцеремонно. Я одинъ пилъ настоящий чай.

По мѣрѣ того, какъ бутылка опорожнялась, оживлялась бесѣда. Броньскій, умный человекъ, прекрасно поддерживалъ ее; я, разумѣется, безмолвно слушалъ и изрѣдка только вставлялъ свое слово. Разговоръ былъ въ высшей степени интересный, хотя въ немъ, такъ какъ онъ возобновлялся ежедневно, было много повтореній. Есть книжка одного изъ современныхъ Французскихъ писателей подъ заглавіемъ: „*Ce qu'il y a dans une bouteille d'encre*“¹⁰⁾. Книжка пустая; но если бы при нашемъ трио спрятанъ былъ за ширмою стенографъ, то изъ его записокъ составила бы очень любопытная книга. Заглавіе готово: *Ce qu'il a dans une bouteille de rhum*“¹¹⁾.

Происходившему въ маленькомъ Литовскомъ городкѣ минуло уже болѣе полувѣка, но впечатлѣнія, воспринимавшіяся тогда моимъ молодымъ организмомъ, такъ глубоко врѣзались у меня въ память, что и теперь, когда это пишу, они живо представляются воображенію. Я вижу передъ собою круглый столъ, покрытый цвѣтною скатертью, чайникъ, изъ котораго, какъ бы для очистки совѣсти, подливается въ стаканъ немного чаю, и пресловутую бутылку, часто и усердно нагибаемую, и за нею, въ полутьмѣ, синѣбагровое лицо государственнаго сановника, знаменитаго дипломата, Европейскаго дѣятеля, а теперь буквально управляющаго судьбами от-

части Царства, а вполне и безусловно девяти губерній¹²⁾. Мнѣ слышится его рѣчь, постепенно, съ прогрессіею оцѣненія, измѣняющая свой діапазонъ, затрудняющаяся при выходѣ съ разбухшаго языка, изъ посинѣлыхъ губъ, но, при своей алкоолической откровенности, все-таки исполненная ума и дѣлаго сарказма.

Въ концѣ концовъ, когда въ бутылкѣ не оставалось уже ничего, или почти ничего, рѣчь переходила въ невнятное лепетаніе; глаза то закрывались, то открывались, голова наклонялась до самаго стола и опять приподымалась. Тогда хозяинъ вставалъ; гость этимъ приходилъ на минуту въ себя и, простившись, старался также встать, но это не удавалось. Призывали дюжого лакея Петручка, испытаннаго въ подобныхъ дѣлахъ. Онъ поднималъ гостя на ноги, бралъ его подъ одну руку, Броньскій подъ другую и выводили на подъѣздъ, гдѣ дожидались уже зимою саи, а лѣтомъ низкая линейка предводителя. Сенаторъ никогда не бралъ съ собою экипажа, ни лакея. Усадивши его, Петручекъ садился съ одной, а я съ другой стороны и, отвезши его домой, въ палацъ бывшій гетмана Огинскаго, мы сдавали его на руки ожидавшей прислугѣ. На обратномъ пути Петручекъ и кучеръ никогда не забывали философически замѣтить: „чтн, еслибы это такъ нашъ братъ“?!... Только разъ случилось, что сенаторъ взбунтовался и рѣшительно объявилъ, что хочетъ идти домой пѣшкомъ. Я, съ помощію Петручка, отвелъ его не безъ большаго затрудненія. Шествіе по дурно вымощеннымъ улицамъ было по истинѣ, скачкою съ препятствіями“. (Подобная честь досталась мнѣ въ Вильнѣ въ Іюль 1822 года. Объ этомъ будетъ

¹⁰⁾ Что содержится въ бутылкѣ чернилъ.

¹¹⁾ Что содержится въ бутылкѣ рома.

¹²⁾ Въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ дѣйствовала конституція 1815 года и былъ независимый гласный судъ, власть Великаго Князя, сирѣчь Новосильцева, была только полицейско-административная; но въ западныхъ, юго-западныхъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ, состоявшихъ на военномъ положеніи, власть эта и въ административномъ и въ судебномъ отношеніяхъ не была ничѣмъ ограничена.

ниже). При свиданіи, на другой вечеръ, Новосильцевъ никогда не забывалъ сказать: „*Savez vous, cher maréchal, qu'hier je suis rentré de chez vous, avec une petite pointe..... Mais ce que votre jamaique est excellent, et vous étiez si soigneux de ma tasse.*“ *) (Безстыдная клевета: гость все время угощался самъ). И таже сцена повторялась точь въ точь и заключалась подобнымъ же финаломъ.

Независимо отъ психическихъ ступидей, которыя я тогда дѣлалъ надъ знаменитымъ субъектомъ, разыгрывавшимъ такую жалкую роль передъ моими молодыми глазами, я чувствовалъ всю важность случая, представлявшася мнѣ для извлеченія пользы изъ его вакхическихъ нескромностей. Когда послѣ *quantum sufficit* ¹⁴⁾ возліяній, наступала минута сердечныхъ изліяній, я (какъ говорятъ Французы) переходилъ весь въ уши, старался не уронить ни одного слова, и въ ту же ночь записывалъ слышанное. Постараюсь здѣсь воспроизвести сущность этого. Буквальная точность утомляла бы повтореніями; поэтому, хорошо подумавши, я и не жалѣю о неимѣніи стенографа.

Новосильцевъ рѣдко и какъ-то неохотно говорилъ о своемъ дальнемъ прошедшемъ, о дипломатическихъ похожденияхъ; рѣдко упоминалъ о Наполеонѣ, съ которымъ однакожъ не разъ былъ въ личномъ соприкосновеніи. Онъ признавалъ въ немъ большой умъ (это и безъ Новосильцева было извѣстно), но опредѣлялъ его такъ: „*Это умъ чрезвычайно обширный, но недовольно глубокий. Qui trop embrasse, mal étreint* ¹⁵⁾“, прибавлялъ онъ. Взгляды его онъ уподоблялъ тому недостатку зрѣнія, которое называется *vue presbyte*, противоположному *vue myope* (близорукость). Держа

¹²⁾ Знаете, любезный предводитель, вчера я возвратился отъ васъ нѣсколько не-свой... Но у васъ такая превосходная Ямайка, и вы такъ заботились о моей чашкѣ.

¹⁴⁾ Вдоволь.

¹⁵⁾ Кто слишкомъ много захватываетъ, тотъ мало удерживаетъ.

всегда глаза устремленныя вдаль и стараясь обнять умомъ вселенную, онъ легко упускалъ изъ виду то, что было такъ сказать, подъ ногами, а это нѣчто часто и было существенное. Отсюда его грубыя ошибки“. Изъ всего тона его сужденій о Наполеонѣ видно было то, что впрочемъ извѣстно изъ современныхъ мемуаровъ, именно: что въ своихъ сношеніяхъ Новосильцевъ испытывалъ отъ императора Французовъ какую-то, какъ говорятъ, *непріятность*. Это вѣроятно было тогда, когда Наполеонъ, вслѣдствіе неудавшихся переговоровъ съ Новосильцевымъ, такъ неблагоприятно и рѣзко выражался объ Императорѣ Александрѣ I.

Но главный, самый интересный и чаще другихъ повторявшійся предметъ разговоровъ, были разсужденія Новосильцева объ учрежденіи Императоромъ Александромъ Царства Польскаго. Онъ вообще не одобрялъ этого достопамятнаго акта и находилъ его неполитичнымъ въ отношеніи и къ Россіи, и къ Европѣ. Смотри по степени дѣйствія романа, онъ, на различныхъ стадіяхъ своего настроенія, выражался объ этомъ различно, хотя всегда въ одинаковомъ духѣ. Послѣ втораго или третьяго стакана онъ начиналъ уже отзываться о Государѣ все менѣе и менѣе почтительно, называлъ его слабымъ и непослѣдовательнымъ мечтателемъ и упрекалъ въ недалекновидности.

Относительно этого послѣдняго недостатка онъ позволялъ себѣ пріятно подшучивать надъ Государемъ. Онъ говорилъ: „Ничего въсвѣтъ Александръ Павловичъ такъ не боится, какъ карбонаризма съ тѣхъ поръ, какъ этотъ элементъ, сбросивъ маску, сталъ дѣйствовать открыто въ Италіи. (Тогда именно возгорѣлась было революція Пепе). Неменѣе беспокоятъ Государя и Нѣмецкіе тугендбунды. Всего этого онъ не предвидѣлъ, когда учреждалъ Царство Польское съ либеральною конституціею. Теперь карбонари, иллюминаты, буршеншафты и тугендбунды слились для

него въ огромный кошмаръ, который преслѣдуетъ его денно и ночно. Теперь Государь много бы далъ за то, чтобы могъ передѣлать то, чтѣ имъ сдѣлано. Онъ чувствуетъ, что много потерялъ въ глазахъ Россіи и жестоко оскорбилъ Русское народное чувство, сказавъ въ своей торжественной рѣчи, что даетъ конституцію Полякамъ потому, что признаетъ ихъ довольно развитыми, довольно зрѣлыми для принятія этого благодѣянія. Ничего не могло быть непопулярнѣе со стороны Монарха нераздѣльнаго государства, какъ вводить такое неравенство политическихъ правъ между соплеменными подданными своими, и за меньшинствомъ устанавливать торжественно такое преимущество надъ огромнымъ большинствомъ¹⁶.

Когда Бронскій возражалъ, что быть можетъ Государь не могъ сдѣлать иначе, что могъ быть къ этому приневоленъ силою на Конгрессѣ: то Новосильцевъ отвергалъ это и утверждалъ, что учрежденіе Царства было плодомъ мысли и непринужденной воли самаго Александра Павловича, что это былъ опытъ осуществленія въ маломъ видѣ задушевной либеральной мечты его молодости; что тутъ впрочемъ дѣйствовали внушенія нѣкогда близкихъ къ Государю Поляковъ Адама Чарторижскаго и Михаила Огинскаго. Что касается до Конгресса, то Новосильцевъ утверждалъ (въ противность нѣкоторымъ современнымъ публицистамъ), что члены Конгресса не только не одобряли учрежденія Царства по начертанному Императоромъ плану, но были этому противны, и Александръ только при тогдашнемъ огромномъ влияніи своемъ на обще-европейскія дѣла могъ осуществить свое предположеніе.

Новосильцевъ очень не любилъ Поляковъ и не скрывалъ этого передъ нами, особенно когда при третьемъ ставаніи являлась „in pontcho veritas“¹⁶). Съ свойственною ему проницательностію онъ предвидѣлъ будущія событія и час-

то повторялъ: „Александръ Павловичъ ошибается, если думаетъ, что Поляки будутъ ему благодарны. Имъ нужно не то; они мечтаютъ о такой Польшѣ, какая была во времена Сигизмундовъ и о королѣ-Пястѣ, а не о Русскомъ Императорѣ“.

По этому случаю Бронскій и я заговорили разъ о титулѣ, принятомъ Императоромъ. Новосильцевъ согласился съ нами, что Поляки не могли быть довольны тѣмъ, что Александръ Павловичъ, предъ ними и Европою, назывался королемъ (Król, Roi), а предъ Русскими царемъ. Это не одно и тоже, — Полякамъ было извѣстно, что порусски государи Пруссій, Шведскій и др. называются королями; знали и то, что въ полномъ Императорскомъ титулѣ „царь Польскій“ стоитъ о богахъ, плп даже ниже, царя Казанскаго и Астраханскаго. То, что ихъ отечество въ политической іерархіи сравнено съ тремя или четырьмя изъ 50 губерній, не могло не быть чувствительнымъ для ихъ народной гордости. Новосильцевъ сказалъ: Oui, vous avez raison, c'est encore une de ses demi-mesures, si chères à notre gracieux Souverain, et celle-ci a cela de particulier, qu'en mécontentant les uns, elle ne satisfait pas les autres. („Да вы правы; это еще одна изъ тѣхъ, любимыхъ нашимъ всемілостивѣйшимъ Государемъ, полумѣръ. Но эта полмѣта еще ту особенность, что въ однихъ возбуждаетъ неудовольствіе, а другихъ не удовлетворяетъ“). Къ этому Николай Николаевичъ прибавилъ, что титулъ этотъ былъ предметомъ оживленныхъ преній. Вліятельные Поляки протестовали, но такъ какъ никто изъ нихъ не зналъ ни слова порусски, то ихъ легко было успокоить, особенно когда въ какомъ-то плохенькомъ лексиконѣ показали, что Русскій царь по французски переводится Roi. Были и кромѣ Поляковъ такіе, которые протестовали; они говорили, что это двуличіе, что титулъ — царь — отзывается какъ бы ложнымъ стыдомъ, боязливостію, даже неискрен-

¹⁶) Правда въ пуншѣ.

ностію, что, на подобіе Австрійскаго государя, прекрасно звучалъ бы титулъ Императорско-королевскаго Всероссійскаго Величества. Однакожъ противное мнѣніе одержало верхъ; это была уступка Русскому народному чувству, довольно уже встревоженному дарованіемъ Полякамъ конституціонной хартіи. Тутъ былъ еще расчетъ на малограмотность массы народа. Она не имѣла понятія, что такое конституція и хартія, но видя только, что въ императорскомъ титулѣ къ существовавшимъ царствамъ: Сибирскому, Казанскому и пр. прибыло еще новое, должна было совершенно этимъ успокоиться и даже радоваться.

Разговоры о тогдашнихъ Польскихъ дѣлахъ Новосильцевъ переплеталъ своими насмѣшками надъ характеромъ народа вообще и надъ разными болѣе выдавшимися личностями. Любимыми жертвами его шутокъ были извѣстные патріоты: Юліанъ Нѣмцевичъ, Іосифъ Выбицкій, Александръ Ходкевичъ, Кастанъ Козмянъ и Тома Вавржецкій¹⁷⁾. Надъ послѣднимъ онъ особенно острился за его пристрастіе ко всему Литовскому. Когда шли совѣщанія о томъ, какой въ новомъ Царствѣ долженъ быть законъ, то Вавржецкій всѣми силами настаивалъ на введеніи тамъ дѣйствовавшаго въ то время во всѣхъ западныхъ, югозападныхъ, Бѣлорусскихъ и даже Малороссійскихъ губерніяхъ, Литовскаго Статута. До того въ Варшавскомъ герцогствѣ, изъ котораго и образовано было новорожденное Царство, дѣйствовалъ Наполеоновъ кодексъ. Вавржецкій ставилъ Статутъ выше этого кодекса. „О Статутъ Литовскій! (восклицалъ передъ нами Новосильцевъ, перердывая Вавржецкаго), во всей Европѣ, во всемъ мірѣ нѣтъ закона лучше этого гениальнаго произведенія Льва Сапѣги!“ Однакожъ оставленъ былъ кодексъ, и онъ, какъ извѣстно, большею

частью дѣйствуетъ въ Царствѣ и до сихъ поръ.

Естественно, что въ бесѣдахъ Новосильцева весьма часто сходилъ разговоръ на производимое съ Пусловскимъ дѣло о раззореніи имъ, будтобы, Слонимской экономіи. Въ этихъ случаяхъ положеніе Броньскаго бывало затруднительно. Хотя онъ и былъ убѣжденъ, что навѣтъ Новосильцева и все дѣло, затѣянное его повѣренными, несправедливо и имѣетъ цѣлью лишь то, чтобы *созвать* порядочный кушъ съ богатаго Пусловскаго; но онъ, какъ тонкій дипломатъ, не осмѣливался высказать прямо свое убѣжденіе, а съ другой стороны, въ моемъ присутствіи, не могъ и говорить противъ Пусловскаго, которому онъ, Броньскій, былъ много обязанъ и который имѣлъ также сильную протекцію въ Любецкомъ. Между этими Спиллоу и Харибдоу Броньскій, *le rhum aidant*¹⁸⁾, лавировалъ довольно искусно.

О Любецкомъ, въ то время министръ финансовъ въ Царствѣ, Новосильцевъ говорилъ съ явною ненавистью, съ затаенною злобою, но довольно осторожно. Любецкій былъ сила; онъ прославился тѣмъ, что создалъ и въ короткое время поставилъ въ блестящее положеніе финансы Царства, развилъ торговую и фабричную промышленность до неожиданной нѣжѣ степени, упрочилъ благосостояніе жителей введеніемъ поземельнаго кредитнаго общества и расширилъ до невѣроятныхъ размѣровъ полезныя для всей страны операціи Польскаго Банка. До того еще Любецкій отличился окончаніемъ, съ неожиданнымъ успѣхомъ и пользою, ликвидационныхъ расчетовъ Россіи съ Пруссіею и Австріею, по случаю Европейской войны 1813—1815 г. Онъ былъ лично извѣстенъ Государю и исполнѣ имъ опѣняемъ. Новосильцеву удалось поссорить съ нимъ Великаго Князя, но и это не повело ни къ чему. Любецкій ни въ чемъ не уступилъ и остался цѣль и невредимъ, а своею твердостью и правотою создалъ

¹⁷⁾ Литвинъ, наследовавшій послѣ Косцюшки, въ послѣднія времена Польши, званіе диктатора (начальника народа).

¹⁸⁾ Съ помощью рома.

себѣ такое положеніе, что Константинъ Павловичъ самъ сдѣлалъ первый шагъ для сближенія съ нимъ. Новосильцевъ поблажалъ его, при томъ зная, что вся провинція, гдѣ онъ находился, родина Любецкаго, стояла за послѣдняго.

Но всякій разъ, когда рѣчь доходила до Чарторижскаго, Новосильцевъ забывалъ свою дипломатію и не могъ удержатъ порывовъ бушевавшей его злобы. Лице его, вообще далеко не привлекательное, дѣлалось отвратительнымъ, по истинѣ страшнымъ. Косые глаза его искрились, ротъ искривлялся, синія губы тряслись, и изъ нихъ изливались потоки желчи. Новосильцевъ переставалъ быть человѣкомъ хорошаго общества, онъ унижалъ себя до непарламентарныхъ выраженій. Но это и были одни ругательства: онъ не могъ, или быть можетъ не хотѣлъ, сформулировать никакого положительнаго обвиненія противъ чести Чарторижскаго. Онъ только упрекалъ его въ неограниченномъ честолюбіи, въ неистовомъ Польскомъ патріотизмѣ¹⁹⁾.

Современникамъ было извѣстно и нѣкоторыми изъ нихъ записано, что Чарторижскій, когда былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и болѣе чѣмъ любимцемъ, другомъ Императора Александра 1-го, благопріятствовалъ карьерѣ Новосильцева. Они даже были товарищами по тому комитету, который составлялъ тайный совѣтъ Государя. Во всякомъ случаѣ еслибы къ Новосильцеву не благоволилъ Чарторижскій, то ему легко бы было устранить немилаго человѣка: онъ кого хотѣлъ выводилъ на сцену, или оставлялъ за кулисами²⁰⁾. Поэтому я не

колеблюсь ненависть къ нему Новосильцева назвать неблагодарностью. Онъ не только расходился во взглядахъ съ своимъ большимъ, старшимъ товарищемъ, но всячески старался вредить ему, и этого нельзя отнести на счетъ высоко-развитаго въ немъ Русскаго патріотическаго антагонизма. У Новосильцева не было никакихъ убѣжденій;—одинъ колоссальный эгоизмъ. Надъ всѣми патріотизмами, какъ и надъ всѣми вѣрованіями, онъ всегда смѣялся. Это былъ вполне Вольтеровскаго вѣка энциклопедистъ, съ небольшою долею собственнаго цинизма.

Что же касается его неблагодарности къ Чарторижскому, то она даже не стоила того, чтобы изъ нея дѣлать особую студию; это вещь, до пошлости, обыкновенная. Кто пожилъ на свѣтѣ и наблюдалъ, тотъ знаетъ, что благодарность есть рѣдчайшее изъ человѣческихъ качествъ, и это естественно въ настоящемъ состояніи нашихъ обществъ. Въ составляющихъ ихъ единицахъ, по тѣмъ или по другимъ причинамъ, развился до всеобъемлющихъ размѣровъ элементъ гордости и себялюбія. Всѣ такъ себя настроили, что всякія удачи въ жизни приписываютъ однимъ себѣ, своимъ достоинствамъ, неудачи же сваливаютъ на другихъ. Въ такомъ настроеніи для благодарности не можетъ быть мѣста. Все добро, получаемое отъ другихъ, принимается какъ бы за дань, по праву слѣдующую. Признавать чьи либо благодѣянія было бы унижать себя, и потому понятно озлобленіе обязанныхъ противъ тѣхъ, кому они обязаны. Чрезвычайно рѣдкіе примѣры благодарности встрѣчаются лишь между лицами двухъ категорій: простодушныхъ, людей сердца, и людей на столько вышшихъ, что у нихъ интеллигенція, выходя хотя и не отъ

¹⁹⁾ Эта ненависть къ Чарторижскому въ глазахъ нашихъ дѣлаетъ честь Н. Н. Новосильцеву. Читатели наши припоминаютъ переписку Чарторижскаго, напечатанную въ Русскомъ Архивѣ 1871 года, и поймутъ, какъ долженъ былъ относиться къ нему человѣкъ видѣвшій близко его козни, стоявшій почти рядомъ съ нимъ подлѣ Трона и іезуитскими ухищреніями поставленный въ необходимость молчанія. П. Б.

²⁰⁾ Авторъ конечно ошибается. Если кому обязанъ былъ Новосильцевъ своимъ воз-

вышеніемъ, то конечно другу государеву и своему родственнику, графу П. А. Строганову. Умозаключенія автора напоминаютъ похвалу Густава III-го, который выставялъ передъ Екатериною въ видъ заслуги своей передъ нею то, что онъ не заключилъ союза съ Пугачевымъ. П. Б.

одной точки отправленія съ сердцемъ, но на извѣстной высотѣ, сходится съ его пррадіяціями: ибо, по нашему убѣжденію, любовь (которой органомъ, не знаю по чему, считаемъ сердце) и всѣ изъ любви вытекающія чувства, есть вмѣстѣ и врожденная стихія лучшихъ натуръ, и самая высшая степень, вѣнецъ интеллигенціи. Поэтому неудивительно, что люди безсердечные, или недостигшіе конечной высоты разума, неспособны къ благодарности. Что у Новосильцева не было сердца, объ этомъ свидѣтельствуесть вся его жизнь; а что разуму его, хотя обширному, недоставало возвышенности, доказывается его циническимъ безвѣріемъ, котораго, въ своемъ провинціальномъ *неглиже*, онъ и не скрывалъ предъ нами. По всѣмъ этимъ премисамъ, то, что за добро онъ платилъ злобою и ненавистью, было естественно и даже неминуемо.

Новосильцевъ тогда уже намекалъ, что Чарторижскій (въ то время еще попечитель Виленскаго учебнаго округа) развращаетъ политически учащуюся молодежь, особенно университетскую. Это, какъ послѣ оказалось, были только прелюдіи, только прологъ той грустной мелодрамы, которая въ слѣдующихъ за 1822 годахъ разыгралась съ Виленскими студентами. Но тогда, на *convergenza* у Броньскаго, никто въ этихъ намекахъ не могъ еще доискаться задней мысли и истинной ихъ цѣли. По этому я, какъ недавній Виленскій студентъ, считалъ своимъ долгомъ вступиться за свою „*alma mater*“. Я говорилъ, что въ мое время ничего политическаго не было и въ мысли студентовъ, что Чарторижскій, одинъ разъ при мнѣ пріѣзжавшій въ Вильну, оставался короткое время, посѣщалъ лекціи, задавалъ намъ вопросы, и по видимому занимался одними науками. На это заявленіе сенаторъ отвѣчалъ двусмысленною улыбною, значившею, что вы-де, г. кандидатъ философіи, или очень недалеко-видны, или очень хитры и прекрасно играете комедію.

Новосильцевъ, какъ уже сказано, слегка подшучивалъ надъ паническимъ страхомъ Государя на счетъ карбонаризма и вторженія его въ Россію. Онъ этимъ подавалъ видъ, какъ будтобы не раздѣляетъ этихъ опасеній; но быть можетъ, что по старой привычкѣ дипломата, онъ не высказывалъ своей на этотъ счетъ мысли. Мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, что этотъ предметъ занимаетъ его болѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ, чтобы это замѣчали. Нѣтъ невозможнаго, что чрезъ своихъ шпионовъ, которыхъ всегда было при немъ по нѣскольку, онъ развѣдывалъ подъ рукою о настроеніи умовъ въ провинціи, а передо мною нарочно разыгрывалъ роль совершенно спокойнаго. Онъ зналъ о моихъ связяхъ съ молодымъ поколѣніемъ и чрезъ меня, быть можетъ, хотѣлъ увѣрить молодежь, что отъ него опасаться нечего, дабы этимъ, если что нибудь скрывается, вызвать усыпленныхъ на какой нибудь неосторожный поступокъ. Между тѣмъ, какъ видно, Новосильцевъ тогда уже замышлялъ воспользоваться преслѣдовавшимъ Государя (по его выраженію) кошмаромъ, для главной своей цѣли, окончательно погубить Чарторижскаго въ мнѣніи Монарха ²¹⁾.

Кстати о карбонаризмѣ. Извѣстно, что въ 1821 году наши войска посланы были въ помощь королю Неополитанскому въ борьбѣ его съ революціею Пепе; но они не дошли еще до мѣста, какъ въ данномъ королевскими войсками сраженіи революціонеры были разбиты на голову (они убитыми потеряли 60 человекъ) и всѣ разбѣжались; первый убѣжалъ самъ герой Пепе. Войска наши получили приказаніе возвратиться. Въ

²¹⁾ Лучшимъ опроверженіемъ этихъ словъ служить вышеуказанная переписка Чарторижскаго съ Александромъ Павловичемъ, напечатанная нами нарочно безъ всякихъ пропусковъ. Изъ нея ясно видно, что не постороннія вліянія, а переполненная мѣра терпѣнія и наглое іезуитство Чарторижскаго были виною того, что Государь, къ счастью Россіи и къ своему успокоенію, отбросилъ отъ себя прочь Польскаго змія. П. Е.

то самое время и Государь, возвращаясь съ конгресса въ Петербургъ, проѣзжалъ чрезъ Слонимъ. Надо сказать, что на городъ Слонимъ, чрезъ Нарву, Митаву, Ригу, Вильну, шелъ тогда самый главный трактъ, дорога изъ Петербурга въ западную Европу. Императоръ Александръ, такъ много въ то время путешествовавшій, часто проѣзжалъ чрезъ Слонимъ, но никогда тамъ не останавливался. По своему маршруту Государь ночевывалъ на второй станціи отъ города, въ Ружанѣ, мѣстечкѣ князя Сапѣги, у тамошняго приходскаго священника Бобровича, котораго очень любилъ; но разъ, пріѣхавши засталъ его пьянымъ и съ тѣхъ поръ измѣнилъ маршрутъ и ночевывалъ уже на слѣдующей станціи, Межевичи (I).

Въ этотъ проѣздъ Александра Павловича, былъ въ Слонимѣ Новосильцевъ и встрѣтилъ Государя у почтовой станціи, гдѣ перепрягали лошадей. Тутъ же стояли предводитель Бронскій, городничій и я. Государь, выйдя на минутку изъ коляски, привѣтствовалъ Новосильцева и сказалъ: „Неаполитанцы скверный народъ, не хотѣли со мною драться.“ Новосильцевъ представилъ предводителя. „Ваша фамилія?“ спросилъ царь. „Бронскій“. — „Какъ, Броневскій?“ — „Бронскій, Ваше Величество“. Этимъ разговоръ кончился, но эти Бронскій и Броневскій повторялись въ каждый проѣздъ Государя.

И еще, кстати о карбонаризмѣ, разскажу одинъ эпизодъ изъ пребыванія Новосильцева въ Слонимѣ, лично меня касающійся и доказывающій, что Новосильцевъ тогда уже имѣлъ секретную политическую миссію и что карбонаризмъ онъ трактовалъ не такъ легко, какъ хотѣлъ, чтобы это думали.

По моей должности секретаря предводительской канцеляріи, я имѣлъ очень много работы, такой работы, которой теперь и не существуетъ по этой части. Я имѣлъ одного помощника, и то мало способнаго. Мнѣ доставалось работать по дѣлымъ днямъ и часто по дѣ-

лымъ ночамъ. Я уставалъ такъ, что принужденъ былъ каждую недѣлю, въ субботу вечеромъ, ѣздить для отдыха въ деревню, за 15 верстъ къ матушкѣ или за 3 версты къ дядѣ, возвращаясь на службу раннимъ утромъ въ понедѣльникъ. Я позволялъ себѣ это и въ большіе праздники; и наканунѣ лѣтняго торжественнаго праздника Бернардинскаго ордена, называемаго *Portiunculum*, я поѣхалъ къ матушкѣ.

Новосильцевъ былъ любитель нетолѣко вина и рома, но и прекраснаго пола. Въ пребываніе его въ Слонимѣ, правда, не было извѣстно, чтобы онъ имѣлъ что называется „une maitresse en titre“; онъ не бывалъ и въ домахъ, гдѣ бывала красивыя женщины, но все таки любилъ заглядывать подъ шляпки и не упускалъ случаевъ, гдѣ могъ, посмотреть на „хорошенькихъ“. Въ городѣ и уѣздѣ было ихъ немало, и все это должно было съѣхаться на „фестъ“ къ отцамъ Бернардинамъ въ церкви, въ центрѣ города. Новосильцевъ отправился туда и попалъ къ началу обѣдни. Въ церкви всѣ скамейки были заняты разряженными Слонимянами. Нашъ любитель изыскаго пробрался сквозь толпу и сталъ между двухъ рядовъ скамеекъ. Насладившись въ волю липезрніемъ красавицъ, онъ уже повернулся было къ выходу, когда, какъ на бѣду, въ серединѣ обѣдни, послѣ „Credo“, изъ за алтаря вышелъ какой-то пріѣзжій огромнаго роста Бернардинъ, въ нарядѣ проповѣдника и обратилъ его вниманіе. Монахъ направился къ амвону, и сенатору вздумалось послушать его проповѣдь.

Проповѣдникъ говорилъ о просвѣщеніи и, судя по разсказу Новосильцева, рѣчь его была очень либеральна. Въ ней были мѣста, обратившія особенное вниманіе сановитаго слушателя, будущаго попечителя учебнаго округа. Монахъ между прочимъ сказалъ, что тѣмъ есть орудіе неволи, налагающей оковы на дражайшій даръ Божій, человѣческую свободу, и что одно лишь полное

просвѣщеніе можетъ сокрушить эти оковы и возратить свободу человѣку, на которую онъ, по своему качеству сына Божія, искупленнаго Иисусомъ Христомъ, имѣетъ неотъемлемое право.

Прямо изъ церкви сенаторъ зашелъ къ Броньскому и засталъ у него гостей, нѣсколько человѣкъ помѣщиковъ. Тутъ при всѣхъ сказалъ онъ съ своимъ Вольтеровскимъ риктусомъ: „Поздравляю васъ, г. предводитель, я не ожидалъ найти въ вашемъ уѣздѣ такой прогрессъ. Если ваши Бернардины ²²⁾ такъ развиты, какъ тотъ, котораго проповѣдь я сейчасъ слышалъ, то на какой степени цивилизаціи должны стоять болѣе образованные классы?“ За тѣмъ онъ по своему разсказалъ сущность проповѣди, и вѣроятно въ его вольномъ переводѣ, при недостаточномъ знаніи Польскаго языка, рѣчь бѣднаго священника приняла другое значеніе: то, что онъ разумѣлъ о духовной и нравственной свободѣ и о религіозномъ просвѣщеніи, было перетолковано въ житейскій и политическій смыслъ.

Какъ бы то ни было, по всему было видно, что проповѣдь Бернардина глубоко подѣйствовала на сенатора. Предводитель, Броньскій, по обыкновенію, отдѣлывался двусмысленными шуточками; но въ числѣ его гостей былъ одинъ, который, заискивая въ расположеніи Новосильцева и имѣя еще другую цѣль, пустился въ разглагольствованія объ опасномъ направленіи духа времени, о предосудительномъ образѣ мыслей молодежи и т. п. Сенаторъ недолго оставался у Броньскаго, а въ слѣдъ за нимъ пошелъ и этотъ господинъ, помѣщикъ и даже мой сосѣдъ по деревнямъ. Онъ прямо отправился къ Новосильцеву и сказалъ ему. „Вы, г. сенаторъ, очень справедливо обратили вниманіе на сегодняшнюю проповѣдь. Но знайте, что

бѣдныя Бернардины тутъ ни при чемъ; самъ проповѣдникъ, быть можетъ, и не понималъ того, что говорилъ. У насъ, въ нашемъ и въ нѣсколькихъ смежныхъ уѣздахъ, есть цѣлое агенство карбонаровъ, распространяющее всѣми средствами и всѣми путями революціонный духъ. Главные дѣятели: молодой П. (тутъ онъ назвалъ меня) и его дядя Б. Я имѣю даже нѣкоторыя данныя, по которымъ увѣренъ, что проповѣдь написалъ П., а самъ нарочно ухалъ, чтобы не быть въ церкви, когда она говорилась. Онъ уже не разъ дѣлалъ подобныя штуки; въ такомъ же духѣ пописывалъ онъ въ Виленскихъ журналахъ“ и т. п. Новосильцевъ поблагодарилъ донощика, но подалъ видъ, какъ будто не совсѣмъ повѣрилъ сказанному имъ и прибавилъ, что знаетъ меня лично.

Однако въ этотъ же день секретарь Новосильцева Гомзинъ (единственный честный человѣкъ изъ его свиты) отправился къ предводителю и объявилъ ему *официально*, что сенаторъ поручилъ ему пересмотрѣть мои бумаги, но такъ чтобы ни я, и никто въ городѣ объ этомъ не узналъ. Выславши подъ разными предлогами моего помощника и всю прислугу, Гомзинъ съ предводителемъ, не мало испуганнымъ, отправилась на поиски въ канцелярію, гдѣ была и моя квартира. Въ шкапу съ моими частными бумагами замокъ былъ поврежденъ, и всякій разъ, уѣзжая изъ города, я запечатывалъ дверцы бумажкою съ двумя облатками. Съ большою осторожностью перебрали не только мои частныя бумаги, но и всѣ дѣла, по листамъ и, разумѣется, не нашли ничего. Но для меня это было *не ничего*: они прочитали мою интимную переписку съ одною молодою дѣвушкою. Послѣ того Гомзинъ не разъ подшучивалъ надо мною по случаю моихъ сердечныхъ дѣлъ, и я терялся въ догадкахъ, какъ они ему стали извѣстны, когда мы ихъ такъ хорошо скрывали. Къ счастью, тетрадку съ бѣглыми записками о Новосильцевѣ я взялъ съ со-

²²⁾ Бернардины, орденъ ниществующій (mendicant) живущій однимъ подаеніемъ, считался менѣе образованнымъ, чѣмъ другіе монашескіе ордены, имѣвшіе поземельную собственность и капиталы.

бою въ деревню, для дополненія послѣднимъ разговоромъ у Броньскаго.

Гомзинъ отрапортовалъ о результатѣ *перлюстраціи* и прибавилъ отъ себя благопріятный обо мнѣ отзывъ. Мы часто встрѣчались съ нимъ въ одномъ домѣ, гдѣ онъ ухаживалъ за хозяйкой, и онъ засвидѣтельствовалъ предъ сенаторомъ, что я былъ похвального образа мыслей и отъявленный противникъ всякихъ революціонныхъ помысловъ, что впрочемъ и была правда.

Возвратившись въ понедѣльникъ въ городъ, я нашелъ мой шкапъ по прежнему запечатаннымъ, а печатей не осматривалъ. Всѣ бумаги были на мѣстѣ. Только когда потребовались дѣла, то я замѣтилъ въ нихъ нѣкоторый безпорядокъ, но и это не возбудило во мнѣ подозрѣнія, такъ какъ въ шкапѣ съ дѣлами ходилъ мой помощникъ. И такъ я ничего не зналъ изо всего, что безъ меня происходило. Только чрезъ 26 лѣтъ послѣ этого случая рассказалъ мнѣ его тестъ того чиновника, который дѣлалъ обыскъ, сенаторъ А. П. Дмитріевъ. Николай Николаевичъ продолжалъ быть по прежнему любезнымъ со мною. Предводитель же ничего мнѣ не сказалъ, потому что, какъ я послѣ узналъ, Новосильцевъ, не имѣвшій еще тогда никакого officialнаго характера въ тамошнемъ краѣ, формально требовалъ тайны.

Но каковъ тотъ прекрасный господинъ, который затѣялъ всю эту кутерьму съ пѣлюю ложнымъ доносомъ погубить молодого человека въ самомъ началѣ поприща? И что его побудило къ такому гнусному поступку? А вотъ что: онъ зналъ, что на приближавшихся дворянскихъ выборахъ я буду принадлежать къ противной ему партіи, я же располагалъ десятью голосами единомышленниковъ; а ему хотѣлось быть выбраннымъ въ одну изъ губернскихъ должностей. Онъ себя вообразилъ, что ему повѣрятъ на слово, а меня, еще въ время для осуществленія его плановъ, сошлютъ куда нибудь. Разсчетъ былъ довольно правдоподобный; онъ почти

навѣрно полагалъ, что сдѣлаютъ обыскъ и найдутъ что нибудь недоброе, хоть бы какіе нибудь стишки, ходившіе тогда по рукамъ; а тогда съ Великимъ Княземъ не шутили! Кто никогда не участвовалъ въ выборахъ, тотъ не пойметъ этого поступка, не можетъ составить себѣ понятія, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ доходятъ затаенныя провинціальныя озлобленія между враждующими партіями. По возвращеніи изъ Университета, я разъ уже голосовалъ въ своемъ уѣздѣ, и съ тѣхъ поръ дразни мелкихъ интригъ и всякихъ сплетней, кипѣвшихъ между дворянами, за долго еще до срока, омерзительныя заискиванія кандидатовъ, наконецъ обстановка процесса вполнѣ разочаровали меня на счетъ самаго выборнаго начала, особенно когда я убѣдился, что, именно вслѣдствіе такихъ интригъ, результатъ никогда почти не соответствуетъ убѣжденію и желанію большинства. Съ тѣхъ поръ навсегда опротивили мнѣ и потеряли разумное значеніе всякіе выборы, начиная съ засѣдателей бывшаго нижняго земскаго суда и до императора Французовъ.

Возвратимся къ бесѣдамъ Новосильцева за пончомъ у Броньскаго. Послѣдній спрашивалъ, какъ это случилось, что при образованіи Царства Чарторижскій не былъ назначенъ намѣстникомъ? Всѣ знали о дружбѣ его съ Государемъ, и никто не сомнѣвался въ этомъ назначеніи. „Дружба, дружба! (отвѣчалъ съ своимъ риктусомъ Новосильцевъ) „*tempi passati, cher maréchal, les jours se suivent et ne se ressemblent pas*“²³⁾. Тутъ онъ сталъ говорить, что Чарторижскій самъ повредилъ себя излишнею самоувѣренностію; Государь *узналъ*, что онъ заранѣе дѣлаетъ приготовленія къ занятію этого поста, что даже раздаетъ своимъ приближеннымъ

²³⁾ Времена прошедшія, любезный предводитель. Дни слѣдуютъ одинъ за другимъ, и не походятъ одинъ на другой.

мѣста и титулы, и т. п. При томъ Императору не *безизвѣстны были* дѣйствія по учебному округу, гдѣ по вдохновенію попечители заботились не столько о наукахъ, сколько о сохраненіи въ молодёжи *le jeu sacré de l'ultrapolonisme*²⁴⁾. Великій Князь также терпѣть не могъ Чарторижскаго. Да и было бы не согласно съ здравою политикою имѣть въ Царствѣ намѣстникомъ потомка такого рода, который въ прежнія времена не разъ посягалъ на Польскій престолъ. Потомокъ этотъ не преминулъ бы усвоить себѣ приемы и разыгрывать роль царственной особы, въ ожиданіи того, когда показалось бы ему, что наступила пора провозгласить себя королемъ²⁵⁾.

Во всемъ этомъ, какъ всякій видитъ, насквозь просвѣчивали интрига самого же Новосильцева и его наговоры Императору и Великому Князю²⁵⁾. Чарторижскій, удалившійся отъ двора и не бывъ ни въ чемъ открыто обвиняемъ, не могъ ни защищаться, ни оправдываться. Назначенъ былъ, какъ извѣстно, намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ Заіончекъ, старый, изувѣченный (безъ ноги) Польско-французскій генералъ, происходящій изъ мелкой шляхты, больше чѣмъ на половину офранцуженный, женатый даже на Француженкѣ, впрочемъ человекъ смирный и не дальнаго ума, однимъ словомъ, такой, какого нужно было Новосильцеву, для исполненія безпрекословно всѣхъ его внушеній. Прочіе министры, кромѣ Любецкаго, были подобраны подъ стать Заіонченку.

Новосильцевъ вообще не одобрялъ конституціонныхъ формъ правленія, пожалованныхъ Императоромъ новому царству, а въ особенности свободы пе-

чати. Сейму, какъ извѣстно, не было предоставлено парламентской инициативы, то есть, что никто изъ депутатовъ отдѣльно, и сеймъ въ полномъ составѣ, или его большинство, не имѣли права предлагать проекты. Всѣ проекты исходили отъ правительства, и сеймъ могъ только разбирать и дебатировать ихъ, и въ самыхъ основаніяхъ, и отдѣльно по статьямъ, принимать или отвергать ихъ. Новосильцевъ говорилъ, что рѣчь была о томъ, чтобы Польскому парламенту предоставить и законодательную инициативу. Этого сильно домогались вліятельные Поляки: Нѣмцевичъ, Ваврецкій, Выбицкій, Ходкевичъ и др.; но Государь послушался болѣе здравыхъ совѣтовъ, основанныхъ на знаніи исторіи и народнаго характера Поляковъ. По мнѣнію Новосильцева, и того, что имъ было дано, слишкомъ много; они съумѣютъ злоупотребить и этимъ. „Государю хотѣлось сдѣлать *expiementum in anima vili*²⁶⁾, но этотъ опытъ не удался. Симптомы этого теперь уже являются“.

Къ сожалѣнію, предсказанія эти скоро начали сбываться. Въ Варшавѣ стали печатать такіе вещи, что необходимо было ввести цензуру. Сеймъ въ своей стороны отличался въ томъ же духѣ. Подъ предводительствомъ братьевъ Немоіовскихъ и другихъ, составила безразсудная оппозиція, со временемъ увлекшая за собою и большинство сейма. Всѣ проекты правительства отвергались. Въ дискуссіи по одному изъ нихъ (объ ограниченіи разводовъ между супругами) Винцентій Немоіовскій позволилъ себѣ личную, весьма неумѣстную, выходку противу Государя. Всего хуже то, что въ этомъ мало было искренняго убѣжденія, все дѣлалось для эффекта, изъ безразсуднаго тщеславія. А въ этой погонѣ за эффектомъ много виноватъ былъ прекрасный полъ. Подобные Немоіовскому энергумены въ салонахъ высшаго Варшавскаго свѣта принима-

²⁴⁾ Священный огонь крайней польщизны.

²⁵⁾ Мы признаемся въ нашей недалекозорности и считаемъ эти слова бездоказательными. Ближайшее знакомство съ біографіею Александра Павловича показываетъ, напротивъ, что именно въ это время Новосильцевъ уже не былъ другомъ Государя и едва ли имѣлъ случай для частныхъ собесѣдованій съ нимъ.

²⁶⁾ Опытъ на живомъ тѣлѣ.

лись, какъ какіе нибудь герои. На засѣданіи палатъ допускалась публика, и большинство ея составляла женская аристократія. Всякая оппозиціонная выходка вызывала громкіе знаки одобренія и чѣмъ рѣзче была эта выходка, чѣмъ язвительнѣе насмѣшка надъ правительствомъ, тѣмъ громче дамы кричали *браво*, тѣмъ усерднѣе махали платками. Нужно было положить этому конецъ, и въ одномъ изъ 1820-хъ годовъ изданъ былъ высочайшій указъ о недопущеніи публики на засѣданія.

Такъ мало по малу ограничивались свободы, дарованныя хартіею 1815 года. Поляки называли это нарушеніемъ конституціи и, въ послѣдствіи, этимъ оправдывали возстаніе 17 Ноября 1830 года, не сознавая, что всему этому виноваты были сами. Не правительство первое, а они первые нарушили конституцію, злоупотребляя предоставленными имъ свободами. Стѣснительныя мѣры вызваны были необходимостію прекратить скандалъ и, по всей справедливости, если можно было упрекнуть въ чемъ нибудь правительство, то развѣ въ излишнемъ долготерпѣніи, такъ какъ дурной примѣръ извращалъ все болѣе и болѣе бурный народный характеръ и настраивалъ на тотъ же діалектъ умы въ западномъ и югозападномъ краѣ.

Изъ сказаннаго можно заключить, что пребываніе Новосильцева въ такомъ городѣ, какъ Слонимъ, продолжавшееся иногда по нѣскольку мѣсяцевъ, могло имѣть административно-политическую цѣль. Но можно также думать, что Слонимъ былъ его Капуа, куда онъ удался изъ Варшавы, дабы, за глазами Великаго Князя, свободно предаваться своей преобладающей страсти. Ямайскіе вечера у Броньскаго были только какъ бы прелюдія къ систематическимъ попойкамъ, которыя онъ, по всѣмъ правиламъ искусства, устраивалъ нерѣдко у себя и которыя продолжались по нѣскольку сутокъ. Для этого онъ избиралъ себѣ изъ мѣстныхъ жителей увѣда, безъ разбора чиновъ и общественнаго

положенія, кого нибудь одного такого, о которомъ шла хорошая Вакхическая слава. Однимъ изъ наслажденій Новосильцова было *перепивать* такого силача. Когда таковой былъ найденъ, то всѣ дѣла откладывались, гостепріимный садовникъ запирался съ товарищемъ герметически, и тутъ выступало изъ береговъ разливное море всякихъ винъ, ромовъ, араковъ, коньяковъ. Всѣ тогда въ городѣ знали „que le roi s'amuse“²⁷⁾; никто не смѣлъ беспокоить его никакими дѣлами, свита расходилась и развѣзлась во всѣ стороны дня на три, на четыре.

Такимъ образомъ Новосильцевъ запозилъ буквально до смерти помѣщика Павла Шумовича, слышавшаго за самую крѣпкую голову. Но послѣ него онъ началъ таки на своего. Это былъ приходскій священникъ мѣстечка Молчади, ксендзъ Родзевичъ. Онъ постоянно, во всѣхъ подобныхъ состязаніяхъ, перепивалъ Новосильцева и, когда тотъ лежалъ уже безъ чувствъ, достойный пастырь являлся въ городѣ у знакомыхъ бодрымъ и почти трезвымъ. Самъ сенаторъ смиренно признавалъ его своимъ побѣдителемъ.

Почти тоже самое случалось съ княземъ Францискомъ Сапѣгою, когда тотъ изъ своего Деречина прїѣзжалъ погостить у Новосильцева. Сапѣга, какъ и сенаторъ, долго жилъ въ Англіи и тамъ вытенировался въ благородномъ искусствѣ хорошо пить. За обѣдомъ пились только вина, любимыя Англичанами; непосредственно же послѣ кофея хозяинъ и гость помѣщались за столикомъ, на которомъ являлся одинъ огромный графинъ рома, другой воды и сосудъ съ мелкимъ сахаромъ. Но послѣдній былъ предназначенъ не для князя, который всегда пилъ Cold-without²⁸⁾. Тутъ шла оживленная бесѣда, оба были люди умные, остроумные, въ полномъ смыслѣ космополиты, безъ всякихъ предразсуд-

²⁷⁾ Что король увеселяется.

²⁸⁾ Холодный грогъ безъ сахару.

ковъ, какъ истые представители энциклопедистскаго вѣка, и оба много видали въ жизни. Не мудрено, что дутье продолжался до позднего вечера и что графиня съ ромомъ имѣлъ еще своего преемника. Но всегда оканчивалось тѣмъ, что Сапѣга, уложивши своего „субутыльника“, приходилъ прямо отъ него къ Броньскому и рассказывалъ о своей побѣдѣ (II).

Всякій разъ, когда Сапѣга гостилъ у Новосильцева, они оба заходили къ Броньскому; тогда бесѣда еще болѣе оживлялась. Сапѣга былъ неистощимъ въ разсказахъ и островахъ. Онъ безпощадно смѣялся надъ учрежденіемъ Царства Польскаго. „Эта игрушка, эта идиллія поэтическаго воображенія Александра (говорилъ онъ) дорого будетъ стоить Россіи“. Особенно онъ осмѣивалъ добродушіе, съ которымъ Царству дарована была собственная, почти 40 тысячная армія. На одной изъ такихъ бесѣдъ былъ и начальникъ Литовской уланской дивизіи генералъ Влодекъ (III). При немъ и указывая на него, Сапѣга обратился къ Новосильцеву и сказалъ: „Вотъ еще образчикъ вашей глубокой политики. Мало того, что составили Польскую армію, еще одинъ цѣлый корпусъ назвали *Литовскими*, и одѣли его въ мундиры національныхъ Польскихъ цвѣтовъ: синій съ малиновымъ, синій съ желтымъ и т. д. Вамъ вѣрно хотѣлось, чтобы и Литовцы не забывали о своей уніи, о своей солидарности съ Поляками. Не удивляйтесь же послѣ того ничему, что случится; а случится непременно“. Тутъ Новосильцевъ и Влодекъ старались, хотя и слабо, протестовать, но неутомимый Сапѣга, обратясь къ послѣднему, сказалъ: „Помилуйте, генералъ, хотя вы и не принадлежите къ составу Польской арміи, но вы съ вашей дивизіей такое же Польское войско, какъ и то, которое въ Варшавѣ. Вы сами здѣшній уроженецъ и помѣщикъ. Кромѣ четырехъ-пяти Русскихъ, всѣ ваши офицеры и солдаты Поляки или Литовцы; изъ Русскаго языка въ вашей дивизіи остались

только слова команды; во всей дивизіи не говорятъ иначе, какъ попольски; вы сами внѣ службы этимъ языкомъ разговариваете съ офицерами. Въ ихъ кругу говорить порусски считается дурнымъ тономъ“. Влодекъ опустилъ голову, отвѣчать было нечего; а Броньскій вмѣшался въ разговоръ и сказалъ, что надобно надѣяться, что Поляки наконецъ образумятся и останутся довольны и благодарны за то что для нихъ сдѣлано.

Въ Мѣ 1822 г. случилось такъ, что дядѣ моему Б., человѣку очень достаточному, угрожало лишеніе всего состоянія, по дѣлу, производившемуся тогда въ Петербургѣ въ государственномъ контролѣ. Дѣло это было съ его стороны какъ нельзя болѣе правое, но по особымъ обстоятельствамъ принимало уже очень неблагоприятный оборотъ. Я разскажу, быть можетъ, особо очень замѣчательныя подробности этого дѣла и болѣе еще замѣчательное оригинальное обстоятельство, по которому я его выигралъ.

Петербургъ для всей Литвы былъ тогда terra incognita. Никто изъ насъ не имѣлъ тамъ никого знакомаго. Во всемъ кругѣ нашихъ мѣстныхъ отношеній я одинъ, по моей должности, обязанъ былъ знать и знать немного порусски, словомъ, я одинъ могъ въ этомъ случаѣ помочь дядѣ. Медлить нельзя было; наконецъ матушка приказала мнѣ исполнить просьбу дяди. Въ Іюнь тогожъ года я взялъ отставку и собрался ѣхать.

Естественно я рѣшился просить Новосильцева дать мнѣ наставленіе и рекомендательныя письма. Онъ былъ въ этомъ случаѣ очень любезенъ; сказалъ, что лучшая рекомендація была бы къ государственному контролеру, барону Кампенаузену, но онъ съ нами почти незнакомъ. Онъ далъ мнѣ два письма, одно къ управлявшему тогда Придворною Конторою Альбедилу, а другое къ извѣстному въ свое время дѣльцу, сенатскому оберъ-секретарю, а въ то время оберъ-контролеру одного изъ департаментовъ контроля, Метлану. Не нуж-

но, кажется, прибавлять, что письмо къ первому чину Двора не послужило ни къ чему, и что только второе оказало действительную пользу. У меня былъ еще въ резервѣ членъ Государственнаго Совѣта, почтенный Василий Сергѣевичъ Ланской. Я не нуждался къ нему ни въ какой рекомендаціи: это былъ большой другъ покойнаго моего отца, также какъ и Пусловскаго и Любецкаго. Онъ подружился съ ними въ то время, когда былъ Гродненскимъ губернаторомъ.

При прощаніи, Новосильцевъ спросилъ меня, поѣду ли я на Вильну и когда я отвѣчалъ утвердительно и что долженъ пробыть тамъ нѣсколько дней, сенаторъ сказалъ, что и онъ на дняхъ поѣдетъ въ Вильну, гдѣ будетъ въ первый разъ; поэтому просилъ указать гостиницу, гдѣ бы ему остановиться. Собственно того, что называется гостиница, въ Вильнѣ тогда почти не было, но можно было нанимать въ частныхъ домахъ меблированныя квартиры. Я указалъ вадомъ аптекаря Велька на Нѣмецкой улицѣ.

На третій день послѣ этого, я отправился въ дорогу и доѣхалъ благополучно до послѣдней предъ Вильною станціи, Единины. Но тамъ смотритель объявилъ мнѣ, что лошадей не дастъ, потому что каждый часъ ожидаютъ проѣзда Великаго Князя Константина Павловича въ Вильну. Напрасно я его увѣрялъ, что видѣлся съ Новосильцевымъ, что я рѣши не было о путешествіи Великаго Князя. Смотритель былъ непреклоненъ. Я долженъ былъ цѣлый день просидѣть и ночевать на станціи. Это пребываніе осталось у меня въ памяти, потому что, для развлеченія въ моей тоскѣ, смотритель далъ мнѣ книгу „Тысяча и одна ночь“ въ плохомъ Польскомъ переводѣ, и я впервые познакомился съ этимъ классическимъ сочиненіемъ, прочитавъ весь первый томъ.

На слѣдующее утро я искренно обрадованъ былъ прибытіемъ на станцію Новосильцева, ѣхавшаго со свитою въ Вильну. Я предчувствовалъ, что онъ меня освободитъ изъ заточенія. Que faites

vous ici? ¹⁾ воскликнулъ сенаторъ, увидѣвши меня. Я ему рассказалъ причину моей остановки; онъ засмѣялся и сказалъ: c'est un malentendu ²⁾. Позвали смотрителя, оробѣвшаго, когда онъ увидѣлъ, что я знакомъ съ сенаторомъ. Новосильцевъ велѣлъ дать мнѣ лошадей и сказалъ, что Великій Князь вовсе не поѣдетъ. Въ Вильнѣ я былъ у Новосильцева; онъ благодарилъ меня за указанную квартиру, которую былъ очень доволенъ, хвалилъ городъ и окрестности. Тогда было вакантное время Университета, студентовъ было мало, провинція вся развѣхалась, оставались одни городскіе. Я провелъ нѣсколько дней съ этими товарищами, знакомыми и родными. Только что вышли изъ печати два тома перваго изданія стиховъ Мицкевича; самого его не было, онъ былъ уже въ Ковнѣ учителемъ Польской словесности въ тамошней гимназіи. Я пораженъ былъ геніальностію этого молодого, скромнаго чловѣка, съ которымъ въ Университетѣ сидѣлъ на одной скамейкѣ, но не былъ близко знакомъ. Только черезъ нѣсколько лѣтъ завязалась у меня съ Мицкевичемъ тѣсная дружба, когда онъ жилъ въ Петербургѣ. (См. главу III-ю. Воспоминанія о Мицкевичѣ).

Я уже собрался было въ дальнѣйшій путь и, запасшись еще нѣсколькими письмами Виленскихъ жителей къ Петербургскимъ знакомымъ, долженъ былъ ѣхать на другой день. Была прекрасная погода, и къ тому еще какой-то праздникъ. Всѣ Вильняне были на улицахъ и площадяхъ. Пообѣдавши съ тремя бывшими товарищами, мы отправились гулять въ ботаническій садъ; надобно было пройти всю Большую и Замковую улицы. Идемъ, разговариваемъ, встречаемъ много знакомыхъ. Только вдругъ, вижу я издалека ярко алѣющую намъ на встрѣчу, хорошо знакомую физиономію. Съ конца Замковой улицы идетъ мой сенаторъ зигзагами, спотыкаясь на каж-

¹⁾ Что вы здѣсь дѣлаете?

²⁾ Это недоразумѣніе.

домъ шагу, останавливаясь и оглядываясь на всѣ стороны. Онъ былъ во фракѣ съ звѣздами, въ бѣломъ галстукѣ; на немъ альмавива, распахнутая и влачащаяся по землѣ. Въ маломъ городѣ всякая новая фигура обращаетъ вниманіе, но эта обратила бы его и въ большомъ. Въ Вильнѣ никто еще не зналъ Новосильцева. Съ большимъ безпокойствомъ вижу я, какъ прохожіе разсматриваютъ его и отходятъ съ усмѣшкою. Наконецъ и мои товарищи увидѣли его и показываютъ мнѣ. Одинъ говоритъ: „Посмотри, пожалуйста, что это за чучело?“ Въ эту минуту я хотѣлъ бы провалиться сквозь землѣ. Я норовилъ своротить въ сторону, но боковой улицы не было, а товарищи не пустили перейти чрезъ улицу. Вдругъ сенаторъ увидѣлъ и узналъ меня. Онъ остановилъ нашу группу и говоритъ мнѣ по-французски: „Какъ я радъ, что васъ встрѣтилъ, m-r P.; я обѣдалъ у Корсакова (военнаго губернатора) и вообразите, выйдя отъ него, заблудился, да еще забылъ улицу и домъ, гдѣ живу. Будьте такъ добры, доведите меня“. Тутъ безъ церемоній беретъ меня подъ руку. Я извинился предъ товарищами и пошелъ съ моимъ сановникомъ обратно на Нѣмецкую улицу. Простившись съ нимъ въ Слонимѣ, могъ ли я думать, что мнѣ придется еще разъ въ жизни оказать ему такую же услугу, какую я тамъ столько разъ оказывалъ! Здѣсь же на бѣду и Петручка не было. Можно себя представить мое положеніе въ такой компаніи, въ городѣ, гдѣ меня всѣ знали, а его никто, и гдѣ на каждыхъ двадцати шагахъ попадались знакомые. Отведя домой моего дорогаго пупила, я оттуда отправился въ ботаническій садъ, гдѣ засталъ еще товарищей и объяснилъ имъ все. Когда они отъ души смѣялись, я имъ сказалъ: „Дай Богъ, чтобы тотъ, надъ которымъ теперь смѣетесь, не заставилъ васъ плакать“. Предсказанія мои, къ сожалѣнію, сбылись; въ числѣ этихъ молодыхъ людей было двое, которые года чрезъ полтора были отданы въ солдаты.

Этимъ впрочемъ окончились мои личные отношенія къ Новосильцеву. Я уѣхалъ въ Петербургъ, тамъ кончилъ благополучно дѣло дяди, вступилъ вновь въ службу, въ которой потомъ оставался болѣе сорока лѣтъ, женился и пробылъ въ столицѣ съѣвѣра 40 лѣтъ почти безвыѣздно. На родинѣ я былъ разъ, въ исходѣ 1824 года, когда ѣздивъ въ отпускъ на два мѣсяца; въ другой разъ, въ 1851 г., возвращаясь изъ Варшавы, я пробылъ у покойной матушки десять дней. Въ первый разъ я видѣлъ Новосильцева только мелькомъ, на его балѣ, а во вторую мою поѣздку его уже не было въ живыхъ. Въ Петербургъ, когда онъ былъ назначенъ председателемъ Государственнаго Совѣта, мнѣ, по правдѣ сказать, совѣстно было являться у него въ качествѣ стараго знакомаго, такъ какъ съ этимъ знакомствомъ связаны были воспоминанія, которые не могли быть пріятны первому сановнику Имперіи. Я разъ только былъ у него, и къ счастью, не заставъ дома, записался, онъ же меня къ себѣ не позвалъ. Изрѣдка встрѣчалъ я его въ свѣтѣ, на вечерахъ и балахъ; онъ всегда узнавалъ меня и былъ очень любезенъ, но я держалъ себя въ почтительномъ отдаленіи, подобавшемъ неизмѣримой безднѣ, отдѣляющей коллежскаго ассесора, столоначальника одного изъ министерствъ, отъ председателя Государственнаго Совѣта. Онъ замѣчалъ это, и мое поведеніе, видимо, ему нравилось.

И такъ, дальнѣйшія мои сказанія о Новосильцевѣ будутъ уже основаны не на личныхъ моихъ съ нимъ сношеніяхъ, но на не менѣе достовѣрныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ подлинныхъ дѣлъ и дошедшихъ до меня положительныхъ свѣдѣній.

Вскорѣ по моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ возникло предчувствуемое мною еще въ Слонимѣ дѣло о студентахъ Виленскаго университета и нѣкоторыхъ гимназій тамошняго округа. Ректоромъ тогда былъ помѣщикъ Пинскаго уѣзда, старый докторъ философіи тогожъ уни-

верситета Твардовскій. Министромъ народного просвѣщенія, послѣ князя Голицына, былъ уже Шишковъ. Я зналъ хорошо и его, и его жену (объ этомъ въ своемъ мѣстѣ), и директора департамента, прекраснаго Дмитрія Ивановича Языкова, и начальника отдѣленія, въ вѣдѣніи котораго состоялъ Виленскій университетъ, Балемана, и агента попечителя, князя Чарторижскаго, Ипполита Блотницкаго. Хотя Виленское дѣло не мало меня интересовало, но я чрезъ всѣхъ этихъ лицъ ничего положительнаго о немъ не могъ узнать, потому что и они ничего, или почти ничего, не знали. Министерство было устранено отъ всякаго вліянія на то, что дѣлалось въ Вильнѣ; Чарторыйскій вышелъ въ отставку, попечителемъ назначенъ Новосильцевъ, и самъ онъ, съ назначенною имъ особою комиссіею, производилъ слѣдствіе. Въ комисіи главную роль игралъ Виленскій губернский прокуроръ Ботвинко; рапорты посылались отъ Новосильцева прямо къ Государю, министерству же сообщали только къ свѣдѣнію о перемѣнахъ въ личномъ составѣ Университета, которыя дѣлались уполномоченнымъ для этого Новосильцевымъ. Такимъ же образомъ произносились и исполнялись приговоры о признанныхъ виновными. Всѣ однакожъ фазисы дѣла были частнымъ образомъ извѣстны въ Петербургѣ.

Въ Университетѣ, въ слѣдующемъ по моемъ выѣзду году (18 ¹⁷/₁₈) развился духъ большаго усердія къ наукамъ; нѣкоторые изъ студентовъ читали товарищамъ лекціи годигетики (науки слушанія съ пользою курсовъ). За этимъ или въ связи съ этимъ, главнѣйше по инициативѣ Оомы Зана, лучшими изъ студентовъ признана необходимость строгой нравственности, трезвости, чистоты нравовъ. Единомышленники въ этомъ дали себѣ взаимно соотвѣтствующія обѣщанія и составили общество, принявшее названіе Променистыхъ (лучистыхъ, лучезарныхъ, производимое отъ названія въ физикѣ невѣсомыхъ веществъ свѣта, теплорода, елек-

тричества, магнетизма). Променистые учились отлично, вели себя, какъ траписты, пили одну воду, а вмѣсто студенческихъ оргій ходили за городъ въ мѣстность, называемую Рыбишки, люмую ботаникамъ, потому что въ ней сосредоточивается почти вся Литовская флора, и тамъ пили молоко и упражнялись въ гимнастическихъ играхъ. При встрѣчѣ съ распутною женщиною или съ разгульнымъ молодымъ человѣкомъ, они затыкали себѣ носъ. То, что я говорю объ ихъ цѣломудріи, до того справедливо, что я зналъ десятки такихъ Променистыхъ, которые до жендѣбы не знали что такое женщина.

Общество это при ректорѣ Малевскомъ (1819—1820) не только не запрещалось, но было поощряемо, такъ какъ оно дѣйствительно очень хорошо вліяло на нравственность и успѣхи студентовъ въ наукахъ. Изъ 700—800 всѣхъ ихъ, Променистыхъ было около одной трети. Въ послѣдствіи изъ Променистыхъ составилось общество, какъ бы высшая степень, подъ названіемъ *Филаретовъ*, а изъ среды послѣднихъ десять человѣкъ, или болѣе избранныхъ, приняли названіе *Филоматовъ*. Променистые и Филареты были общества открытыя, Филоматы же составляли какъ бы верховный совѣтъ, управлявшій низшими степенями. Я все это говорю только по слухамъ и на основаніи того, что, по показанію слѣдственной комиссіи, было ею обнаружено. Эти послѣдніе фазисы студенческихъ расходокъ пришлось какъ разъ въ эпоху разгорѣвшагося въ Италіи карбонаризма, а въ Германіи тугенбундовъ, и это послужило поводомъ къ принятію строгихъ мѣръ въ Вильнѣ. Новосильцевъ съ жадностію воспользовался случаемъ, чтобы найти чтонибудь къ обвиненію Чарторижскаго и къ тому постоянно направлялъ все производство слѣдствія *).

*) Намъ кажется, что каковы бы ни были личныя отношенія Новосильцева къ Чарторижскому, но въ этомъ случаѣ не могъ же Новосильцевъ дѣйствовать иначе, какъ про-

Мы не имѣли въ рукахъ документовъ и, при всей извѣстности намъ непохвальныхъ сторонъ характера главнаго дѣателя, не беремся судить, на сколько справедливы слышанныя въ то время жалобы на пристрастіе и даже на жестокость слѣдователей. Чувство справедливости заставляетъ насъ признать, что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, въ современномъ настроеніи Европейскихъ обществъ, правительство имѣло полное основаніе строго доискиваться духа и цѣли составлявшихся между Польскою молодежью обществъ. Но съ другой стороны достоверно и то, что самыя тщательныя розыски не открыли между Виленскими студентами контр-правительственного заговора. Это доказывается самими приговорами надъ подсудимыми. Главныя личности изъ Филаретовъ и Филоматовъ, Занъ, Чечотъ, Сузинъ, Мицкевичъ, Малевскій, Ежовскій, Вудревичъ, Кулаковскій и др. подверглись только предупредительнымъ, административнымъ мѣрамъ. Они были разосланы на службу по разнымъ губерніямъ, въ томъ числѣ Мицкевичъ и Малевскій на службу въ Петербургъ; изъ нихъ кандидаты къ учительскому званію опредѣлены въ учительскія должности по разнымъ губернскимъ гимназіямъ. (IV). Виленскій университетъ былъ закрытъ и потомъ преобразованъ въ Медицинскую Академію. Было нѣсколько (почти все гимназистовъ) осужденныхъ въ солдаты, но все таки не за участіе въ какомъ-либо заговорѣ, а за частныя утѣра-патріотическія выходки, или за оскорбленіе письменно Императорскаго Величества.

Сами осужденные, сколько съ ними доводилось говорить, не обвиняли Новосильцева въ жестокости, а только въ чрезвычайной апатіи и бездѣйствіи. Увидѣвъ, что не удастся ничего добиться противъ Чарторижскаго, онъ сталъ относиться къ дѣлу апатично и утверж-

далъ безразлично все, что дѣлала коммиссія. Впрочемъ ему тогда было не до того.

Въ Вильнѣ, съ давнихъ временъ, проживалъ послѣдній любимецъ Императрицы Екатерины II, свѣтлѣйшій князь Зубовъ. Это былъ большой оригиналъ. Не смотря на колоссальное состояніе, онъ не имѣлъ собственнаго *у себя*, жилъ всегда *на амбарахъ* въ чужомъ домѣ: прежде у графа Беннигсена, когда тотъ былъ Виленскимъ военнымъ губернаторомъ, а въ послѣднее время у такого же военнаго губернатора, Римскаго-Корсакова. Онъ не былъ женатъ, но имѣлъ отъ разныхъ матерей пять или шесть человѣкъ дѣтей и обезпечилъ ихъ, положивъ въ банкъ на имя каждаго по миллиону рублей ассигнаціями. На старости лѣтъ, когда ему было уже за 60, онъ влюбился въ дѣвицу В***, необыкновенной красоты, и женился на ней. Проживъ съ нею недолго и приживъ дочь, онъ умеръ, оставилъ вдовѣ громадное состояніе. Свѣтлѣйшая красавица проживала въ Вильнѣ въ самое то время, когда Новосильцевъ производилъ тамъ пресловутое свое слѣдствіе.

Философы, наблюдатели человѣческихъ дѣлъ, давно уже замѣтили, что волны моря житейскаго такъ перемѣшаны, что въ ихъ разливѣ на данное количество грустныхъ, трагическихъ и даже ужасныхъ, всегда приходится извѣстный процентъ комическихъ, и послѣднія являются неожиданно, въ самый разгаръ бури. Какъ бы въ подтвержденіе этого замѣчанія, грустная драма студенческаго дѣла внезапно оживилась такимъ веселымъ элементомъ, а доставилъ его тотъ самый, который и дѣло это затѣялъ.

Новосильцевъ влюбился въ княгиню такъ пламенно и безсмысленно, какъ лучше бы не сдѣлалъ ни одинъ изъ преслѣдуемыхъ имъ гимназистовъ, и *un amour de lycéen* *), какъ говорить Байзахъ. Съ этой минуты онъ почти уже не занимался дѣломъ и нашелся вполнѣ

тивъ Чарторижскаго, коего вредное для Россіи управленіе Виленскимъ учебнымъ округомъ было уже очевидно.

II. Б.

*.) Настоящая любовь лиценста.

подъ туслею комиссиі: она дѣлала, что хотѣла.

Прійдетъ же такая блажь на стараго умнаго человѣка! Да и какъ ему было не сознавать, что онъ ни въ какомъ отношеніи княгини не пара. Наружность его не только не имѣла ничего привлекательнаго, а напротивъ въ ней было что-то отталкивающее. Ему было за 50 лѣтъ, онъ былъ средняго роста, болѣе чѣмъ плотный и при томъ неуклюжій, во рту одинъ остатокъ зубовъ, волосы на половину сѣдые. Лицо круглое, всегда красное, съ явнымъ отпечаткомъ его вѣсма известнаго порока; черты лица грубыя, носъ напоминающій своею формою картофель, глаза сѣрые, косые, бѣгающіе на всѣ стороны. Общее выраженіе физиономіи очень непріятное, новарное, и притомъ въ немъ видѣлась смѣсь Бахуса съ Сатиромъ. Онъ не принадлежалъ въ аристократіи по рожденію, а состоянію, кромѣ жалованной аренды, не имѣлъ никакого.

Эта его любовная страсть, запоздалый цвѣтокъ глубокой осени жизни, была для жителей Вильны неисчерпаемымъ источникомъ смѣха. Чтобы прельстить молодую вдову и плѣнить ея сердце, Новосильцевъ, забывая свои лѣта и положеніе, пускался въ неимовѣрные экцентричности и на нихъ тратилъ большія деньги. Журналъ его ухаживаній за княгинею занялъ бы немало страницъ. Каждый день были новые праздники, сюрпризы, пикники, кавалькады, обѣды, балы и т. д. Въ гимнастической части этихъ увеселелій Новосильцевъ былъ первымъ дѣйствующимъ лицомъ. Онъ сѣдался и лихимъ наездникомъ, и отчаяннымъ танцоромъ. Вообразите себѣ Бахуса съ сѣдыми волосами, какъ онъ трясся на лошади, или кружился въ танцѣ. Въ честь княгини онъ возобновилъ давно забытый менуэтъ и воображалъ себѣ, что танцуетъ его превосходно. Видя эти упражненія, не удивительно, что вся Вильна безъ умолку

хохотала, и что эхо этого хохота отзывалось въ Петербургѣ и Варшавѣ.

Поведеніе княгини въ этомъ случаѣ было какъ нельзя болѣе тонко и дипломатично. Повидимому, все это ее забавляло; но сомнительно, чтобы сѣдому Ловласу она подавала какія либо надежды.

Казалось, что Новосильцеву мало было Виленскаго горизонта; ему какъ бы захотѣлось позабавить на свой счетъ и свою столицу, Слонимъ. Вотъ какъ это было.

Княгининкуда-то проѣзжала черезъ Слонимъ. Новосильцевъ поспѣшилъ туда встрѣтить ее и вздумалъ дать въ честь ея большой балъ. Состояло было все лучшее общество уѣздовъ Слонимскаго и сосѣднихъ: Новогрудскаго и Волковыскаго. Я тогда, въ Январѣ 1825 года, находился въ отпуску у матушки. Балъ этотъ остался въ памяти у меня: всего болѣе по слѣдующему курьёзу. Званымъ гостямъ объявлено было, что мужчины должны быть въ башмакахъ. Исторія молчать о томъ, самъ ли сенаторъ „собственнымъ умомъ“ до этого додумался или кто нибудь изъ его приближенныхъ подаль ему эту свѣтлую мысль, только дѣло въ томъ, что такая программа застала приглашенныхъ въ расплохъ. Естественно, что въ уѣздныхъ городкахъ и безъ того въ мужскихъ башмакахъ чувствуется немалый недостатокъ; а для заказа новыхъ и для посылки въ Вильну не было уже времени. Стали прибѣгать къ хитростямъ: многія пары сапоговъ, съ помощію ножа, преобразованы были въ вѣчто болѣе похожее на туфли, чѣмъ на башмаки. Мужчинъ на балъ было доста человѣкъ, а настоящихъ башмаковъ не было и десяти паръ: остальные всѣ — явная и очень неяскусная поддѣлка. Мнѣ, къ счастью, пришлось по ногамъ башмаки моей старушки-тетушки; я пришилъ къ нимъ какія-то пряжки, и вышло очень хорошо. Но никогда не забуду того комическаго эффекта, который представляло глазамъ множество мужскихъ ногъ,

обутыхъ такъ фантастически. Между парами этихъ ногъ наиболее выдающаяся была та, которою обладалъ упомянутый князь I***, поступившій уже въ штатъ сенатора. Онъ, недолго думавши, явился на балъ въ галошахъ, а чтобы онъ держался ва ногахъ, намоталъ себѣ вѣрно на ноги множество тряпокъ или надѣлъ множество паръ чулокъ. Можно себѣ представить, какъ пластично выглядели его ноги изъ подъ узенькихъ панталонъ: настоящій экземпляръ рѣдкой болѣзни элѣфантіазисъ. Къ совершенію комизма, нашъ князь, съ свойственнымъ ему апломбомъ, танцовалъ безъ усталости. Виновица торжества не могла не замѣтить ювальной его стороны; улыбка часто являлась на ея устахъ.

Сенаторъ танцовалъ мало; онъ все занять былъ княгинею, которая прошлась только съ нимъ въ польскомъ и въ одномъ кадрилѣ и потомъ объявила, что у нея болитъ голова.

Въ концѣ концовъ, всѣ эти усиленныя старанія маститаго Селадова, по видимому, немного подвигали его сердечные интересы. Онъ однакожъ не терялъ надежды и наконецъ формально предложилъ свѣтлѣйшей красавицѣ свою руку и сердце. Мы не знаемъ, какъ это было принято; достовѣрно то, что Новосильцевъ и послѣ продолжалъ свою кандидатуру, и мечта оставила его только тогда, когда княгиня вышла вторично за мужъ не за него. Но покончимъ съ комизмомъ. Пора перейти къ серьезнымъ чертамъ, дополняющимъ характеристику историческаго лица въ томъ второмъ періодѣ его жизни, въ которомъ я его зналъ и о которомъ такъ для него невыгодно отзываются современники.

Во время кончины Императора Александра I, я состоялъ на службѣ въ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ и въ томъ I-мъ его отдѣленіи, чрезъ которое, доразсылки по департаментамъ, переходили всѣ поступающія въ министерство бумаги. Это позволяло чиновникамъ I-го отдѣленія знать движеніе дѣлъ по всему министерству. Впрочемъ

дѣло, о которомъ я намѣренъ говорить, какъ заключающее общую мѣру, и пропаводилось пменно въ томъ же отдѣленіи.

До того времени, какъ извѣстно, Евреи не несли рекрутской повинности натурою, а за то платили двойную подушную подать, которой значительная недоплата постоянно числилась на нихъ. Императоръ Николай, вскорѣ послѣ своего вѣдариенія, объявилъ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, что онъ непремѣнно желаетъ, чтобы съ Евреевъ набираемы были рекруты натурою, наравнѣ съ другими сословіями, подлежащими этой повинности и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ сравнить ихъ съ тѣми же сословіями и въ платежѣ подушной подати. Такъ какъ часть Имперіи, въ которой исключительно позволено было жить Евреямъ, находилась подъ главнымъ начальствомъ Константина Павловича: то, не смотря на твердую волю Государя ввести эту мѣру немедленно, высшія государственныя приличія требовали, чтобы объ этомъ, особенно при тогдашнихъ обстоятельствахъ *), предварительно сообщено было Его Императорскому Высочеству на его заключеніе. Въ такомъ смыслѣ отправленъ былъ отзывъ министру къ Великому Князю. Вскорѣ отъ него полученъ отвѣтъ, что дѣло это онъ поручилъ сенатору Новосильцеву, по ближайшей извѣстности ему быта жителей и вообще обстоятельствъ, касающихся западныхъ, юго-западныхъ и Бѣлорусскихъ губерній и что соображенія сенатора по этому предмету онъ, Великій Князь, не преминетъ сообщить министру для довода Его Величеству.

Государь не дѣлалъ изъ этого тайны: всѣ знали и разсуждали о предстоящей рекрутчинѣ Евреевъ. Последніе давно уже знали о томъ, что для нихъ готовятся и имѣли въ Петербургѣ своихъ агентовъ для того, чтобы ударъ отворотить, или покрайней мѣрѣ отсрочить

*) Отрѣченіе Константина Павловича отъ престола и данной уже ему присяги.

*ad kalendas Graecas...**) Они вѣроятно успѣли бы въ этомъ, какъ успѣвали во многихъ другихъ своихъ дѣлахъ, еслибы это не была мысль самаго Государя и непреклонная его воля.

Евреямъ очень не хотѣлось давать рекрутъ по разнымъ причинамъ. По врожденной трусости, они имѣютъ отвращеніе отъ военной службы; во всякомъ случаѣ принадлежать къ войску не собственно Израильскому противилось ихъ убѣжденіямъ; наконецъ они предвидѣли, что для набора рекрутъ произведена будетъ строгая поголовная повѣрка ихъ населенія, а это тоже противно ихъ религіозному предразсудку: никому не должно быть съ точностію извѣстно ихъ число. Объ этомъ предразсудкѣ всякій можетъ удостовѣриться, если въ собраніи Жидовъ станеть ихъ по одному считать: они всѣ тотчасъ разбѣгутся. До того, они, благодаря широкому въ то время развитому взяточничеству чиновниковъ, успѣвали скрывать численность своего населенія (можно безъ преувеличенія сказать) на половину, такъ что и двойная подушная подать не была въ сущности двойною, особенно когда недоимка съ нихъ по тѣмъ же причинамъ никогда не взыскивалась исправно.

Въ это самое время довольно часто приходилъ ко мнѣ одинъ Еврейскій савоинникъ, раввинъ изъ Гродненской губерніи, Мордухъ Лейсбовичъ. Онъ привезъ мнѣ письмо отъ кого-то изъ тамошнихъ. Это былъ человѣкъ довольно образованный, а главное, по своему, ученый. Я тогда много занимался изученіемъ Еврейской кабалы, въ которой Мордухъ былъ довольно свѣдущъ. Я пригласилъ его бывать у меня, и мы часто бесѣдовали съ нимъ по цѣлымъ вечерамъ о предметахъ, касающихся этой тайной науки и религіи вообще. Онъ мнѣ былъ очень полезенъ въ моихъ изысканіяхъ, для разъясненія нѣкоторыхъ темныхъ вопросовъ. Такъ началось между нами сближеніе и со

стороны Мордуха откровенность. Онъ даже мечталъ, кажется, что переселить меня и обратить въ свою вѣру; и я, чтобы побольше отъ него вывѣдать, оставлялъ его въ этой мечтѣ.

Такъ какъ военная повинность съ Евреевъ была предметомъ общихъ толковъ, то мы часто объ ней говорили. Мордухъ былъ большой антагонистъ этой мѣры, называлъ ее несправедливою, крайне притѣснительною и былъ увѣренъ, что она вовсе не осуществится, или не скоро будетъ приведена въ дѣйство, а тѣмъ временемъ, говорилъ онъ, обстоятельства могутъ совсѣмъ измѣниться. По мнѣнію его, если бы кто хорошо объяснилъ Государю всю суть дѣла, то онъ вѣрно отказался бы отъ своей мысли.

Я конечно не говорилъ, что дѣлается въ министерствѣ; но видно было, что Мордухъ былъ однимъ изъ Петербургскихъ агентовъ и безъ меня зналъ все, но былъ на столько деликатенъ, что не пскушалъ меня. Когда я подшучивалъ надъ нимъ, говоря, что одинъ изъ его сыновей будетъ солдатомъ, то Мордухъ всегда съ таинственною миною отвѣчалъ: „ну, абацымъ“ (увидимъ).

Между тѣмъ проходили недѣли, прошло ихъ шесть, а пресловутыя „соображенія“ Новосильцева о Еврейскомъ вопросѣ, обѣщанныя Великимъ Княземъ, не присылались. Государь нетерпѣливо при каждомъ докладѣ спрашивалъ объ этомъ министра и велѣлъ сдѣлать повтореніе. Великій Князь отвѣчалъ, что сенаторъ собираетъ необходимыя данныя на мѣстѣ. Прошло еще около трехъ недѣль, и наконецъ въ одно прекрасное утро Государь велѣлъ министру, не дожидаясь болѣе, заготовить къ подписанію Его Величества указъ Сенату о сравненіи Евреевъ по рекрутской повинности съ другими отправляющими ее сословіями, и мѣру эту привести въ дѣйствіе при первомъ общемъ наборѣ.

На другой день послѣ того, какъ былъ посланъ указъ, пришелъ ко мнѣ раввинъ. Я нарочно завелъ разговоръ

*) Въ долгій ящикъ.

о рекрутствѣ Евреевъ и увидѣлъ, что онъ ничего не знаетъ. Онъ опять съ усмѣшкою сказалъ свое вѣчное „аба-цымъ“. Такъ какъ уже не было повода для дальнѣйшаго храненія пресловутой *канцелярской тайны*, то я сказалъ Мордуху, что дѣло кончено. Я не полагалъ, что это произведетъ такое впечатлѣніе на моего старозаконнаго гостя. Это было нѣчто ужасное: онъ весь задрожалъ, глаза его закатились, онъ почти упалъ въ обморокъ. Ему подали воды. Припадокъ разрѣшился жалобными воплями и рыданіемъ. Вслѣдъ за этимъ произошла въ немъ внезапная перемѣна: онъ всталъ, лицо его страшно исكريвилось. Онъ сталъ большими шагами ходить по комнатѣ и кого-то ругать, какъ говорятъ „на чемъ свѣтъ стоитъ“. Я далъ ему успокоиться и спросилъ:

—Кого вы такъ честите, ребѣ Мордухъ?

—Какъ кого? Ну, этого..... (опять ругательства).

—Кого же наконецъ?

—Ну, вашего прекраснаго сенатора.

—За что, чѣмъ же онъ виноватъ?

—Какъ за что, за наши 20000 червончиковъ, ай, вай! Обманулъ, обокралъ, погубилъ..... Обѣщалъ, что ничего не будетъ..... Мы равнины наложили на всѣхъ Зыдковъ неборацковъ постъ подъ херимомъ на двѣ недѣли *), собрали и представили 20000..... и все полновѣсныя, необрѣзанные, ни одного кудьфона (обрѣзанный червонецъ)..... ай, вай, гвалтъ, разбой.... хоть бы деньги назадъ отдалъ и т. д.

За достовѣрность факта пусть предъ потомствомъ отвѣчаетъ самъ Мордухъ; но историческая точность обязываетъ меня засвидѣтельствовать, что сцена была имъ разыграна въ порывѣ гнѣва какъ нельзя болѣе естественно и съ

неподдѣльнымъ чувствомъ. Онъ вѣроятно лгалъ, но въ этомъ случаѣ игрой своей онъ превзошелъ всѣхъ извѣстныхъ лицедеѣвъ: Тальма, Гаррикъ, Кемблѣ ему по колына.

Недѣли чрезъ двѣ послѣ того, какъ отъ Сената были разосланы указы о наборѣ съ Евреевъ всѣмъ губернскимъ начальствамъ, въ томъ числѣ и Великому Князю, какъ главнокомандующему въ западныхъ, югозападныхъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ, въ министерствѣ отъ Его Высочества полученъ отзывъ, съ приложеніемъ записки сенатора Новосильцева. Великій Князь писалъ, что въ то самое время, какъ онъ получилъ заключеніе сенатора по порученію ему дѣлу, пришелъ указъ Сената съ изображеніемъ Высочайшей воли. Ему оставалось уже только въ точности исполнить священную эту волю, и онъ сдѣлалъ надлежащее о томъ распоряженіе, но тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ препроводить записку сенатора для свѣдѣнія и соображенія.

Записка эта, довольно пространная, начиналась полнымъ одобреніемъ предполагаемой мѣры и разсужденіемъ о ея полезности. Вслѣдъ же за этимъ шли разные но *однакожь, не смотря на то, тѣмъ не менѣе* и другія и подобныя оговорки, съ выводами, составляющими болѣе чѣмъ противувѣсъ главному положенію. Былъ намекъ на всегдашнюю преданность Евреевъ Россійскому правительству, на оказанныя ими услуги, на неполитичность въ настоящихъ Европейскихъ обстоятельствахъ мѣры, долженствующей глубоко оскорбить болѣе милліона такого хитраго и мстительнаго народа, какъ Евреи и т. п. Заключение вытекало уже само собою, именно, что не пришло еще время для осуществленія мѣры, что введенію ея должны бы предшествовать разныя распоряженія, необходимыя для приготовленія Евреевъ къ такому коренному перевороту и т. д. Это былъ замѣчательный для меня, молодого столоначальника, драгоцѣнный образчикъ ад-

*.) Такимъ простымъ средствомъ Еврейскіе старшины собираютъ суммы, нужныя для подкупа по народнымъ дѣламъ. Евреи въ это время живутъ однимъ хлѣбомъ, а все, чего бы имъ стоило обыкновенное пропитаніе, вносятъ въ язну экстреннаго сбора.

министраціонной перипатетикѣ. Сенаторъ не пожалѣлъ въ немъ всякихъ уловокъ своей привычной дипломатіи; словомъ, онъ сдѣлалъ все, что могъ въ своемъ трудномъ положеніи. Ожесточеніе противъ него моего пріятеля Мордуха было несправедливо.

Теперь одинъ еще и послѣдній эпизодъ, округляющій характеристику моего героя.

Къ владѣемой Новосильцевымъ Слономской экономіи принадлежало огромное количество лѣса. Онъ состоялъ въ одной межѣ; большая часть положена была по рѣкѣ Щарѣ. Съ одной стороны онъ примыкалъ къ сплошнымъ лѣсамъ, простирающимся до Бѣловѣжской Пущи, извѣстной родины зубровъ; съ другой онъ граничилъ съ лѣсами помѣстій, составлявшихъ нѣкогда графство Деревенское, въ томъ числѣ и съ нашими. Я хорошо зналъ большую часть этого казеннаго лѣса, не разъ въ немъ охотился и чаще далеко заходилъ въ него въ молхъ ботаническихъ поискахъ за рѣдкими растеніями, которыхъ не находилъ въ своихъ дачахъ. Этотъ казенный лѣсъ былъ въ полномъ смыслѣ великолѣпный и очень цѣнный по изобилію деревь, составляющихъ то, что въ торговлѣ называется „товарнымъ лѣсомъ“. Казнѣ цѣнность эта была хорошо извѣстна. Въ высочайшемъ пожалованіи Новосильцеву 12 лѣтней аренды было именно оговорено (какъ и при прежнемъ владѣніи Пусловскаго), что арендный владѣлецъ можетъ пользоваться только дровянымъ лѣсомъ, а строевымъ иначе, какъ съ разрѣшенія Казенной Палаты, подъ наблюденіемъ мѣстнаго лѣснаго начальства и въ количествѣ исчисленномъ съ точностію для необходимыхъ построекъ въ деревняхъ и фермахъ экономіи; выдѣлка же товарнаго лѣса воспрещалась арендному владѣльцу безусловно. Пока я оставался въ тамошнемъ краѣ, запрещеніе это, сколько мнѣ извѣстно, сохранялось ненарушимъ, по крайней мѣрѣ о противномъ ничего не было слышно.

Когда Новосильцевъ занималъ уже въ Петербургѣ высокій постъ председателя Государственнаго Совѣта, случилось, что начальникъ жандармской части въ западныхъ, юго-западныхъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ, генералъ-маіоръ Дребушъ проѣзжалъ чрезъ Слонимъ въ началѣ весны, когда еще рѣки не совсѣмъ очистились отъ льда. На берегахъ рѣки Щары и Огнискаго канала лежало приготовленное для сплава за границу такое громадное количество товарнаго лѣса, что это поразило жандармскаго генерала. Онъ полюбопытствовалъ знать, чей это лѣсъ, и Жидки по секрету рассказали, что это лѣсъ изъ казенныхъ дачъ Слонимской экономіи и прибавили, что временный владѣлецъ ея не имѣетъ права выдѣлывать товарные брусны и бревна. Генералъ Дребушъ донесъ объ этомъ кому слѣдуетъ. Произведено было подъ рукою дознаніе, и оказалось, что подобная операція производится уже не въ первый разъ.

Мнѣ съ точностію неизвѣстно, какой оборотъ приняло это дѣло; говорили въ то время, что спрошенный Новосильцевъ отозвался незнаніемъ и сказалъ, что если что нибудь подобное было, то это дѣлалось безъ его вѣдома, главнымъ его повѣреннымъ Кукольниковъ.

Слышно было также, что спрошенный объ этомъ повѣренный представилъ длинныя письма и квитанціи, изъ которыхъ было видно, что все дѣлалось съ вѣдома владѣльца и за лѣсъ получались имъ деньги. Все это я записываю только какъ общественную молву. Но достоверно то, что покуда Новосильцевъ жилъ, дѣло оставалось въ бездѣйствіи. По его же смерти оно сдѣлалось гласнымъ, когда тогдашній министръ имуществъ графъ Киселевъ далъ дѣлу ходъ и, по собраннымъ даннымъ, потребовалъ громаднаго вознагражденія казны за убытки. Вопросъ доходилъ до Государственнаго Совѣта, и тамъ послѣдовалъ тотъ замѣчательный случай, о которомъ въ свое время говорилъ весь

Петербургъ. Случай этотъ состоялъ въ слѣдующемъ.

Всѣмъ была извѣстна непримиримая вражда, существовавшая между покойнымъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и княземъ Друцкимъ-Любецкимъ, тогда уже членомъ Совѣта. Никто не сомнѣвался, что послѣдній воспользуется случаемъ, чтобы хотя на памяти покойнаго выместить свою злобу. Всѣ думали, что графъ Киселевъ найдетъ въ князѣ сильную поддержку своего пса. Такое было общее убѣжденіе, когда, по выслушаніи доклада и устныхъ дополненій, со стороны министра имуществъ, князь Любецкій всталъ съ своего мѣста. Но каково же было общее удивленіе и разочарованіе, когда вмѣсто того, чтобы услышать подробности усиливающихся обвиненія по ближайшей извѣстности князю мѣстныхъ обстоятельствъ, онъ попросилъ позволенія сдѣлать министру нѣкоторые вопросы? Въ слѣдствіе этого между ними завязался слѣдующій діалогъ.

Князь Любецкій. Покойный, какъ пзъ дѣла видно, отговаривался тѣмъ, что рубка казеннаго лѣса дѣлалась безъ его вѣдома, по распоряженію его повѣреннаго.

Графъ Киселевъ. Допустимъ, что это такъ; но и по смыслу законовъ, и по самому существу вещей, довѣритель отвѣчаетъ за дѣйствія своего повѣреннаго и за убытки, причиненные этими дѣйствіями третьей сторонѣ; слѣдовательно казна должна получить вознагражденіе изъ оставшагося послѣ графа Новосильцева имущества.

Князь. Ваше сіятельство настаиваете ли на сформулированномъ вами общемъ положеніи?

Графъ. Конечно настаиваю.

Князь. И я самъ и, думаю, всѣ здѣсь согласны съ вами. Но изъ этого же положенія вытекаетъ, что если имѣніе графа Новосильцева, какъ довѣрителя г. Кукольника, должно отвѣчать за сдѣланныя послѣднимъ порубки: то и казна, какъ довѣрительница мѣстныхъ лѣсныхъ

чиновниковъ, должна отвѣчать за допущеніе этихъ порубокъ. По этому вознагражденіе казны должно упадать на обѣ заинтересованныя стороны; и равно какъ наслѣдникамъ покойнаго предоставляется искать съ г-на Кукольника причиненныхъ этимъ вознагражденіемъ убытковъ, точно такъ и казна имѣетъ право взыскать тѣ же убытки съ своихъ повѣренныхъ, своихъ чиновниковъ.

Сказавши это, князь сѣлъ среди знакомъ общаго удивленія отъ такого неожиданнаго исхода. Графъ Киселевъ не нашелъ ничего сказать въ опроверженіе.

Въ это засѣданіе дѣло рѣшено не было, и оно кажется кончилось ничѣмъ, и мнѣ неизвѣстно, воспользовался ли министръ имуществомъ совѣтомъ князя Любецкаго касательно лѣсныхъ чиновниковъ. Впрочемъ, и то, и другое для насъ несущественно; намъ нужно было только описать этотъ послѣдній эпизодъ изъ жизни Николая Николаевича для полноты характеристики этой знаменитой личности.

Николай Николаевичъ имѣлъ на своей гербовой печати девизъ: „Honeste et publice“.

Ципринусъ.

Такое изображение Русскаго государственнаго чловѣка, сдѣланное наблюдателемъ, передавшимъ можетъ быть и точно отдѣльныя черты, какія были доступны его наблюденію, но уже слишкомъ односторонне. Читатели припоминаютъ мастерскіе рассказы о Новосильцевѣ другаго наблюдателя, тоже къ нему вовсе не расположеннаго. Незнаемый авторъ „Старой Записной Книжки“ (въ XIX Вѣкѣ кн. 2-я) вовсе не скрываетъ недостатковъ Новосильцева, но и не подыскиваетъ однихъ темныхъ сторонъ его личности и дѣятельности. У него были несомнѣнно стороны свѣтлыя, во вниманіе къ которымъ приближалъ его къ себѣ Александръ Павловичъ и который далъ ему первенствующее мѣсто при Николай Павловичѣ. Мы усерднѣе просимъ лицъ свѣдущихъ познакомить читателей Русскаго Архива съ этими свѣтлыми, г-номъ Ципринусомъ почти умолчанными, качествами Н. Н. Новосильцева.

Подлинныя бумаги о тайныхъ обществахъ въ учебныхъ заведеніяхъ сѣверо-западнаго

края при князѣ Чарторижскомъ, извлеченія С. В. Шолковичемъ изъ архивнаго записки (благодаря содѣйствію П. Н. Батюшкова), доказываютъ несомнѣнно, что всѣ эти Фигареты, Филоматы и т. п. имѣли положительно-вредные политическіе замыслы, и если можно въ чемъ упрекать Новосильцева, то развѣ въ излишней снисходительности. Онъ, и именно онъ, призывалъ милость царскую на Польскую молодежь (См. Памятники новой Русской Исторіи, изд. В. Кашпирева. II. 167—170). П. Б.

Примѣчанія.

(1) Исторія этого несчастнаго въ психологическомъ отношеніи замѣчательна; она близко подходит къ извѣстному фантастическому роману Люиса Монаха (the Monk by Lewis) и однажды еще доказываетъ, что вымыселъ, хотя бы самый неправдоподобный, часто сходится съ дѣйствительностью. Ксендзъ Бобровячъ началъ свое духовное поприще очень молодымъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ образцомъ скромности, святости и всѣхъ пастырскихъ добродѣтелей. Но не демонъ гордости, какъ Люисова монаха, испытилъ его. И въ этомъ случаѣ съ нимъ оправдалась въ тысячный разъ поговорка Видока: когда онъ былъ начальникомъ Парижской сыскной полиціи, всякій разъ, какъ ему доносили о новомъ происшествіи или случившемся несчастіи, онъ своимъ агентамъ говорилъ: *Cherchez la femme* (Ищите женщину).

Молодой настоятель Ружанскаго прихода былъ замѣчательно красивъ. Молодые и немолодые прихожанки заглядывались на него и просто влюблялись, когда онъ, по воскресеньямъ, говорилъ съ авбона проповѣдь съ истиннымъ талантомъ и прекрасною декламаціею. Одна изъ живущихъ въ самомъ городкѣ Ружавѣ дѣвица, не первой уже молодости, но очень красивая, Юлія К***, на исповѣди призналась ему, что влюблена въ него до безумія. Испуганный этимъ признаніемъ священникъ бросился бѣжать изъ конфессіонала, не удѣливъ кающейся отпущенія грѣховъ, заперся у себя, скрывшись больнымъ и показался не ранѣе,

какъ въ слѣдующее воскресенье. Какую въ это время внутреннюю борьбу онъ выдержалъ, извѣстно одному Богу; только послѣдствія показали, что непобѣдителемъ вышелъ онъ изъ нея. Онъ сталъ посѣщать домъ Юліи, принимать ее у себя, и вскорѣ почти открыто завязался между нимъ романъ съ тѣмъ же послѣдствіями и возмутительнымъ перипетіямъ, которыя такъ ярко обрисованы въ произведеніи Люиса. Года чрезъ два или болѣе, Юлія К. умерла отъ одной изъ этихъ перипетій. Любовникъ ея, отъ мученій совѣсти, впалъ почти въ помѣшательство и предался отчаянному пьянству. Онъ часто цѣлые дни и ночи проводилъ въ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ его видѣли валяющимся по землѣ, вырывающимъ себѣ волосы, парящимъ лицо. Онъ издавалъ нечеловѣческіе вопли, безсознательно крича: Юлія, Юлія! Ты погубила меня!

Съ нимъ случались и свѣтлые промежутки. Государь, ничего объ этой исторіи не знавшій, въ каждый свой проѣздъ останавливался у Бобровича на ночь, любилъ его за его умъ и красивую наружность, милостиво съ нимъ разговаривалъ и дѣлалъ дорогіе подарки. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока разъ, Государь, какъ уже сказано, не увидѣлъ его пьянымъ. Александръ Павловичъ имѣлъ къ пьянымъ непреодолимое отвращеніе.

Кстати объ этомъ отвращеніи, приведемъ здѣсь рассказанный намъ анекдотъ о томъ, какъ счастливо удалось Новосильцеву ускользнуть отъ его послѣдствій. Это было въ Варшавѣ, во время коронаціи Императора Александра 1-го какъ царя Польскаго. Одинъ Англіійскій лордъ, прибывшій на это торжество, старый знакомый и „субутыльникъ“ Новосильцева, зазвалъ его къ себѣ обѣдать вдвоемъ. Оба угостились до положенія ризъ. Новосильцевъ, оставивъ his lordship на столѣ или подъ столомъ, кое-какъ добрался до экипажа; но, пріѣхавъ домой, при выходѣ изъ кареты, былъ встрѣченъ фельдтегеремъ, за нимъ пріѣхавшимъ:

Государь требовалъ Новосильцева къ себѣ въ ту же минуту. Дѣлать было нечего: надо опять садиться въ карету и ѣхать во дворецъ. Это былъ для Новосильцева ужасный моментъ. Но вотъ счастье: въ передней встрѣчаетъ его царскій камердинеръ съ тѣмъ, что Государь проситъ обождать, что Его Величество занятъ съ Австрійскимъ посломъ. Новосильцевъ попросилъ показать ему диванъ, чтобы немного отдохнуть. Онъ заснулъ съ четверть часа и всталъ совершенно *презентабельнымъ*; позвавъ его къ себѣ, Государь ничего не замѣтилъ.

(II) Князь Франц. Сапѣга генералъ отъ артиллеріи бывшей Польской Рѣчи Посполитой, переименованный изъ этого чина въ Россійскіе тайные совѣтники, былъ во многомъ подъ стать Новосильцеву. Онъ былъ воспитанъ въ Англіи и усвоилъ себѣ приемы тамошнихъ аристократовъ до того, что все родное въ немъ изгладилось. Въ молодости онъ много путешествовалъ, даже посѣтилъ Америку, чтó между тогдашними Литовскими помѣщиками составлялоединственный примѣръ. Онъ довольно молодымъ женился на Пелагіи Потоцкой, извѣстной красавицѣ. Имѣлъ съ нею дочь Ангелику, вышедшую замужъ за князя Адама Чарторижскаго (того самаго, о которомъ говорится выше) и сына Евстафія, присоединившагося уже по смерти отца къ Польскому мятежу 1830 года.

Князь Францискъ, замѣтивъ въ своей женѣ симпатію къ одному дальнему родственнику его, князю Павлу Сапѣгѣ, самъ, какъ истый философъ, предложилъ ей развестись и выйти замужъ за того, кто ей былъ болѣе по сердцу. Въ десятихъ и двадцатыхъ годахъ разводы между Польскими фамиліями, особенно высшихъ классовъ, были очень часты, и тогдашнее духовенство, проникнутое господствовавшимъ духомъ Французскаго энциклопедизма, не только не старалось препятствовать, но еще всячески содѣйствовало этому злоупотребленію, обратившемуся почти въ моду. Княги-

ня Пелагія развелась съ Францискомъ, вышла за Павла, и первый мужъ до того благопріятствовалъ этой новой комбинаціи, что преемнику своему, не имѣвшему никакого состоянія, подарилъ одно значительное изъ своихъ имѣній, Высокое-Литовское.

Чтобы дать понятіе о красотѣ Пелагіи (вдвойнѣ княгини Сапѣга), приведу здѣсь интересный въ психологическомъ отношеніи случай, имѣвшій мѣсто еще во время моего пребыванія въ (лондонскомъ) уѣздѣ. Въ мѣстечкѣ Деречинѣ, резиденціи князя Франциска, въ его магнатскомъ палацѣ, была прекрасная картинная галлерей первыхъ художниковъ разныхъ школъ. Въ числѣ картинъ былъ портретъ во весь ростъ княгини Пелагіи, кисти извѣстнаго Ляппи (Lampi). Княгиня, въ самомъ цвѣтѣ своей красоты, была представлена выходящею, полу-нагая, изъ ванны. Когда князя не бывало дома, то позволено было всѣмъ осматривать внутренніе покои палаца. Разъ, въ отсутствіе хозяина, проходила чрезъ Деречинъ партія рекрутъ, и ей въ этомъ мѣстечкѣ назначена была дневка. Провожавшій ее капитанъ какого-то пѣхотнаго полка, Мисюринъ, пошелъ осматривать палацъ. Портретъ княгини висѣлъ въ особой комнатѣ, гдѣ стояла и мраморная ванна, та самая, которая повторялась въ картинѣ. Когда Мисюринъ вошелъ туда и увидѣлъ изображеніе княгини, то такъ былъ пораженъ ея красотою, что просто остолебнѣлъ, и простоялъ такъ долго, что провожавшій его лакей долженъ былъ напомнить ему, что пора запираеть покои. Капитанъ пришелъ рано на другой день и просилъ позволить ему посидѣть передъ портретомъ; ушелъ только, чтобы пообѣдать и возвратясь просидѣлъ до ночи. На третій день тоже самое. Онъ отпустилъ партію въ дальнѣйшій походъ съ подчиненнымъ офицеромъ, съ тѣмъ чтобы ее нагнать, но все таки оставался и по цѣлымъ днямъ просиживалъ предъ своимъ идеаломъ. Такъ прошло десять или болѣе дней, пока не возвра-

тисся князь. Тутъ посѣщенія палада прекратились, но Мисюринъ все таки оставался въ Деречинѣ. Когда князю рассказали объ этомъ чудакѣ, онъ послалъ за нимъ и объявилъ, что онъ можетъ во всякое время приходить смотрѣть портретъ. Оригиналъ былъ уже замужемъ за княземъ Павломъ. Мисюринъ широко пользовался позволеніемъ князя, котораго очень забавляла эта мономанія. Между тѣмъ влюбленнаго капитана исключили изъ службы. Князь Сапѣга, узнавъ, что ему нечѣмъ жить, назначилъ ему пожизненную пенсію по 100 червонцовъ въ годъ и квартиру въ одномъ флигелѣ палада съ позволеніемъ проводить сколько захочетъ времени въ комнатѣ съ ванною и портретомъ. Мисюринъ совершенно помѣшался на этой одной идеѣ, чрезъ годъ или полтора заболѣлъ, у него отсохла рука, и вскорѣ потомъ онъ умеръ.

Князь Францискъ Сапѣга, собственникъ громаднхъ имѣній въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи и на Жмудѣ (до 40000 душъ), въ двадцатыхъ годахъ отдыхалъ уже на лаврахъ въ своемъ Деречинѣ. Онъ былъ типъ человека безъ всякихъ правилъ, пресыщеннаго жизнью, того что по-французски называется *blâsé*. У себя онъ не принималъ почти никого, велъ жизнь одинокую и оригинальную. Такъ напримеръ у него на конюшнѣ не было ни одной лошади, и такой магнатъ, когда куда нибудь выѣзжалъ, то нанималъ къ своему дормезу четверку Жидовскихъ лошадей, а его везъ Жидъ-оборванецъ. При его богатствѣ, полная независимость позволяла ему выказывать его циническую философію со всею откровенностью. Онъ не вѣрилъ ни во что, не уважалъ ничего и ничѣмъ не стѣснялся. Парижъ онъ оставилъ, какъ онъ говорилъ, только потому, что тамъ, въ домахъ публичной игры, ограничили ставку въ *rouge et noir* до 12000 франковъ. — Вы понимаете, говорилъ онъ, что послѣ этого, мнѣ нечего тамъ было дѣлать. Мнѣ, молодому человеку, сказалъ разъ: „Знаете, г. П., чей я сынъ?“ Я не зналъ что отвѣчать. — „Я сынъ короля

Станислава-Августа, прибавилъ князь, и если не вѣрите, такъ вотъ вамъ доказательство“, тутъ вынулъ 6-ти золотой талеръ съ изображеніемъ послѣдняго Польскаго короля. „Вотъ мой портретъ“. И дѣйствительно, сходство было поразительно до тождества, не только въ чертахъ лица, но и въ выраженіи физиономіи.

Въ послѣдній разъ я увидѣлъ князя Франциска уже въ Петербургѣ, въ слѣдующей обстановкѣ. На полѣ у Петропавловской крѣпости (гдѣ теперь Александровскій паркъ) происходила лѣтомъ 1826 года экзекуція осужденныхъ Декабристовъ. Мало кому въ городѣ извѣстенъ былъ день и часть этого акта, и я узналъ только случайно. Зрителей было очень немного, человекъ 200, 300, не болѣе. Я стоялъ у Троицкаго моста и смотрѣлъ въ бинокль. Когда послѣ всѣхъ другихъ перипетій (разжалованія, ломанія шпагъ, сожиганія на кострахъ мундировъ) дѣло дошло до вѣшанія и когда двое изъ повѣшенныхъ оборвались, это произвело на меня чрезвычайно непріятное впечатлѣніе: я рѣшился пройтись смотрѣть на все по предначертанной программѣ, согласно ей, настроилъ свою нервную систему, а тутъ вдругъ неожиданность, къ которой никто себя не приготовилъ. Но такое нервное потрясеніе было во время остановлено; кто-то потрепалъ меня сзади по плечу. Оглядываюсь—это Францискъ Сапѣга, только наканунѣ пріѣхавшій въ Петербургъ. Онъ сердится не въ шутку и говоритъ: „Вотъ какъ у насъ ничего не умѣютъ сдѣлать! И на что это похоже? Я всталъ такъ рано, даже не дождался кофе. *En bonne justice*, на мѣсто упавшихъ надо бы палачей повѣсить. Почему ихъ сперва не послали поучиться въ Англію! Вотъ тамъ такъ славно вѣшаютъ, по всѣмъ правиламъ искусства. Сколько я тамъ видѣлъ прекрасныхъ экзекуцій! Это называется заставить человека „плясать ни на чемъ“ (*to dance on nothing*); случись подобная неудача въ Англіи, то самъ палачъ непременно застрѣлился бы“,

и т. д. Все это было сказано не съ приторнымъ гнѣвомъ, а съ глубокимъ чувствомъ негодованія.

Что касается до сына Франциска, князя Евстафія Сапѣги, то онъ ни физически, ни нравственно не имѣлъ съ отцомъ ни малѣйшаго сходства. Онъ былъ умный и добрый человѣкъ; воспитывался также въ Англіи и тамъ, молодымъ еще человѣкомъ, женился на богатой сиротѣ мисъ Пэкэтбонъ; никакого приданого за нею принять не хотѣлъ, говоря, что онъ довольно богатъ и самъ за себя и за жену. Онъ скоро овдовѣлъ. Возвратясь въ отечество по смерти отца, въ 1828. г. онъ наследовалъ его богатства; несмотря на то, онъ велъ жизнь тихую и скромную. Никто не знаетъ, что могло побудить его принять участіе въ сумасбродномъ Польскомъ мятежѣ 1830 года. Это тѣмъ непонятнѣе, что онъ никогда не раздѣлялъ образа мыслей повстанцевъ и что, бросивъ огромное состояніе, присталъ къ мятежу уже послѣ взятія Варшавы. Онъ, какъ эмигрантъ, удалился въ Англію; всѣ имѣнія его конфискованы.

Изъ его эмиграціи рассказываютъ слѣдующій замѣчательный эпизодъ.

Когда онъ прибылъ въ Лондонъ, два брата покойной его жены явились къ нему и сказали: „Вы отказались отъ суммы, слѣдовавшей изъ общаго имѣнія въ приданое нашей сестрѣ, потому что тогда были богаты. Теперь вы не вправѣ отказаться отъ того, что вамъ по закону слѣдуетъ. Приданое вашей жены было положено въ Банкъ, и вотъ билетъ, по которому можете получить его съ процентами“. Проценты эти увеличили капиталъ на громадную сумму; Сапѣга принялъ и опять сталъ богатымъ человѣкомъ.

(III) Влодекъ, отецъ извѣстной красавицы графини Завадовской, сынъ помѣщика Пружанскаго уѣзда, Гродненской губерніи, воспитывался въ Петербургѣ и тамъ имѣлъ немалый успѣхъ. Въ чинѣ генералъ-маіора онъ былъ назначенъ въ Литовскій корпусъ начальникомъ уланъ-

ской дивизіи. Дивизионная квартира его была въ Слонимѣ. Онъ былъ человѣкъ очень добрый и пріятный въ обществѣ, былъ знакомъ со всѣми порядочными домами въ городѣ и уѣздѣ, и всѣ его любили. Но онъ въ высшей степени былъ неспособенъ командовать такимъ войскомъ, каковыя была въ то время его дивизія. Въ ней было много офицеровъ и солдатъ вербованныхъ, сбродъ всякихъ народностей. Младшіе офицеры усердно практиковали старыя традиціи уланскаго ухарства и забіячества. Не проходило недѣли безъ какого нибудь столкновенія съ мирными жителями, безъ вопіющаго скандала, разыграннаго въ самомъ же городѣ, почти предъ глазами дивизионнаго начальника. Добрый, но до крайности слабый, Влодекъ самъ не зналъ что ему дѣлать и въ подобныхъ случаяхъ прибѣгалъ къ палліативнымъ и смягчающимъ средствамъ: самъ лично ѣздилъ къ обиженнымъ шляхтѣ, мѣщанамъ и Жидкамъ, выпрашивать для своихъ офицеровъ прощенія, чрезвычайно рѣдко рѣшался виновныхъ арестовать, но это вело только къ большому скандалу. Арестованный офицеръ справлялъ пиръ съ пллюмпнаціею и Жидовскими цимбалами, напавалъ солдатъ бывшихъ въ караулъ, самъ же въ халатѣ и ермолкѣ прогуливался по платформѣ гауптвахты, стоявшей по самой серединѣ города. Въ такихъ случаяхъ генералъ тщательно избѣгалъ проходить мимо гауптвахты. Когда кто нибудь изъ офицеровъ слишкомъ уже набуянитъ, то, дабы избавиться отъ него, Влодекъ переводилъ его въ гвардію, что и поощряло другихъ слѣдовать его примѣру. Вообще по неспособности его командовать дивизіею, казалось, что начальство надъ нею было дано ему только для приготовленія дальнѣйшей карьеры. Въ послѣдствіи Влодекъ былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ; по усмиреніи же Польскаго мятежа 1830 года, назначенъ председателемъ Герольдіи Царства Польскаго, въ каковомъ званіи и умеръ въ Варшавѣ, въ преклонныхъ уже лѣтахъ.

(IV) Подробности о Малевскомъ и Будревичѣ изложены въ примѣчаніяхъ къ воспоминаніямъ о Мицкевичѣ. Занъ, посланный въ Оренбургъ, приобрѣлъ расположеніе къ себѣ тогдашняго генералъ-губернатора Перовскаго. Съ его разрѣшенія, Занъ устроилъ тамъ музей минералогическихъ и другихъ произведений края. По ходатайству Перовскаго, ему было разрѣшено, въ тридцатыхъ годахъ, пріѣхать въ Петербургъ. Онъ былъ назначенъ бібліотекаремъ Горнаго Корпуса, но вскорѣ потомъ впалъ въ уныніе и мѣшательство. Позволено было вывести его на родину. Онъ тамъ выздоровѣлъ и женился, но въ сороковыхъ годахъ умеръ. Ежовскій посланный въ Москву, былъ знаменитый латинистъ; онъ предпринялъ было обширный трудъ: Комментарій на Горація, на Польскомъ языкѣ, въ двухъ томахъ, и изъ нихъ первый былъ напечатанъ въ Вильнѣ. Тутъ вышла извѣстная, надѣлавшая много шума исторія съ Булгаринымъ. Оадей Бенедиктовичъ, вовсе не латинистъ, рассчитывая на малую вообще извѣстность о Польской письменности въ Русскомъ обществѣ, вздумалъ воспользоваться трудомъ Ежовскаго. Онъ перевелъ на Русскій языкъ упомянутый первый томъ Комментарія и напечаталъ его подъ своимъ именемъ, какъ собственное сочиненіе, опубликовалъ и собралъ подписку на два тома. Но Ежовскій, по какимъ-то препятствіямъ, долго не издавалъ втораго тома, и наконецъ умеръ. Русскіе подписчики стали приставать къ Булгарину, требуя втораго тома. Чѣмъ такимъ онъ предъ ними оправдывался, мы не знаемъ; но скоро все обнаружилось, и это обстоятельство конечно не способствовало къ утвержденію репутаціи добросовѣстности автора Выжигина.

Странно, что Гречъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Булгаринѣ, напечатанныхъ въ Русской Старинѣ, нисколько не шадя его, не говоритъ объ исторіи съ Комментаріемъ на Горація, которая однакожъ въ свое время была очень громка.

КАЛЕЙДОСКОПЪ ВОСПОМИНАНІЙ *).

II.

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ.

By mię sądzić, nie ze mną trzeba być, lecz we mnie.

Mickiewicz.

(Чтобъ меня судить, надобно быть не со мною, а во мнѣ).

Беликій Польскій поэтъ, родившійся около 1800 года, былъ сыномъ присяжнаго адвоката при гласныхъ въ то время судахъ Новогрудскаго уѣзда, принадлежавшаго къ Гродненской и только въ сороковыхъ годахъ присоединеннаго къ Минской губерніи. Отецъ Адама происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, но одного изъ тѣхъ, которые, обѣднѣвши, обратились въ состояніе, означаемое обыкновенно выраженіемъ *мелкой или околичной шляхты*. Онъ имѣлъ въ Вильнѣ двоюроднаго брата, прелата тамошняго капитула и заслуженнаго профессора университета. Послѣдній взялъ къ себѣ молодаго Адама и помѣстилъ его въ число казеннокоштныхъ студентовъ, предназначаемыхъ для учительскаго званія.

Пріѣхавъ въ Вильну въ Сентябрь 1815 года для слушанія курсовъ въ тамошнемъ университетѣ, я засталъ уже тамъ Адама Мицкевича. Мы съ нимъ были студентами одного, физико-математическаго, факультета и на лекціяхъ видались каждый день, но почти не были знакомы. Въ этомъ факультетѣ насъ слушателей было до 800. Мы, своекоштные студенты, считали себя аристокра-

тією и неохотно сближались съ этими *казенными* товарищами. Послѣдніе также не искали съ нами сближенія и, съ сыновьями профессоровъ, составляли особый кружокъ, отличавшійся прилежаніемъ и благонаравіемъ отъ вольныхъ студентовъ, изъ которыхъ многіе порядочно пошаливали. При томъ же Адамъ жилъ у своего дяди, старика прелата Мицкевича, который былъ деканомъ нашего факультета и котораго мы не любили за его строгость и взыскательность. Всѣ студенты снабжены были свидѣтельствами о своемъ званіи; ихъ надо было всегда носить съ собою, и каждый мѣсяцъ представлять декану для подписанія. При исполненіи этой формальности, ксендзъ Мицкевичъ требовалъ отъ каждаго студента письменнаго удостовѣренія, что онъ былъ у исповѣди и допущенъ къ Св. Причастію. Понятно, какъ намъ было скучно выполнять это правило, тѣмъ болѣе, что это была собственная выдумка нашего декана-фанатика и что этого не требовалось въ другихъ отдѣленіяхъ университета. Мы, покрайней мѣрѣ по разу въ мѣсяцъ, злились на него, и тѣнь отъ нашего неудовольствія къ дядѣ упала на ни въ чемъ неповиннаго племянника.

*) См. выше, стр. 1705.

Въ университетѣ Адамъ ничѣмъ не обращалъ на себя вниманія. Это былъ скромный, прилежный студентъ; онъ не участвовалъ въ студенческихъ увеселеніяхъ; на прогулкахъ всегда мы его видѣли въ парѣ съ Францискомъ Малевскимъ, сыномъ профессора естественнаго права, потомъ ректора (1.) Мицкевичъ учился хорошо, держалъ экзамены не хуже и не лучше многихъ другихъ, но ничто въ немъ не предвѣщало будущаго гениа.

Я окончилъ двухлѣтній курсъ, получивъ степень кандидата философіи, и оставилъ университетъ въ 1817 году. Возвратившись въ свой (Слонимскій) уѣздъ и вступивъ въ службу, я потерялъ изъ виду Мицкевича и другихъ товарищей.

Черезъ годъ послѣ того въ Виленскомъ университетѣ основались, исключительно между прилежными и благонравными студентами, общества, сперва явное, *Променистыхъ* (лучистыхъ), извѣстное университетскому начальству и имъ одобряемое, а потомъ такъ сказать полутайныя, *Филаретовъ* и *Филоматовъ* *). Мицкевичъ былъ уже старшимъ учителемъ Польской словесности въ Ковенской гимназій, когда, за принадлежность къ означеннымъ обществамъ, былъ привлеченъ къ производившемуся объ нихъ въ 1823 году сенаторомъ Новосильцевымъ слѣдствію. Онъ былъ приговоренъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, въ числѣ ихъ и съ неразлучнымъ его другомъ Малевскимъ, къ высылкѣ изъ западныхъ губерній во внутреннія на службу.

Они первоначально прибыли въ Петербургъ и прибыли именно на другой день послѣ достопамятнаго наводненія 7 Ноября 1824 года. Но Мицкевичъ оставался не долго; онъ въ началѣ 1825 года отправился въ Одессу для поступленія профессоромъ въ Ришельевскій Лицей. Когда же это не осуществилось,

то онъ былъ, въ исходѣ тогожъ года, обращенъ на службу въ Москву, въ канцелярію военного генералъ-губернатора и считался въ ней по 1828 годъ. Въ этомъ году онъ, съ Малевскимъ, возвратились въ Петербургъ.

Между тѣмъ Мицкевичъ успѣлъ уже прославиться своими гениальными стихотвореніями, которыми онъ первый далъ примѣръ освобожденія Польской литературы отъ узъ стѣснявшаго ее строгаго классицизма. Первые опыты его, баллады, двѣ части поэмы *Дяды* (Поминки), *Гражина* и другія, были напечатаны въ двухъ небольшихъ томахъ, въ Вильнѣ, въ 1822 году. Общество Польское такъ мало было приготовлено къ перевороту, вводимому его твореніями, что онъ съ трудомъ нашелъ издателя (книгопродавца Завадскаго), который рѣшился напечатать ихъ на свой счетъ. Однакожъ, на своей родинѣ, въ Литвѣ, Мицкевичъ былъ понятъ съ перваго разу, и поэзія его возбудила всеобщій восторгъ.

Въ Москвѣ Мицкевичъ познакомился близко съ знаменитѣйшими Русскими литераторами. Въ числѣ ихъ были князь Вяземскій, Баратынскій, Полевой, извѣстный Соболевскій и др.

Пріѣхавъ въ 1828 году въ Петербургъ, Мицкевичъ и Малевскій устроились такъ, чтобы жить вмѣстѣ; они наняли квартиру въ большой Мѣщанской, въ домѣ Іохима и завели свое маленькое хозяйство. Имъ, конечно, завѣдывалъ Малевскій, а не Мицкевичъ, который не имѣлъ никакого понятія о практической жизни.

Вскорѣ послѣ того Малевскій вступилъ въ службу, при Сперанскомъ, во II-е отдѣленіе собственной Е. И. канцеляріи. Мицкевичъ же признавалъ, что послужилъ довольно и остался оставленнымъ губернскимъ секретаремъ. Въ этотъ чинъ онъ былъ переименованъ изъ степени кандидата философіи по физико-математическому факультету. Эту степень мы получили съ нимъ въ одно время и по тѣмъ же экзаменамъ, въ

*) О подробностяхъ, смотри мои Воспоминанія о Новосильцевѣ, *Калейдоскопъ*, въ Р. Арх. 1872 г., стр. 1745.

1816 году; Малевскій же, перешедшій послѣ того въ юридическій факультетъ, получилъ тамъ степень магистра правъ. И по вступленіи Малевского въ службу, онъ продолжалъ жить вмѣстѣ съ Мицкевичемъ до самаго его отъѣзда за границу, въ Іюль 1829 года.

Я жилъ въ Петербургѣ съ Іюля 1822, пріѣхавши по дѣлу, которое по прибытіи моемъ продолжалось въ Государственномъ Контролѣ и въ Сенатѣ около трехъ лѣтъ. Съ первой же недѣли по пріѣздѣ въ столицу, я сталъ жить вмѣстѣ съ другомъ и университетскимъ товарищемъ Александромъ Парчевскимъ. Онъ имѣлъ также чрезвычайно запутанный процессъ съ графинею Тышкевичевой, о наслѣдствѣ послѣ перваго ея мужа Жуковского. Это самое то дѣло, общее Парчевскимъ съ Булгариными, которое, отъ имени послѣднихъ, велъ слишкомъ извѣстный Ѳаддей Бенедиктовичъ (2), которое доставило ему главные мотивы для его Ивана Выжигина и о которомъ упоминаетъ Гречъ въ своихъ Запискахъ, напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ.

Когда Мицкевичъ пріѣхалъ въ первый разъ въ Петербургъ, я въ тотъ же день случайно встрѣтился съ нимъ въ гостинницѣ бывшей Лондонъ, на углу Невского проспекта и Адмиралтейской площади. Тутъ мы сблизились какъ университетскіе товарищи, и я привѣтствовалъ его какъ перваго Польскаго поэта. Съ той минуты завязалась между нами тѣсная дружба и, когда Мицкевичъ вторично, въ 1828 году, прибылъ въ Петербургъ, мы уже почти не разставались, по крайней мѣрѣ видались каждый день до самаго его отъѣзда. Такимъ образомъ настоящая глава будетъ заключать живыя воспоминанія о пребываніи Мицкевича въ Петербургѣ и о средѣ, въ которой онъ тамъ вращался.

Я уже сказалъ, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ на другой день послѣ наводненія.

На другой же день послѣ его пріѣзда, мы отправились съ нимъ осматривать мѣстности, которыя наиболее по-

страдали. Это зрѣлище, по истинѣ ужасающее и невыразимо-грустное, глубоко поразило поэтическое воображеніе моего спутника. Во всѣхъ улицахъ въ самомъ городѣ, заключающихся между Невой и далѣе Екатерининскаго канала, Большою Садовою, наканунѣ нашего осмотра нижніе этажи были залиты, а теперь стояли пустые. Тоже самое на всемъ Васильевскомъ островѣ, Петербургской и Выборской сторонахъ. А какъ на другой же день послѣ наводненія наступилъ довольно сильный морозъ, а потомъ установилась зима: то этажи эти остались необитаемыми во всю зиму 1824 - 1825 года.

Я ограничусь этой одной чертой катастрофы и не стану описывать наводненія, котораго всѣ ужасы я близко видѣлъ, живши тогда съ Парчевскимъ въ Галерной улицѣ, на углу Замятина переулка; но не могу не записать здѣсь факта, который, въ другомъ порядкѣ явленій, представляетъ феноменъ, неменѣе быть можетъ замѣчательный, чѣмъ и самое наводненіе и достаточно характеризуетъ Аракчеевское время. Ни въ одной Петербургской газетѣ (ихъ, правда, всего было три: Сѣверная Почта, Русский Инвалидъ и Французскій Conservateur Impartial), ни слова не напечатано о наводненіи. Дѣлали секретъ изъ того, чему было 400,000 свидѣтелей. Только чрезъ годъ послѣ него, позволено было г. Аллеру, эконому Смольнаго монастыря, издать брошюру съ описаніемъ подробностей происшествія. Да немного ранѣе, графъ Хвостовъ напечаталъ по этому случаю двѣiramбъ, въ которомъ говорилось, между прочими ужасами,

„Какъ тогда свирѣпствовалъ Борея,
И сколько въ этотъ день погибло лошадей?“

и представлялась страшная картина, какъ

..... „по разнымъ стогнамъ валялось много кравъ,
Кои лежали тамъ, ноги къ верху вздрывъ.“

Я тогда состоялъ уже на службѣ и, кончивши мое дѣло въ Сенатѣ, на чет-

вертый день послѣ наводненія, отправился въ отпускъ къ матушкѣ въ Гродненскую губернію. Вездѣ по дорогѣ на почтовыхъ станціяхъ спрашивали меня съ большимъ любопытствомъ о случившемся. Я остановился дня на три въ Вильнѣ, гдѣ еще былъ сенаторъ Новосильцевъ и оканчивалось слѣдствіе о студенческихъ обществахъ. Я пошелъ къ знакомымъ на вечеръ и засталъ тамъ человѣкъ десять гостей. Отвѣчая на вопросы, я рассказывалъ что видѣлъ въ день наводненія; только замѣчаю, что одинъ изъ гостей, мнѣ незнакомый, дѣлаетъ мнѣ знаки. Выбравъ время, я вышелъ въ другую комнату и ждалъ тамъ моего таинственнаго сигналиста. Онъ явился и сказалъ: „Я вижу, что вы не здѣшній и должны васъ предостеречь, что г. сенаторъ (такъ всѣ звали Новосильцева) *не любитъ*, чтобы говорили о наводненіи; вчера арестовали г. Квѣцискаго, который *получилъ* (sic) письмо объ этомъ отъ брата изъ Петербурга“. Я поблагодарилъ и сказалъ, что когда предъ отъѣздомъ я откланивался моему начальнику, министру внутреннихъ дѣлъ, то его высокопревосходительство ничего мнѣ не приказывалъ на счетъ храненія тайны о наводненіи, и что, не зная о теперешнихъ Виленскихъ порядкахъ, такъ какъ объ нихъ не было опубликовано, я не могу подвергаться отвѣтственности за ихъ нарушеніе.

Я пробылъ въ отпуску около шести недѣль и возвратился въ Петербургъ, гдѣ между мною и Мицкевичемъ установились каждодневныя сношенія. Я часто заходилъ къ нему и у него познакомился съ княземъ Петромъ Вяземскимъ, княземъ Григоріемъ Волконскимъ и съ Соболевскимъ. У него же я въ первый разъ встрѣтилъ Сенковского, тогда уже профессора восточныхъ языковъ въ Петербургскомъ университетѣ. Онъ не игралъ еще въ Россійской литературѣ и критицизмѣ той важной роли, которую занялъ въ послѣдствіи, въ тридцатыхъ годахъ, какъ основатель и редакторъ Библіотеки для Чтенія. Мицкевичъ не

любилъ его, особенно за его саркастическій взглядъ на все Польское. Сенковский, также бывший Виленскій студентъ, какъ извѣстно, путешествовалъ по Востоку и пробылъ тамъ болѣе двухъ лѣтъ, на счетъ денегъ жертвуемыхъ частными лицами въ западныхъ, югозападныхъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ, по инициативѣ извѣстнаго ревнителя просвѣщенія, адъюнкта и библіотекаря Виленскаго университета Контрима. Еще до возвращенія изъ своего вояжа, Сенковский издалъ на Польскомъ языкѣ книжку, подъ заглавіемъ „Сборникъ (Collectanea) изъ Турецкихъ хроникъ, мѣстъ относящихся до Польской исторіи“. Книжка эта, кромѣ историческихъ фактовъ, наполнена ѣдкими насмѣшками якобы Турецкихъ лѣтописцевъ надъ образомъ правленія бывшей Рѣчи-Посполитой, надъ Польскою арміею и ея вождями. Были добродушные читатели, которые повѣрили этой дурной шуткѣ. Но въ этихъ мнимо-турецкихъ сужденіяхъ и островахъ явно проглядывала „Сенковіана“, и ни Мицкевичъ, да и никто изъ насъ не сомнѣвался, что авторъ коллектанеи все это „собственнымъ умомъ“ выдумалъ. Я былъ при томъ, какъ Мицкевичъ заставилъ Сенковского признаться въ этомъ и какъ живо упрекалъ его за такой исторической подлогъ. „Это тяжкій грѣхъ, это профанация священной вещи, исторіи (говорилъ взволнованный Адамъ). Если тебѣ непременно хотѣлось излить твою желчь на прошедшее родины, то что тебѣ мѣшало высказать все это отъ твоего же имени? Бѣдь отъ этого хуже бы не было, всѣ тебя хорошо знаютъ за ренегата; говорятъ, даже, что ты перешелъ въ магометанскую вѣру, и чего добраго, можешь быть это и правда“. Сенковский отдѣлывался шутками; но смѣхъ его, какъ Французъ говорятъ, былъ „желтаго цвѣта“. Не помню, кто еще, кромѣ меня, былъ при этой *экзекуціи*, когда Мицкевичъ такъ беспощадно бичевалъ Осипа Ивановича. „Впрочемъ (заключилъ Адамъ), быть можетъ, ты и не совсѣмъ виноватъ; это,

пожалуй, просто органическій недостатокъ. Я подозреваю, что твоей матери, когда она была тобой беременна, попался въ руки альбомъ съ рисунками Гогарта; она заглядывалась на нихъ, и вотъ теперь все тебѣ видится въ карикатурѣ¹⁾. Сенковскій однакожъ не поссорился съ Мицкевичемъ (онъ никогда не ссорился съ сильнѣйшими себя) и не переставалъ ходить къ нему. Онъ сдѣлалъ для него подстрочный переводъ Арабскаго стихотворенія, изъ котораго у Мицкевича вышелъ его прелестный Шансарій (Szanfary).

Когда Сенковскій ушелъ, я сказалъ Мицкевичу:

—Ну, славно же ты отдѣлалъ его!

—Вѣдь надо же, чтобы онъ отъ кого нибудь слышалъ *verba veritatis*. У него большой талантъ и много способностей, но ему недостаетъ той полноты и твердости ума, которая дѣлаетъ Горациева *justum ac tenacem propositi virum*²⁾. У него умъ шаткій, готовый бросаться, по обстоятельствамъ, во всѣ крайности. При томъ же онъ изъ тѣхъ, съ которыми отъ всякаго успѣха дѣлается головокруженіе. Онъ просто избалованъ и, какъ балованный ребенокъ, думаетъ, что ему позволено все.

—А знаешь, Адамъ, мнѣ кажется, что я открылъ въ Сенковскомъ настоящіе элементы его желчнаго настроенія вообще, а противъ всего Польскаго въ особенности.

—*Voyns*, Гляубичъ (онъ часто меня такъ называлъ по моему гербу); ты ботаникъ, у тебя и по призванію, и по привычкѣ долженъ быть наблюдательный взглядъ.

—А вотъ что: во 1-хъ, онъ не *Кармазинъ*³⁾; его Любичъ (гербъ) купленъ у извѣстнаго торговца, заправляющаго нашими дворянскими дѣлами³⁾. Нѣкто-

рые положительно знаютъ, что онъ изъ Видзкихъ мѣшанъ. Вотъ онъ, чувствуя себя чуждымъ нашей средѣ, и ожесточается противъ нея, а затѣмъ и противъ всего Польскаго, такъ какъ дѣйствительно Польша была не что иное какъ только *дворянское* олигархическое государство, въ которомъ плебейскій элементъ считался низа что. Это одно; теперь во 2-хъ, онъ *работой*, оспа глубоко изрыла ему лицо, а это наглядно доказываетъ происхожденіе его отъ одного изъ низшихъ, непросвѣщенныхъ слоевъ общества. Назадъ тому 40 лѣтъ, только низшіе классы не знали о предохранительной оспѣ, или по невѣжеству отвергали ее, тогда какъ въ высшихъ классахъ прививали ее всѣмъ, и дѣтямъ, и даже взрослымъ. Съ такимъ документомъ плебейства на лицѣ, онъ естественно завидуеетъ всѣмъ гладколицымъ и злится на нихъ, то есть почти на все человечество.

Мицкевичъ выслушалъ меня съ усмѣшкою и сказалъ: „И чтожъ, въ самомъ дѣлѣ. Ты можешь быть и правъ; чего, хорошененько порывшись, не найдешь иногда на днѣ человѣческихъ характеровъ!“... (3).

Мы всѣ тогда были люди молодые, и Мицкевичъ, не смотря на грустное настроеніе, проглядывающее почти во всѣхъ его стихотвореніяхъ, охотно развеселялся въ обществѣ, и тогда выказывалъ замѣчательное остроуміе. Кромѣ нашего самаго близкаго кружка, состоявшаго изъ немногихъ (къ нему принадлежалъ также Александръ Ходзько, Константинъ Рдудовскій, Рафаилъ Слизенъ, Александръ Парчевскій и два или три бывшіе студенты Виленскаго университета), онъ любилъ разнообразить свои впечатлѣнія въ мѣнѣ интимныхъ собраніяхъ. Хотя Мицкевичъ имѣлъ свою кухню, но мы съ нимъ часто ходили обѣдать къ одной Француженкѣ въ домъ Котомина у Полицейскаго моста. Въ то время ресторационная часть въ Петербургѣ была еще въ дѣтствѣ. Въ лучшихъ Русскихъ трактирахъ почти нельзя было обѣдать. Кромѣ дурна-

¹⁾ Мужа честнаго и стойкаго въ своихъ намѣреніяхъ.

²⁾ На Польскомъ дворянскомъ жаргонѣ это слово означаетъ хорошаго дворянина. *Кармазинъ* это чистый алый цвѣтъ, и такой долженъ быть цвѣтъ чисто-дворянской крови.

³⁾ Подробности сказаннаго здѣсь будутъ объяснены въ другой главѣ.

го приготовления, постоянно дурного масла, тамъ строго еще держались раздѣленія кулинарныхъ продуктовъ на допетровскія категоріи. И такъ даже у пресловутаго Палкина, вы читали на примѣрслѣдующую карту обѣда: *горячее*, ботвинья и окрошка; *холодное*, бифштексъ и бѣвъ-лаמודъ; *соусъ*-раки; *жаркое*, всегда нѣчто вареное; *пирожное* компотъ. Единственное спасеніе холостякамъ, не имѣющимъ, какъ я, своей кухни, были Французскій *table d'hôte* у Андриѣ, на углу Малой Морской и Гороховой и такъ называемыя *pensions bourgeoises* (хозяйскіе столы) у нѣсколькихъ Французовъ и Нѣмокъ на главныхъ улицахъ. Столъ у Андриѣ былъ хорошъ, но довольно дорогъ, и при томъ общество было слишкомъ смѣшанное, и въ немъ неизбѣжный одинъ или два фискала. Поэтому мы предпочитали уютную столовую мадамъ Rondeleux, пожилой Французской роялистки. Она отдавала двѣ или три меблированныя комнаты, и въ 5 часовъ у ней обѣдали знакомые, по строгой рекомендаціи. За столомъ, кромѣ хозяйки, была ея молоденькая дочь, Анжель, не знаю почему прозванная *Chichette*, и одна или двѣ перелетныя птицы, также Француженки, останавливавшіяся временно у хозяйки. Изрѣдка являлся одинъ изъ экземпляровъ такъ прекрасно переданнаго Бальзакомъ, типа странствующаго торговаго комиссіонера (*commis voyageur*) въ его повѣсти „*l'illustre Gaudissart*“. Бесѣда за столомъ была общая, и особенно оживляемая двумя *завсегдатаями*: одинъ былъ Англичанинъ, учитель своего языка, Куперъ (*Cooper*); другой, врачъ при театральной дирекціи, Корсиканецъ, претендовавшій на родство съ Бонапартами, докторъ Орнано (*Ornano*). У мадамъ Ронделѣ царствовало, вѣстѣ съ веселостью, и строгое приличіе. Тутъ собирався часто и нашъ другаго рода кружокъ. Туркулъ, тогда еще директоръ канцеляріи министра статсъ-секретаря Царства Польскаго, чиновники его канцеляріи, Линовскій, братъ по матери предпоследняго министра статсъ-секре-

таря Ланскаго, Францискъ Шеміотъ, Маврицій Понятовскій, Готардъ Собанскій, графъ Александръ Завадовскій, кавалергардскій офицеръ Бобръ (4), Константинъ Рдултовскій. Эти господа составляли особый кружокъ, собиравшіяся часто по вечерамъ для игры въ квинтичъ (5). Къ намъ еще присоединился, въ 1828 году, извѣстный графъ Валевскій, сынъ Наполеона (6). У мадамъ Ронделѣ часто обѣдывалъ съ нами теперь знаменитый государственный сановникъ, а тогда только капитанъ генеральнаго штаба и флигель-адъютантъ, присланный изъ Турецкой арміи курьеромъ отъ Государя съ извѣстіемъ о взятіи Варны.

Это веселое и умное общество Мицкевичу очень нравилось, и онъ находилъ въ немъ просторъ для своего большаго ума и замѣчательнаго юмора. Того, что пофранцузски называется *esprit*, расходовалось тамъ немалое количество. Орнано забавлялъ насъ рассказами разныхъ анекдотовъ изъ закулисной жизни прима и секунда-доннъ тогдашней Итальянской оперы (7). Послѣ обѣда мы часто составляли партію въ вистъ и эвартѣ, но Мицкевичъ въ нихъ не участвовалъ. Онъ игралъ только въ двѣ игры: *шахи*, въ которыя былъ непобѣдимъ и въ карты — въ старопольскую игру, называемую *дружбартъ*. Онъ бывалъ очень радъ, когда находилъ для нея партію, что рѣдко случалось. Дружбартъ это игра очень оригинальная, ни на какую другую не похожая. Ее играютъ въ четверомъ по два партнера, какъ въ вистъ. Самая старшая карта, осьмерка пикъ, называется *доля*, послѣ нея идетъ бубновый король — *дружбартъ*. Масти по старшинству идутъ въ такомъ порядкѣ: трефы, пики, черви и бубны. Девятки этихъ мастей, очень вліятельныя карты, носятъ названіе: первая — *старка*, вторая — *винка*, третья *чирвонка*, послѣдняя — *инилка*. Семерки играютъ большую роль, ихъ не бьетъ никакая карта; дружбартъ бьетъ все, но доля бьетъ

его. Самый большой выигрышъ состоитъ въ томъ, чтобы долей побить дружба. Игра эта имѣетъ ту особенность, что играется, какъ въ шахматы, не на деньги, а на честь. Разнымъ перипетіямъ проигрыша присвоены рисунки различныхъ изображеній. И такъ, тому, у кого въ концѣ партіи остался дружба, рисуются очки; тому, чей дружба будетъ побить долю, рисуются ведро. Еще есть изображеніе кота, рожна (вертела) съ пронизанною на немъ колбасою и т. д. Я часто игралъ въ эту игру съ Мицкевичемъ, но теперь почти совсѣмъ забылъ. Адамъ страстно любилъ ее и въ состояніи былъ заигрывать до поздней ночи.

Кромѣ кружковъ, гдѣ играли въ карты и къ которымъ Мицкевичъ не принадлежалъ, мы бывали съ нимъ почти въ однихъ и тѣхъ же домахъ. Часто посѣщали мы, хорошо Петербургскимъ Полякамъ извѣстнаго, всѣми уважаемаго, столичнаго старожилу, помѣщика Виленской губерніи Гаспара Жельветра. Это былъ очень умный, практически-добродѣтельный человѣкъ. Онъ всѣмъ, кому только могъ, дѣлательно помогалъ, многихъ прибывшихъ изъ провинціи молодыхъ людей, съ хорошими качествами, вывелъ въ люди, а разъ удалось ему открыть блестящую карьеру истинно-художественному гению. Проезжая чрезъ Волынскую губернію, на возвратномъ пути съ Киевскихъ контрактовъ въ Петербургъ, онъ въ одномъ мѣстечкѣ на почтовой станціи замѣтилъ какой-то предметъ, выдѣланный изъ простаго камня необыкновенно красиво. Онъ спросилъ, кто это дѣлалъ и когда ему назвали артиста-самоучку, то пожелалъ его видѣть. Послали за нимъ, и онъ явился. Это былъ молодой Викторъ Бродскій; онъ показалъ еще и другія свои произведенія, доказывающія громадный природный талантъ. Жельветръ уговорилъ его ѣхать съ нимъ въ Петербургъ, для поступленія въ Академію Художествъ, привезъ его съ собою и постоянно помогалъ ему. И вотъ изъ это-

го молодого провинціала вышелъ Европейской славы скульпторъ *).

Жельветръ жилъ постоянно въ Петербургѣ съ 1805 года и имѣлъ необыкновенный талантъ рассказывать. Онъ зналъ много личностей, игравшихъ важныя роли въ началѣ царствованія императора Александра I, въ томъ числѣ весь антуражъ Чарторижскаго, и чрезъ него зналъ много подробностей изъ частной и публичной жизни этого государственнаго челоука. Мицкевичъ очень любилъ его слушать и часто бывалъ на его вкусныхъ Польскихъ обѣдахъ. Жельветръ былъ очень друженъ съ извѣстнымъ живописцемъ Орловскимъ, и имѣлъ большой альбомъ его рисунковъ и карикатуръ, начертанныхъ „inter rosulos“ карандашемъ и перомъ. Иногда у него встрѣчался Мицкевичъ съ Булгаринымъ. Оба отдавали справедливость Гадаю Бенедиктовичу, но высказывали ему и „verba veritatis“.

Я ввелъ Адама въ домъ тогдашняго министра просвѣщенія Александра Семеновича Шишкова, который былъ женатъ на Юліѣ Осиповнѣ Нарбуттъ, вдовѣ д. с. с. Лобаржевскаго, состоявшаго нѣкогда въ свитѣ Станислава Августа, когда король этотъ прибылъ въ Петербургъ. Г-жа Шишкова была моя родственница и приходилась мнѣ бабушкой, но я называлъ ее tante, въ виду притязаній, которыя она, впрочемъ справедливо, какъ Ninon de l'Enclos, могла еще имѣть на красоту, не смотря на свои 50 лѣтъ. Кромѣ воскресеній, когда у Шишкова собирались рауты и завязывались партіи, близкихъ знакомыхъ принимали каждый вечеръ. Тогда общество раздѣлялось на два стана. Мы оставляли старика съ его дряхлыми академиками заниматься глубокими корнесловными изслѣдованіями и отправля-

*) Онъ теперь въ Римѣ. Лучшія его произведенія находятся въ Имп. Эрмитажѣ и въ Академіи Художествъ. У меня есть собственноручная рукопись Бродскаго, его автобіографія.

лись пить чай къ умной и всегда любезной Юліѣ Осиповнѣ. Съ ней была молодая племянница, ея гувернантка, Англичанка и всегда какая нибудь гостья изъ многочисленной родни Александра Семеновича. Тутъ съ одной изъ такихъ барышень познакомился Мицкевичъ. Она была умная, образованная и чрезвычайно поэтически настроенная, такъ что даже и изъ плохихъ Русскихъ переводовъ „Конрада Валленрода“ и „Крымскихъ Сонетовъ“ поняла и оцѣнила поэта. Скоро между ними завязалась дружба, а извѣстно, къ чему ведетъ это чувство двухъ лицъ разнаго пола одинаково молодыхъ. Я хочу сказать, что изъ обыкновенной, она переходитъ въ нѣжную дружбу, чтò произошло и въ настоящемъ случаѣ. Не думаю, чтобы эти строки, если попадутся когда нибудь на глаза умной и доброй А. М. Б*** ой, возбудили въ ней негодованіе ко мнѣ за мою нескромность. Прошло столько времени, да и предметъ *дружбы* былъ настолько ея достойный! Какъ дѣло идетъ о лицѣ историческомъ, то я въ моей нескромности пойду далѣе. Я былъ наперсникомъ Адама въ его отношеніяхъ къ дѣвицѣ Б.*** Онъ мнѣ признался, что она ему такъ симпатична, что попросилъ бы ея руки, если бы его не удерживали существенныя уваженія. Онъ сказалъ: „Съ тобою я не стану скромничать. Я не могу не сознавать, что глаза моего народа обращены на меня, я обязанъ оглядываться на его мнѣніе. Чтò бы сказали мои земляки, еслибы я женился на Русской боярышнѣ, дочери сенатора, родственницѣ великаго Кутузова, и родственницѣ одного изъ министровъ? Никто изъ Поляковъ не понялъ бы этого иначе, какъ приписывая мнѣ низкія и отвратительныя побужденія. Я не въ правѣ такъ ронять себя, отъ этого потерялъ бы духъ всего моего народа. Впрочемъ, (прибавилъ онъ съ улыбкою) зачѣмъ я тебѣ это говорю; почему звать, приняла ли бы А*** мое предложеніе?“ Въ этомъ послѣднемъ замѣчаніи былъ ли

Мицкевичъ вполне искрененъ? Не знаю. Онъ не открылъ мнѣ своихъ сердечныхъ тайнъ настолько, чтобы я самъ могъ рѣшить этотъ вопросъ.

Въ числѣ домовъ, въ которыхъ мы бывали вмѣстѣ съ Мицкевичемъ, выдающееся мѣсто занимаетъ одинъ, по тому вліянію, которое знакомство это имѣло на будущее моего друга. Я говорю о домѣ г-жи Шимановской, извѣстной Европейской славы, пианистки, послѣ долгихъ странствованій поселившейся въ Петербургъ. У нея были двѣ дочери, младшая Целина, довольно красивая. Пріемъ былъ самый радушный, и вскорѣ особенно для Мицкевича и Малевскаго домъ этотъ сдѣлался какъ бы семейнымъ кругомъ. Тамъ бывало довольно весело. Сама хозяйка угощала насъ своею прекрасною игрою, дочки напѣвали разные мазурки и браковьяки. Бывало также нѣсколько молодыхъ и немолодыхъ людей и дамъ; даже изъ высшаго общества часто заѣзжали князь Григорій и княжна Алина Волконскіе, князь Петръ Вяземскій, князь Козловскій и другіе.

У Шимановской Мицкевичъ чувствовалъ себя какъ бы дома, но положительно могу увѣрить, что въ то время ни одна, ни другая изъ дѣвушекъ не сдѣлала на него впечатлѣнія, сколько нибудь сердечнаго. Изъ простой вѣжливости, какъ Литвинъ Варшавянкамъ, Мицкевичъ сдѣлалъ имъ маленькую поэтическую любовь. Это аллегорія къ красотѣ Полекъ въ балладѣ „Три Будриса.“ Изъ того, чтò тогда было, никто не могъ предвидѣть, чтò будетъ (8).

Въ 1831 году, по отъѣздѣ уже Мицкевича за границу, откуда онъ болѣе не возвращался, Шимановская умерла холерою, не оставивши дѣтямъ ничего. Дѣвушки остались круглыми, безпріютными сиротами; я уже былъ женатъ, вступивъ въ бракъ въ Іюнь тогожъ года, и по приглашенію моей жены дѣвицы Шимановскія нѣкоторое время жили у насъ. Скоро потомъ на старшей, Еленѣ, женился Малевскій. За

тѣмъ младшая, Целина поѣхала къ теткѣ въ Парижъ и тамъ вскорѣ вышла замужъ за Мицкевича.

Поэтическій даръ Мицкевича имѣлъ, какъ извѣстно, многія стороны. Въ немъ была не малая доза расположенія къ сарказму и, онъ, быть можетъ, произвелъ бы многое въ сатирическомъ родѣ, еслибы его не удерживала врожденная доброта души. Къ тому же родъ этотъ былъ слишкомъ тѣсенъ для полѣта его всеобъемлющаго генія. Однакожъ его сатирическая способность доказывается нѣкоторыми произведеніями, которыя не могли войти въ Виленскія и Петербургскія изданія. Кромѣ того Мицкевичъ читалъ намъ отрывки изъ большой сатирической поэмы (на подобіе Байронова *Донъ-Хуана*) исполненной и соли, и желчи. Не знаю, окончилъ ли онъ ее; но она нигдѣ не была напечатана, ни въ цѣломъ, ни въ отрывкахъ.

Въ интимномъ обществѣ онъ былъ веселъ и охотно шутилъ. Такъ какъ я состоялъ на службѣ (въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ), то онъ преслѣдовалъ меня насмѣшками надъ мнимымъ моимъ *чиновничествомъ*. Разъ пригласилъ онъ меня къ себѣ обѣдать; кромѣ меня былъ еще гость, на столѣ явилась бутылка шампанскаго. Я спросилъ Малевскаго, не годовщина ли это какая, и тотъ отвѣчалъ: „Если хочешь, это и годовщина, только не именинъ и не рожденія“. Въ половинѣ обѣда налили бокалы, и Мицкевичъ, съ комическою торжественностью, обратясь ко мнѣ, произнесъ: „За здравіе новаго титулярнаго совѣтника Осипа....., вполнѣ достойнаго нести это высокое званіе“. Взорвъ дружнаго смѣха сопровождалъ это привѣтствіе; а я было и забылъ, что на дняхъ дѣйствительно вышелъ мнѣ этотъ чинъ. Но этимъ шутка не кончилась. Адамъ импровизовалъ въ честь мою стихи слишкомъ для меня лестные, чтобы ихъ повторить; приведу только рефренъ, повторявшійся послѣ каждой октавы; его съ Польскаго можно передать такъ:

На что тебѣ чинъ?

Ты дворянскій сынъ!

Аллюзіи насчетъ покойнаго моего отца растрогали меня до глубины души. Я бросился обнимать Адама. Объ немъ Мицкевичъ тутъ же рассказалъ слѣдующее. Но прежде необходимо сказать нѣсколько словъ о моемъ отцѣ.

Это былъ идеалъ гражданина по преимуществу, типъ котораго до того изгладился въ современныхъ нравахъ, что его теперь и понять трудно. Антоній П. посвятилъ всю жизнь на служеніе согражданамъ. Онъ занималъ разныя должности, въ своемъ Слонимскомъ уѣздѣ по выборамъ. Былъ председателемъ земскаго (уѣзднаго) суда, потомъ подкоморіемъ (межевымъ безапелляціоннымъ судьей, это званіе было въ такомъ почетѣ, что подкоморій назывался *princeps nobilitatis*); а за тѣмъ, по преобразованіи этой части, председателемъ межеваго апелляціоннаго суда. Но не въ исполненіи этихъ должностей состояло наиболѣе полезное его поприще. Съ окончаніемъ срочныхъ засѣданій предѣлательствуемыхъ имъ судовъ, (суды засѣдали по шести недѣль, съ большими промежутками) начиналась его существенная дѣятельность. Во всей Литвѣ, какъ бы по общему соглашенію, его признавали человѣкомъ необыкновеннаго ума, непоколебимой правоты и первымъ законовѣдцемъ. Сенатъ въ его время (1803 — 1812) былъ для жителей Литвы не только *terra incognita*, но какимъ-то пугаломъ. Никто не рѣшался, даже въ самомъ правомъ дѣлѣ, обращаться въ Сенатъ, о которомъ шла молва, что тамъ страшно обираютъ и что выигрываетъ только тотъ, кто оберъ-секретарямъ и секретарямъ дастъ больше денегъ. Слѣд. рѣшенія губернскаго суда (гражданской палаты) приводились въ дѣйствіе очень часто къ явной обидѣ правой стороны, такъ какъ составъ этого суда былъ менте чѣмъ удовлетворительный. Наконецъ помѣщики и шляхта догадались прибѣгнуть къ средству, избавляющему ихъ и отъ Па-

латы и отъ Сената. Пользуясь дозволеніемъ закона, они спорныя свои дѣла стали предавать на разбирательство и рѣшеніе одного Антонія П., обязываясь, формальнымъ актомъ, рѣшенія его принимать безусловно за окончательныя, не подлежащія ни аппеляціи, ни жалобѣ. Такимъ образомъ П., далеко ранѣе осуществленія мысли о мировыхъ учрежденіяхъ, сдѣлался фактически мировымъ судьей цѣлой провинціи, но судьей абсолютнымъ (arbiter) и разумѣется безвозмезднымъ. Многіе изъ тяжущихся пріѣзжали съ своими дѣлами къ нему въ деревню; но часто (особенно по межевымъ спорамъ) приходилось ему ѣздить на мѣста по своему, а нерѣдко и по отдаленнымъ уѣздамъ. Такимъ образомъ П. распуталъ и рассудилъ несмѣтное количество тяжбъ и всякихъ ябедъ, продолжавшихся иногда цѣлые десятки лѣтъ. Изъ этого количества онъ болѣе половины успѣлъ окончить миромъ.

Вотъ Мицкевичъ и рассказывалъ, что два помѣщика его родины, Новогрудскаго уѣзда, Керсновскій и Абламовичъ тягались между собою болѣе 15 лѣтъ и наконецъ додумались *записаться на компромиссъ на П.* Послѣдній принялъ ихъ приглашеніе; необходимо было пріѣхать для разбирательства на мѣсто. Отецъ Мицкевича былъ адвокатомъ одной изъ тяжущихся сторонъ. Что-то препятствовало арбитру прибыть въ назначенный имъ срокъ; стороны ждали его въ Новогрудкѣ. Изъ ихъ суетливаго ожиданія, изъ того, что говорилось объ арбитрѣ между адвокатами и въ городѣ, 10-ти лѣтній Адамъ съ своимъ уже поэтическимъ воображеніемъ возымѣлъ громадное понятіе объ Антоніѣ П. Наконецъ послѣдній пріѣхалъ, рассмотрѣлъ документы обѣихъ сторонъ и на другой же день объявилъ компромиссарскій судъ открытымъ. Всѣ удивлялись такой поспѣшности, весь городъ нахлынулъ въ судейскую камеру слышать адвокатовъ и рѣшеніе. Адамъ съ своимъ отцомъ былъ тутъ же. Ар-

битръ, указавъ тяжущимся на подлинную суть дѣла, которую они въ омутъ 15-ти лѣтняго своего ябедничества сами даже перестали понимать, приглашалъ ихъ помириться на вполне рациональныхъ условіяхъ. Но стороны упорствовали, добиваясь рѣшенія, и арбитръ принужденъ былъ произнести его со всѣми мотивами. Сторона, которую защищалъ Мицкевичъ, выиграла. Адамъ прибавилъ, что видъ Антонія П., сидящаго на судейскомъ креслѣ, далъ ему первое понятіе о человѣческомъ величіи, и впечатлѣніе это осталось у него на всегда. Этому еще способствовала замѣчательная красота лица, живо напоминавшая у моего отца Наполеоновскій типъ: Наполеонъ I, какъ извѣстно, былъ идеаломъ Мицкевича.

Мицкевичъ былъ знакомъ, какъ я уже сказалъ, съ замѣчательнѣйшими Русскими поэтами и литераторами того времени, преимущественно Московскими. Они высоко цѣнили и понимали его. Всѣмъ извѣстны стихи Баратынскаго къ Мицкевичу по случаю однихъ его стиховъ въ подражаніе Байрону.

Вотъ эти стихи:

Неподражай, своеобразенъ гений
И собственнымъ величіемъ великъ.
Доратовъ ли, Шекспировъ ли двойникъ,
Досаженъ ты: не любятъ повтореній.
Съ Израилемъ пѣвцу одинъ законъ,
Да не творить себѣ кумира онъ.
Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный,
Я застаю у Байроновыхъ ногъ.....
Я думаю, поклонникъ униженный
Возстань, возстань и вспомни: самъ ты Богъ.

Въ то время однакожъ, то есть въ первое время по прибытіи въ Петербургъ, Мицкевичъ и Пушкинъ, хотя можетъ быть и встрѣчались, но не были близко знакомы.

Въ 1828 году пріѣхала въ Петербургъ извѣстная своимъ умомъ и красотою, Каролина Собаньская, урожденная графиня Ржевуская, сестра знаменитаго писателя Генриха Ржевускаго, въ послѣдствіи вышедшая за генерала Чирковича, а теперь жена Французскаго драматическаго писателя Jules Lacroix, бра-

та извѣстнаго сочинителя, подписывающагося псевдонимомъ Jacob Bibliophile. Она дружна была съ Мицкевичемъ; они вмѣстѣ и съ цѣлой компаніей совершили поѣздку въ Крымъ, слѣдствіемъ которой были чудные Крымскіе Сонеты. Мы часто бывали у г-жи Собаньской. Она разъ сказала Мицкевичу: „Это непростительно, что вы и Пушкинъ, оба первые поэты своихъ народовъ, не сошлись до сихъ поръ между собою. Я васъ заставляю сблизиться. Приходите ко мнѣ завтра пить чай“. Кромѣ насъ двухъ и Пушкина былъ приглашенъ только Малевскій и родственникъ хозяйки, Константинъ Рдудтовскій. Мы явились въ назначенный часъ и застали уже Пушкина, который, кажется, равнодушенъ былъ къ нашей хозяйкѣ, женщинѣ дѣйствительно очаровательной.

Первыя привѣтствія Пушкинъ принималъ съ довольно сухой, почти надменной, вѣжливостью. Тогда была мода на байронизмъ, который такъ много повліялъ на Пушкина и внутренно, и наружно. Онъ держалъ себя какъ Лара, или по крайней мѣрѣ, какъ Онѣгинъ. Мицкевичъ, по своему обычаю, былъ простъ и натураленъ; онъ никогда не позировалъ и не рисовался. За чаемъ шелъ общій разговоръ. Потомъ Собаньская стала особенно заниматься поэтическимъ дуэтомъ своихъ гостей, дабы заставить поэтовъ поговорить съ собою. И дѣйствительно между ними завязался діалогъ о литературѣ и искусствѣ вообще. Мицкевичъ былъ человѣкъ рѣдкой, энциклопедической учености и громадной начитанности; Пушкинъ же, какъ извѣстно, былъ изъ тѣхъ, которые, по собственнымъ его словамъ: „учились по немногу, чему нибудь и какъ нибудь“.

Мицкевичъ этого и не подозрѣвалъ; видя однакожъ въ продолженіи разговора, что многое кажется Пушкину какъ будто бы чуждымъ, спросилъ: Вы читали Газлита?—Нѣтъ. А Шлегеля?—Нѣтъ. А Сизмонди?—Нѣтъ. Тутъ Пушкинъ совершенно оставилъ протекціональный тонъ, съ которымъ съ начала всѣхъ насъ

трактовалъ, и разговоръ перешелъ на другіе предметы. Затѣмъ Пушкинъ скоро удалился. Мицкевичъ въ интимномъ кружкѣ, въ которомъ мы остались, не срывалъ своихъ впечатлѣній. Онъ удивлялся не столько недостатку литературнаго образованія въ Пушкинѣ, сколько тому, какъ онъ, съ такимъ скуднымъ запасомъ свѣдѣній и безъ нужныхъ руководствъ, могъ произвестъ то, что произвелъ. Это истинный геній, прибавилъ онъ, и если онъ не почіетъ на лаврахъ и самъ почувствуетъ необходимость дальнѣйшаго образованія, то пойдетъ далеко.

На третій день Пушкинъ первый пріѣхалъ къ Мицкевичу. Но это не былъ простой свѣтскій визитъ. Пушкинъ, гордый Пушкинъ, съ полною откровенностью, которая дѣлаетъ ему большую честь, сказалъ: „Вы не могли не замѣтить при нашемъ свиданіи третьяго дня моего невѣдѣнія (mon ignorance) въ дѣлѣ теоріи искусства. Но не удивляйтесь этому. Чувствую, что мнѣ надо доканчивать мое воспитаніе, — но не знаю, съ чего начать, за что взяться. Дайте мнѣ совѣтъ.“ Мицкевичъ былъ тронутъ этимъ благородствомъ и повторилъ то что намъ уже сказалъ: „Повѣрьте, что я не на столько удивлялся въ васъ недостатку свѣдѣній, сколько вашему генію. Да, вы гениальный поэтъ. А такъ какъ желаете знать мое мнѣніе о томъ, что дальше дѣлать, то скажу, что свѣдѣнія поэту необходимы. Этому примѣры Гёте и Байронъ; у нихъ ученость проглядываетъ во всѣхъ ихъ произведеніяхъ; безъ нея они остались бы на ступени какого нибудь хлѣбопашца Бернса и не написали бы и половины того, что составляетъ ихъ славу. Нужно бы вамъ знать Латинскій языкъ, но это уже поздно. Французская литература на немногое вамъ пригодится. Такъ прочитайте сперва хорошія теоретическія сочиненія, а потомъ вычитесь поанглійски, это будетъ стоить не много труда: языкъ этотъ очищенъ отъ всѣхъ грамматическихъ дрягъ, которые такъ затрудняютъ изученіе дру-

гихъ языковъ, хоть бы Французскаго. Недѣль черезъ пять вы будете свободно читать всякую прозу, а потомъ возьмитесь за поэзію. Сначала читайте Мильтона, Поэ, потомъ Мура, Байрона и наконецъ Шекспира. Послѣдній поэтический душъ открываетъ необъятный кругозоръ“.

Не знаю, какъ Пушкинъ воспользовался совѣтомъ, но два поэта съ тѣхъ поръ подружались и стали переводить сочиненія другъ друга.

Въ пребываніе Мицкевича въ Москвѣ и Петербургѣ, къ его напечатаннымъ первымъ стихамъ, изданнымъ въ Вильнѣ, прибавились Крымскіе Сонеты и поэма Конрадъ Валленродъ. Эта поэма имѣла громадный успѣхъ въ Русской публикѣ. Въ короткое время одинъ за другимъ, появились пять ея переводовъ, правда одинъ другого слабѣе. Поэма не прошла не замѣченной аргументомъ, наблюдавшимъ завсѣмъ Польскимъ. Н. Н. Новосильцевъ, императорскій комисаръ въ Царствѣ и тогда попечитель Виленскаго университета, осудившій и выславшій Мицкевича, написалъ кому слѣдовало въ Петербургѣ, что основная мысль, завязка и развязка Валленрода ничто иное, какъ прозрачная иллюзія на отношенія Поляковъ и Русскихъ. Литвины поэмы означаютъ первыхъ, а притѣснители ихъ крестоносцы Нѣмцы, — послѣднихъ. Стоить только повсюду, гдѣ въ поэмѣ написано Нѣмцы, поставить Русскіе, и вся мысль автора ясно выйдетъ наружу.

Вслѣдствіе этого замѣчанія цензоръ, пропустившій Конрада Валленрода, Анастасевичъ былъ удаленъ отъ должности. Впрочемъ это не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Самая поэма, нѣсколько разъ переведенная на Русскій языкъ, не была запрещена и вошла въ полное изданіе твореній Мицкевича, напечатанное въ Петербургѣ, въ 1829 году.

Мицкевичъ сочинялъ чрезвычайно скоро и легко. Вотъ одинъ фактъ, доказывающій это. Разъ я зашелъ къ нему съ обѣда въ *prima sera* и засталъ его, какъ онъ,

стоя у своего бюро, писалъ. Я хотѣлъ уйти, но Адамъ остановилъ меня. Возьми себѣ трубку, сядь и подожди немного, я сей часъ кончу и тебѣ прочитаю. Я такъ и сдѣлалъ. Перо его скрипѣло, онъ писалъ очень скоро. Прошло минутъ десять, и Мицкевичъ сказалъ: ну, конецъ; теперь слушай. И онъ прочиталъ своего чуднаго Фариса, котораго началъ въ тотъ же день. Я осмотрѣлъ эту черновую и изумился: на ней были переправлены *два слова*. Хочешь, сказалъ Мицкевичъ, я еще разъ прочитаю, и прошу, примѣчай хорошенько; не замѣтишь ли чего нибудь, что нужно поправить (онъ всегда слушался дѣльных замѣчаній). При второмъ чтеніи я таки (уже только для очистки совѣсти) нашелъ что сказать и именно о стихахъ, гдѣ онъ, описывая Аравійскую пустыню, говорить:

Tylko sepy tam koczują,
Tylko gwiazdy tam posują.

т. е. Тамъ лишь коршуны кочуютъ,
Одни звѣзды тамъ почуютъ.

По моему, едвали можно сказать, что коршуны *кочуютъ* въ степи, куда они только налетаютъ за добычею, но не останавливаются. Я самъ чувствовалъ слабость моего возраженія, и Мицкевичу легко было отстоять свое выраженіе. Онъ поэтому сказалъ: „Развѣ ты не помнишь изъ естественной исторіи, какъ намъ объяснялъ ксендзъ Юндзиллъ (профессоръ Виленскаго университета), что коршунъ, когда найдетъ падалъ, то такъ объѣдается, что не можетъ подняться отъ земли и тутъ же на мѣстѣ засыпаетъ. Ну и довольно, чтобы сказать, что онъ *кочуетъ*“.

Но тутъ вышло новое обстоятельство. Мицкевичъ обѣщалъ Пушкину указать что нибудь для своего перевода. Онъ назначалъ для этого новорожденного Фариса, который ему самому очень нравился, и дѣйствительно это былъ бриліантъ. Онъ просилъ меня помочь ему сдѣлать Французскій подстрочный переводъ. Мы взялись за работу, но тутъ опять „кочуютъ“ стало запятую. Во

Французскомъ нѣтъ для этого глагола. Я предлагалъ *samper*, но оно не подходило къ случаю, и мы рѣшили написать его въ этомъ стихѣ порусски.

Не знаю, сдѣлалъ ли кто надъ людьми гениальными слѣдующее замѣчаніе, которое мнѣ кажется общимъ, къ нимъ примѣнимымъ, правиломъ и какъ бы однимъ изъ признаковъ гениальности. Въ то время, когда всѣ имъ удивляются и восхищаются ихъ произведениями, они никогда не бываютъ ими вполне довольны. То именно, что составляетъ ихъ отличие и истинное преимущество надъ другими, они не признаютъ по достоинству, ставятъ на второй планъ, а сами гонятся за чѣмъ нибудь такимъ, что несравненно ниже всего, прямо, но какъ бы невольно вытекающаго изъ самой природы ихъ гения. Въ подтвержденіе этого положенія можно бы набрать немало примѣровъ, начиная съ *Виргилія*, который хотѣлъ сжечь свою *Энеиду*. Такъ изъ современныхъ: *Вальтеръ Скоттъ*, обезсмертившій себя творчествомъ, создавъ форму, сколько для искусства, столько и для исторіи важную и плодотворную, форму историческаго романа, произведенія свои въ этомъ родѣ трактовалъ очень легко и почти стыдился этихъ *бездѣлокъ*, долго въ нихъ не признаваясь, а за то думалъ прославиться своими стихотвореніями, которыя, хотя и прекрасны, но нисколько не выше его прозы; да и истинное ихъ достоинство заключается также въ ихъ историческомъ содержаніи. *Байронъ* всю свою жизнь оплакивалъ, что въ деликатной обработкѣ своего стихосложенія (*versification*) не можетъ достигнуть до высоты *Попа*. *Гете* основывалъ свои права на безсмертіе не столько на своихъ поэтическихъ твореніяхъ, сколько на минералогическихъ познаніяхъ и изысканіяхъ. *Мицкевичъ* же вѣчно благоговѣлъ предъ *Трембецкимъ*. Онъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ въ подражаніе манерѣ этого дѣйствительно искуснѣйшаго изъ версификаторовъ, и попытки эти, на примѣръ: *Warsaby* (игра въ шашки) нес-

равненно ниже всѣхъ самостоятельныхъ произведеній *Мицкевича*. Это недовольство истинныхъ гениевъ собственными твореніями, эта своего рода прихоть имѣетъ, повидимому, глубокое психическое значеніе. Она ничто иное какъ вѣчное стремленіе искусства къ идеалу, котораго никогда не достигаешь на землѣ; это указаніе, что идеалъ лежитъ за пределами жизни, въ другомъ мірѣ: однимъ изъ сильнѣйшихъ аргументовъ противъ материализма и пантеизма.

Я здѣсь не стану говорить о достоинствахъ поэтическихъ твореній *Мицкевича*; они принадлежатъ всеобщей исторіи искусства, и это будетъ не мое собственное сужденіе, а отголосокъ всей Европейской мысли, когда скажу, что по окончаніи поэтическаго поприща престарѣлымъ *Гете*, *Адамъ Мицкевичъ* сталъ первымъ поэтомъ вѣка.

Но тутъ мнѣ предстоитъ исполнить грустный долгъ современника, записывающаго историческіе факты. Для того, чтобы представить фактъ, о которомъ я намѣренъ говорить въ его полнотѣ, нужно сдѣлать отступленіе и перенестись въ довольно отдаленное прошлое.

Съ давняго времени *Поляки* чувствовали исключительную симпатію къ Франціи и ко всему Французскому; въ царствованіе же послѣдняго Польскаго короля *Станислава-Августа* и, по его примѣру, симпатія эта перешла въ чувство еще болѣе нѣжное. Быть можетъ, это естественное слѣдствіе поразительнаго (во все для Славянъ не лестнаго) сходства характеровъ двухъ народовъ. Давно уже сами Французы называли *Поляковъ* Сѣверными Французами, и этотъ эпитетъ чрезвычайно польстилъ самолюбію легкомысленныхъ *Сарматовъ*. Они дѣлали все, что только могли, чтобы удержаться на этой параллели. Отъ своего образа перенимали не только языкъ, моды, нравы, но и все умственное и политическое направленіе, — старались да же подражать порокамъ и усваивать себѣ явныя заблужденія Французовъ. Такимъ образомъ язва лжефилософіи энди-

клопедистовъ, а съ нею и революціонныя идеи, скорѣе и глубже, чѣмъ гдѣ либо, привились и укоренились на Польской почвѣ. Послѣднія 15—20 лѣтъ царствованія Станислава-Августа ознаменовались полною нравственною распушенностью и безвѣріемъ, порожденными этими идеями. (Прошу замѣтить, что подъ этой характеристикой я не разумѣю Литвы: въ ней большинство интеллигенціи не поддавалось этому увлеченію, и только Литовская аристократія не отставала отъ Варшавы, центра такого настроенія).

Сходство съ Французами распространяется въ Польшѣ даже на низшіе слои общества, не выдавшіе никогда Франціи и Французовъ. Общественная жизнь въ Варшавѣ, Вильнѣ и другихъ большихъ городахъ, коренныхъ Польскихъ или сдѣлавшихся Польскими вслѣдствіе Уніи, есть сколокъ въ жизни Парижа. Та же страсть къ разсѣянной уличной жизни, къ публичнымъ сборищамъ на открытомъ воздухѣ, ко всякимъ шумнымъ увеселеніямъ. Замѣчательнѣе всего то, что наиболѣе характеризованные мѣстные типы *гамена и гризетки* (*gamin et grisette*) извѣстны только въ Парижѣ, Варшавѣ и другихъ Польскихъ городахъ, и нигдѣ болѣе не увидите ни того, ни другаго. Вездѣ встрѣтите мальчишекъ-шалуновъ и кокетливыхъ швей и служанокъ; но это далеко не *gamin* (*uliesnik, lobuz*) и не *grisette* (*modniarka, kawiarzka, panna mlodsza*). Впрочемъ, какъ извѣстно, это сходство и симпатія всегда губили Польшу и Поляковъ (9).

Естественно, что при такомъ общемъ настроеніи, Польская литература послѣднихъ ста лѣтъ не только сформировалась по образцу Французской временъ Людовика XIV, но сдѣлалась рабскою ея подражательницею. Еще Красицкій, первый поэтъ своего времени (осмидесятые годы XVIII вѣка) не смотря на громадный талантъ, не произвелъ ничего истинно оригинальнаго. Лучшая его поэма „Монахомахія“, какъ и его сатиры сильно напоминаютъ *Lutrin* (Налой)

и сатиры Боало. Большая часть его твореній въ стихахъ и прозѣ не менѣе отзываются Вольтеромъ; позволительно даже думать, что еслибы его не удерживалъ высокій духовный санъ князя-архіепископа Варшійскаго, онъ сдѣлался бы вполне Польскимъ Вольтеромъ. Что же говорить о другихъ нестолько талантливыхъ? Какъ будто бы признавая, что недостаточно одного сколка съ „Надое“, Венгерскій написалъ еще свои „*Organ*“. Всякій, что бы ни писать, всегда оглядывался на Французскій образецъ и ни на одинъ волосъ не позволялъ себѣ выйти за предѣлы, этимъ образомъ начертанные. Французскій языкъ сдѣлался народнымъ языкомъ, а Французская словесность альфою и омегою Польской. Никто не учился другимъ Европейскимъ языкамъ, всѣ другія литературы какъ будто не существовали, и мало кому было извѣстно, что когда-то и гдѣ-то существовали Данте и Шекспиръ. Удачный переводъ съ Французскаго даже второстепенныхъ писателей, какъ *Légouvé, Delille, J. B. Rousseau*, признавался за верхъ искусства.

Все это, и въ первообразѣ Французскомъ и въ подражательной Польской литературѣ, было строгимъ классицизмомъ съ опредѣленными на все рамки, по масштабу, за который никакому вдохновенію не позволялось выходить. Если бы встали изъ гробовъ Пиндаръ и Данте, Гомеръ и Эсхилъ, то и они должны бы были эпическія поэмы начинать не иначе какъ со словъ: „Я пою“ и въ нихъ дать по меньшей мѣрѣ шесть пѣсенъ, въ трагедіяхъ имѣть не менѣе, но и не болѣе пяти дѣйствій, съ строгимъ соблюденіемъ единства мѣста и времени; оды писать не иначе, какъ октавами съ рифмами, перемежающимися по положенію.

Но и послѣ того, какъ уже и во Франціи стали появляться признаки протеста противъ классицизма, какъ насталъ періодъ байронизма, Польская литература твердо еще оставалась вѣрною старымъ традиціямъ. Фелинскій еще пи-

салъ свою „Варвару Радзивилл“ по выкройкѣ какой нибудь Меропы или Береники; Козьмянъ распѣвалъ свои оды по камертону Іоанна-Крестителя Руссо и лѣтъ пятнадцать или болѣе обрабатывалъ свое капитальное произведеніе „Ziemianstwo“, въ подражаніе Jardins, и L'homme des champs“ Делля съ весьма поэтическими эпизодами о картофелѣ и цвѣтной капустѣ Герардъ Витовскій восхищалъ Варшаву своимъ „Пустынникомъ Краковскаго предмѣстья“, сколкомъ съ Hermite de la Chaussée d'Antin“; княгиня Чарторижская писала свою „Мальвину“ по образцу романовъ m-me Cottin, а Кропчинскій своихъ „Юлію и Адольфа“ въ подражаніе „Новой Елоизы“.

Теперь весь свѣтъ признаетъ, что ничего не могло быть живѣе, противнѣе здравому понятію объ искусствѣ, какъ такой формализмъ съ его нелѣпыми требованіями, стѣсняющими полѣтъ свободной мысли, навязывающими такія, а не иные формы всякому проявленію вдохновенія. Но дабы эту простую истину доказать, нуженъ былъ гений, а такой долгое время не являлся. Классицизмъ продолжалъ имѣть усердныхъ сторонниковъ по той простой причинѣ, что подъ его эгидой блаженствовала огромная масса посредственности. „Aurea mediocritas“ стояла за нее горой; истинное вдохновеніе было парализовано, а его замѣняла усидчивость въ отдѣлкѣ. Это былъ золотой вѣкъ для стиходѣевъ. Кому удалось надѣлать извѣстное количество стиховъ на общія мѣста, на всякіе избитые сюжеты, но съ богатыми рифмами, съ наборомъ громкихъ прилагательныхъ, изысканныхъ метафоръ и съ строгимъ соблюденіемъ условій формализма, тотъ прямо жалуемъ былъ въ поэты.

Такимъ гениемъ, поправшимъ сразу весь этотъ хламъ нелѣпыхъ правилъ и ограниченій, явился наконецъ въ Польской литературѣ Мицкевичъ. Первое изданіе его стиховъ упало въ самый центръ классицизма, въ Варшаву, какъ бомба, и подобно этому снаряду надѣ-

лало неимоверной суматохи. Грустно сказать, но не нашлось *никого*, чтобы оцѣнилъ поэта. Всѣ въ одинъ голосъ возстали противъ него, провозгласили его полоумнымъ, дерзкимъ мальчишкою, неуважающимъ ничего священнаго. Профессоръ Польской словесности въ главной Варшавской школѣ и самъ псевдо-поэтъ, Огинскій, сдѣлалъ изъ стиховъ Мицкевича предметъ своихъ лекцій и ex cathedra разбирая ихъ слово за словомъ, осмѣивалъ во всеуслышаніе, заклиная своихъ слушателей, чтобы не поддавались пагубнымъ нововведеніямъ этого сумасброда-Литвина.

Надо знать, что такое Варшава, эта въ полномъ смыслѣ, какъ ее покойный Туркулъ называлъ, aurea mediocritas. Если вѣрить, что есть фея, то можно подумать, что фея *золотой посредственности* предсѣдательствовала при закладкѣ этого города и закабалила его себѣ на всегда. Поэтому въ ней и живетъ такъ легко, поэтому Варшава и есть современная Капуа. Въ интеллектуальномъ отношеніи тамошнее общество такъ мало требовательно, что всякая, сколько бы ограничена ни была, интеллигенція чувствуетъ себя тамъ на мѣстѣ, какъ бы у себя дома. Стоить только быть болѣе или менѣе приличнымъ человекомъ, чтобы быть безразлично принятымъ въ постоянные члены этого Палургова клуба *).

*) Гербъ города Варшавы, это Сирена, съ поднятою правой рукою, вооруженною мечемъ. Разъ министръ Царства Польскаго Туркулъ, возвратясь изъ дворца отъ доклада, рассказалъ намъ, своимъ чиновникамъ: онъ подносилъ къ подписанію Императора Николая какой-то дипломъ, гдѣ въ главѣ листа былъ изображенъ упомянутый гербъ. Государь, засматриваясь на него, какъ бы въ раздумьи произнесъ: „C'est ça—armes parlantes — la Sirène et l'Épée, c'est bien votre Varsovie.“ (Такъ, такъ, гербъ выразительный. Сирена и Мечъ, это точно ваша Варшава).

Сирена иногда такъ слѣпо, такъ безразсудно сехтовала своимъ мечемъ, что для болѣе точности armes parlantes слѣдовало бы сдѣлать въ нихъ маленькую прибавку: изобразить Сирену съ завязанными глазами.

мыхъ литераторовъ, восхищалась своими стихотворцами, но всегда только *своими*, вышедшими изъ ея среды, вѣрными мѣстнымъ вкусамъ и принятымъ понятіямъ. Горе тому, кто захотѣлъ бы вознестись выше этого уровня и, заставляя членовъ клуба мыслить, нарушилъ бы этимъ пріятную общественною дремоту.

Это наглядно доказалъ примѣръ Мицкевича. Въ то время, какъ профессоръ съ кафедръ произносилъ на него анафему, Варшавскія газеты разбирали его творенія по мельчайшимъ фибрамъ и съ смѣшною важностью, безъ элементарныхъ понятій о здоровой критикѣ, пускались въ нескончаемыя диссертаци надъ ничтожными мелочами. Они, (какъ сказалъ Мицкевичъ, въ предисловіи къ Петербургскому изданію своихъ стиховъ), напоминали собою муравьевъ, которые соединенными силами тащатъ четверть червячка или тушу мухи и едва не упадаютъ подъ тяжестью такой огромной ноши.

Потомство съ трудомъ повѣритъ такому глубокому непониманію великаго поэта въ кругу родной его литературы. Къ вѣчному стыду Варшавы и большинства ея интеллигенціи, единственная тамошняя ученая корпорація, „Общество любителей наукъ“ (Towarzystwo Przyjaciół nauk,) которое хотя бы ради своего названія должно было понимать сколько нибудь болѣе чѣмъ толпа, и оно не пригласило Мицкевича въ свои члены.

Такое плачевное положеніе общественнаго вкуса и мышленія въ Царствѣ Польскомъ, особенно въ Варшавѣ, чрезвычайно вѣрно и остроумно изображено Мицкевичемъ въ упомянутомъ предисловіи. Эпиграфъ къ нему изъ комедіи Нѣмцевича: „Крикнули не позволяемъ! Бѣжали на Прагу.“ (Krzyknęli Nie pozwalam! Uciekli na Pragę). Сочиняя эту замѣчательную статью, онъ мнѣ ее показывалъ, и мы вмѣстѣ хохотали надъ Варшавскими критиками. Я даже подсыпалъ къ ней немного соли, подавъ

мысль упомянуть о Шекспирѣ. Его въ Варшавѣ знали какъ какого-то Англичанина, писавшаго разныя театральныя пьесы; знали, что Ducis перевелъ его „Ромео и Джульетту“ и одобряли то, что переводчикъ вздумалъ поправить Шекспира и, найдя пьесу слишкомъ трагическою, вмѣсто смерти любовниковъ, окончилъ свадьбою (10).

Такое столкновеніе съ Варшавой представляетъ большое сходство между поэтическими судьбами Мицкевича и Байрона. Когда лордъ-поэтъ напечаталъ первый свой произведеніе „Часы Досуга“, съ оговоркою, что авторъ еще несовершеннолѣтній (Hours of Idleness, by lord Georg Gordon Byron, the minor) въ Эдинбургскомъ Обзорѣнн (Edinburgh Review) его безпощадно *отдѣляли*. Но критикъ имѣлъ несчастіе увлечься и сказать, что изъ автора, и по достиженіи совершеннолѣтія, не выйдетъ поэта. Извѣстно, какую ѣдкую сатиру Байронъ не только отмстилъ Эдинбургскимъ критикамъ, но осмѣялъ и всѣхъ современныхъ Англійскихъ стихотворцевъ (English Bards and Scotch Reviewers). Мицкевичъ въ своемъ предисловіи отвѣчалъ Варшавскимъ критикамъ, но ограничивался указаніемъ ихъ невѣжества, а не затронулъ болѣе никого. При этомъ сопоставленіи нужно еще указать и на ту разницу, что Байроновы „Часы Досуга“ дѣйствительно очень слабы и заслуживали строгаго суда критики; тогда какъ геній Мицкевича высказалъ себя вполне съ перваго своего появленія, такъ что неоцѣнившіе его сразу не могутъ ничего привести въ свое оправданіе. Такое непониманіе Мицкевича Польскими литераторами выдается еще болѣе рельезно, когда сравнить это съ тѣмъ, какъ онъ былъ оцѣненъ Русскимъ обществомъ.

„Предисловіе“ произвело однакожъ свое дѣйствіе. Оно такъ живо указало несостоятельность Варшавскихъ сужденій, что многіе, in petto, прозрѣли и перешли на сторону поэта; никому однакожъ не достало гражданского мужества

настолько, чтобы открыто заявить об этомъ. Классики еще господствовали и упорно стояли на своемъ. Только тогда послѣдовалъ совершенный переворотъ, когда стихи Мицкевича стали извѣстны въ чужихъ краяхъ, и объ нихъ съ восторгомъ заговорили иностранные журналы; когда Гёте, къ которому Мицкевичъ забѣжалъ во время своего путешествія въ 1830 году, подарилъ ему перо *), которымъ писалъ Фауста и во всеуслышаніе провозгласилъ его первымъ поэтомъ вѣка. Тогда Павургово стадо, чтобы загладить свою прежнюю несправедливость, бросилось въ другую крайность. Хвалебнымъ гимнамъ въ честь Адама конца не было. Но это была уже „горчица послѣ ужина“. Адамъ, убивъ на повалъ классицизмъ, заклеивъ Варшаву своимъ Предисловіемъ и еще однимъ стихотвореніемъ, гдѣ предводители тамошняго „общественнаго мнѣнія“ изображены въ самомъ комическомъ свѣтѣ, забылъ совершенно о Варшавѣ.

Мицкевичъ въ высокой степени обладалъ даромъ импровизаціи. Онъ часто, послѣ веселаго обѣда, въ пріятельскомъ кружкѣ, импровизовалъ съ бокаломъ въ рукѣ много веселыхъ, часто сатирическихъ, нерѣдко грустныхъ строфъ. Онъ ихъ пѣлъ съ аккомпанментомъ фортепіана, всегда на ноту одной изъ двухъ Модартовыхъ арій: „Fin' ch'al vino изъ Донъ Хуана, или „Fin non andrai farfallon' amoroſo“ изъ Свадьбы Фигаро. Но то что мы слышали, были только прелюдіи; слѣдующій случай покажетъ, до какихъ размѣровъ импровизаціонный даръ могъ возноситься въ Мицкевичѣ, при возбужденіи его обстоятельствами.

Въ походѣ 1828 года, министръ финансовъ Царства Польскаго, князь Любецкій находился въ Петербургѣ по дѣламъ своего управленія, въ сопровожденіи двухъ блистательныхъ экземпляровъ

высшаго Варшавскаго общества. Это были князь Леонъ Сапѣга (теперь извѣстный въ Галиціи своею дѣятельностію по распространенію желѣзныхъ дорогъ) и Адамъ Лэнскій (въ послѣдствіи главный директоръ комиссіи, министръ финансовъ, за тѣмъ министръ-статсъ-секретарь Царства Польскаго, теперь членъ Государственнаго Совѣта). Они желали познакомиться съ Мицкевичемъ, и знакомство это сдѣлалось чрезъ мое посредство.

Наступали именины Мицкевича (сочельникъ предъ Рождествомъ). Мы, бывшіе Виленскіе студенты, въ числѣ до десяти человекъ, согласились дать Мицкевичу обѣдъ. По его желанію, мы пригласили и двухъ Варшавянъ, изъ которыхъ Лэнскій былъ также именинникъ. Но Мицкевичъ ничего не сказалъ намъ, какой готовить сюрпризъ. Гости явились; обѣдъ былъ очень веселъ, усердно опорожнялись бутылки, сперва венгерскаго, потомъ шампанскаго. Когда мы встали изъ за стола, то Малевскій сѣлъ за фортепіано, и послышались первые аккорды „Fin non andrai“. Мицкевичъ, по собственной инициативѣ, взявъ въ руки бокалъ и провозгласивъ тостъ „за здравіе Литвина, потомка Льва Сапѣги“, сѣлъ прекрасную импровизацію въ честь знаменитаго творца Литовскаго Статута. За тѣмъ онъ сѣлъ другую въ честь именинника, своего тѣски *короніиша* *) Лэнскаго, и братской любви, соединяющей Литву и Польшу. Всѣ были очарованы. Замѣтивъ, что одинъ изъ насъ записываетъ его стихи, Мицкевичъ просилъ перестать, говоря, что это ему мѣшаетъ. Мы начали догадываться, что Мицкевичу хочется произвестъ на Варшавянъ большой эффектъ, но не предвидѣли всего. Отдохнувъ немного, Адамъ обратился къ нимъ и сказалъ: „Господа Варшавяне, въ честь посѣщенія вами нашего кружка, я хочу импровизовать трагедію или драму въ

*) По словамъ покойнаго П. В. Нащокина, Гёте прислалъ перо свое и Пушкину, у котораго оно хранилось въ особомъ складнѣ. П. Б.

*) Такъ Литвины называли жителей Великой и Малой Польши, которые составляли край, называвшійся *Короною*.

пяти дѣйствіяхъ и прошу васъ выбрать и дать мнѣ для этого сюжетъ изъ Польской исторіи". Сапѣга и Лѣнскій да и мы всѣ не мало удивились. Мицкевичъ просилъ, чтобы они совѣтовались только вдвоемъ, безъ участія другихъ гостей, и они, перебравъ разные драматическіе эпизоды, избрали сюжетомъ возстаніе Криштофа Зборовскаго въ царствованіе Сигизмунда III-го. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, въ которыя онъ обдумалъ планъ, завязку и развязку драмы, поэтъ сталъ декламировать Польскими александринами, то есть стихами въ тринадцать слоговъ, съ римами и съ цезурою на седьмомъ слогѣ. Сцены слѣдовали за сценами, безъ малѣйшаго промежутка. Поэтъ не только не останавливался, не задумывался, во задыхался, не успѣвая выговаривать стихи по мѣрѣ того, какъ они толпились въ его мысляхъ. Онъ все болѣе и болѣе оживлялся, вызванное имъ вдохновеніе не покорялось уже ему, а овладѣло всѣмъ его существомъ. Онъ видимо страдалъ подъ его гнетомъ, какъ древнія Питіи страдали подъ напѣтомъ вызваннаго ими духа. Глаза его пылали, лицо попеременно краснѣло и блѣднѣло, между тѣмъ какъ стихи, исполненные высокой поэзіи, лились рѣкою изъ его устъ. Нѣкоторыя мѣста, особенно сцена Зборовскаго съ Гетманомъ, взявшимъ его въ плѣнъ, сцена въ подземельѣ, куда, подкупивши стражу, проникла его возлюбленная, нарѣченная невѣста и гдѣ онъ, въ цѣпяхъ, прощается съ нею предъ ожидавшею его казнью, вызвали у всѣхъ невольныя восклицанія.

Пораженные неслыханнымъ *tour de force*, Лѣнскій и Сапѣга стояли въ безмолвномъ очарованіи. Когда импровизаторъ кончилъ третье дѣйствіе, замѣтно стало, что физическія его силы исчерпываются. Первые Сапѣга и Лѣнскій бросились обнимать Адама и просили его не продолжать и отдохнуть. И они и всѣ мы поняли, что все это было сдѣлано Мицкевичемъ для того, чтобы

предъ Варшавскими гостями показать полѣтъ своего поэтическаго дара. Поэтому-то онъ и требовалъ, чтобы никто другой, а они сами избрали предметъ драмы. Цѣль его была болѣе чѣмъ достигнута: надъ Варшавою, въ лицѣ двухъ ея представителей, Мицкевичъ одержалъ полный триумфъ.

Лѣнскій, болѣе прозаическаго характера или менѣе откровенный, съ жаромъ однакожъ отдавалъ справедливость Мицкевичу; но князь Сапѣга не нахвалилъ словъ для выраженія своего восторга. Онъ повторялъ, что Мицкевичъ безспорно первый поэтъ своего времени, что, до нашего обѣда, онъ, Сапѣга, не имѣлъ понятія о высотѣ, до какой можетъ возвыситься поэтической гений (11).

Соболевскій совершенно правъ, говоря, что Мицкевичъ любилъ Русскихъ. Противъ этой черты его характера за протестовалъ г. Чумиковъ (Рус. Архивъ 1872, стр. 426 и слѣд.), на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ, взятыхъ изъ публичныхъ лекцій о Славянской литературѣ, читанныхъ Мицкевичемъ въ 40-хъ годахъ въ Парижѣ въ Collège de France. Цитата эта ровно ничего не доказываетъ и нисколько не опровергаетъ сказаннаго Соболевскимъ. Да и нельзя не принять въ соображеніе обстоятельство, въ которыхъ это было говорено. Великое большинство его слушателей составляли ожесточенные эмигранты, помѣшанные на извѣстныхъ пунктахъ, съ которыми никакое разсужденіе на этихъ пунктахъ невозможно; тѣ самые эмигранты, которые меня и трехъ другихъ бывшихъ студентовъ Виленскаго университета формально судили, приговорили къ смерти за то, что мы въ 1831 году остались въ Русской службѣ и казнили насъ по портретамъ (in effigie) на Батиньольскомъ полѣ. Еслибы Мицкевичъ передъ такими слушателями заявилъ свои симпатіи къ Россіи и къ Русскимъ: то дѣло съ нимъ вѣроятно не кончилось бы на портретѣ. (12.) И вотъ чего отъ него требовалъ

г. Чумиковъ! Впрочемъ я не буду здѣсь распространяться въ отвѣтъ на статью послѣдняго; его положеніе побѣдительно опровергнуто г. Бергомъ (Рус. Архивъ, 1872, стр. 432.) Его защита Мицкевича такъ умна, что къ ней ничего прибавить нельзя. Г. Бергъ прекрасно понялъ, изучилъ и совершенно справедливо оцѣнилъ любимаго своего поэта. Онъ чрезвычайно метко схватилъ самую суть положенія, опредѣливъ въ Мицкевичѣ какъ бы двѣ личности, дѣйствующія различно подъ влеченіемъ мѣняющихся вліяній. И въ самомъ дѣлѣ, только помощью такого тонкаго анализа и можно объяснить неровности характера и перипетіи такого разнообразнаго, всегда тревожнаго существованія, какимъ была жизнь Мицкевича. Я зналъ именно только Мицкевича-поэта, частнаго человека, Мицкевича небольшого кружка друзей, первую, домашнюю, кабинетную его половину. Въ моемъ Петербургскомъ другѣ „Мицкевичъ-политикъ, публичный человекъ, воинъ“, былъ еще только въ зародышѣ, невидимомъ и для насъ, наиболѣе къ нему приближенныхъ. Да и онъ самъ вѣроятно не сознавалъ въ себѣ этого зародыша и не могъ предвидѣть ничего изъ того, что съ нимъ случилось.

Я не думаю, какъ думаетъ г. Спасовичъ въ своемъ сочиненіи „За много лѣтъ“ (1872), что Мицкевичъ потому уѣхалъ за границу, что его положеніе въ Петербургѣ сдѣлалось неловкимъ, въ слѣдствіе изданія поэмы „Конрадъ Валленродъ“, въ которой наблюдательная власть видѣла будтобы политическія аллюзіи. Я уже сказалъ, что ни сама поэма, ни пять Русскихъ переводовъ, не были запрещены. Мицкевичъ, сколько я знаю, не испыталъ никакой непріятности по случаю этого сочиненія. Гораздо проще полагать, что онъ отправился за границу для того, для чего ѣдетъ туда громадное большинство путешественниковъ. Естественно, что такому человеку какъ Адамъ, хотѣлось видѣть Германію, побывать въ Италіи, взгля-

нуть на Парижъ, на Римъ, и т. п. Въ такомъ смыслѣ онъ съ нами и говорилъ о предстоящемъ вояжѣ. Правда то, что говоритъ г. Спасовичъ, что паспортъ на выѣздъ, который не легко было получить, исходатайствовала ему княгиня Зинаида Волконская, съ которою они въ послѣдствіи съѣхались въ Римъ.

Но я уклонился отъ того, что хотѣлъ сказать по случаю замѣтки г. Чумикова, отрицающей руссофильство Мицкевича. Я, какъ уже сказано, зналъ только Мицкевича-поэта и могу засвидѣтельствовать, что въ этомъ фазисъ своего воплощенія, онъ не только былъ всегда свободенъ отъ неразумнаго ультра-полонизма, недопускающаго ничего хорошаго во всемъ что Русское, а напротивъ отдавалъ Русскимъ справедливость въ томъ, что достойно похвалы; преимущественно же любилъ простой народъ. Онъ считалъ его несравненно болѣе развитымъ, болѣе ко всякому прогрессу способнымъ, чѣмъ простонародіе Литовское. Въ особенности онъ признавалъ въ Русскомъ мужикѣ природную доброту и высоко цѣнилъ ее, какъ евангелическую добродѣтель, весьма рѣдку въ плебей другихъ народностей. Кстати объ этомъ, онъ рассказывалъ мнѣ слѣдующій случай изъ своего пребыванія въ Москвѣ.

Тѣло скончавшагося въ Таганрогѣ въ исходѣ 1825 года Императора Александра I-го должно было слѣдовать въ Петербургъ чрезъ Москву. Вдругъ, за недѣлю до прибытія печальнаго поѣзда, неизвестно откуда расходитсѣ слухъ, что въ день привоза тѣла въ городъ, возникнетъ народное возстаніе и рѣзня, которой жертвами сдѣлаются всѣ домовладыльцы, дворяне и чиновники. Слухъ этотъ на столько утвердился, что произвелъ всеобщую панику; въ городѣ ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о предстоящей катастрофѣ; кто только могъ, уѣзжалъ изъ Москвы. Власть дѣлала что могла для успокоенія жителей; все было напрасно.

Мицкевичъ не вѣрилъ слуху и держалъ даже пари, что ничего такого не будетъ. Онъ жилъ близко отъ одной кондитерской и ходилъ туда пить кофе. Наканунъ дня, въ который должно было быть привезено тѣло Государя, Мицкевичъ, по обыкновенію, сидѣлъ у окошка въ своей кондитерской и читалъ газету. Были тутъ Малевскій, Соболевскій и еще кое-кто изъ ихъ дружка. Мицкевичъ, слышавши шумъ на улицѣ, посмотрѣлъ въ окно и вдругъ закричалъ: „господа, скорѣй, скорѣй ко мнѣ!“ Всѣ бросились смотрѣть, и что же, видятъ, какъ будочникъ гонить предъ собою, вѣроятно въ полицію, двухъ дюжихъ мужиковъ съ топорами за спиной. Блюститель порядка плѣнниковъ своихъ погонялъ галебардою, а тѣ, безропотно покоряясь, и не думали противиться или защищаться. „Вотъ, господа, сказалъ Мицкевичъ, всѣ говорятъ о какой-то рѣзнѣ. Но повѣрьте, до тѣхъ поръ, пока уважается власть, выражаемая даже въ самомъ низшемъ своемъ представителѣ, намъ нечего бояться. Я предлагаю двойной закладъ, что завтра ничего не будетъ“. И дѣйствительно ничего не было.

Когда Мицкевичъ мнѣ это рассказывалъ какъ примѣръ доброты Русскаго простолюдина, то онъ прибавилъ: „Можно бы подумать, что это малодушіе, рабство; вовсе нѣтъ. Мужики очень хорошо чувствовали, что они сильнѣе городского стража; но онъ для нихъ *начальство*. И вотъ народъ, который такъ инстинктивно уважаетъ власть, и, покоряясь ей, забываетъ о собственной силѣ — великій народъ. Онъ не даетъ себѣ въ этомъ яснаго отчета, поступаетъ, положимъ, безсознательно; но все таки видно, что чувство это въ немъ есть, хотя и въ состояніи инкубации. Дай этому народу умную и добрую власть, и она съ нимъ совершитъ чудеса. Въ другихъ странахъ напрасно было бы искать чего нибудь подобнаго; всякая другая *plebs* не признаетъ ничего, кромѣ грубой силы; и когда сила на ея сторонѣ, то она употребляетъ ее противъ власти

и противъ закона. Истинная сила не въ матеріи, а въ духѣ, въ идеѣ. Поэтому-то Русскій народъ и сильнѣе всякаго другого, что индивидуальныя силы сосредоточиваются у него въ одну идею и дѣйствуютъ конкретно“.

Гербъ Мицкевича назывался Порой (Rogoj). Это бѣлая роза (однѣ цвѣтъ безъ стебля) въ красномъ полѣ. Извѣстно, что въ Польской геральдикѣ каждый гербъ имѣетъ свое названіе, и его можно считать настоящею фамиліею рода. Въ древнее время дворяне и назывались по гербамъ, напр. Потоцкіе Пилявитами, Замоискіе Елпчиками, Осолінскіе, Тенчинскіе Топорчиками. Но когда лица, имѣвшія однѣ гербы, разродились до того, что стало неудобнымъ носить всѣмъ одно названіе: то начали именовать отъ помѣстій и даже отъ мѣстностей. И такъ Пилявиты назвались, отъ помѣстья Золотой Потокъ, Потоцкими; Елпчики, отъ города Замостья, Замоискими; однѣ Топорчики Тенчинскими, другіе Осолінскими, и т. п. Кромѣ названія гербовъ, большей части Польскихъ дворянскихъ родовъ присвоены еще такъ называемые *придомки*. Такой придомокъ фамиліи Мицкевичей: *Рымвидъ*. Первые свои литературные опыты, критическія статьи, помѣщаемыя въ Виленскомъ Денникѣ (*Dziennik Wileński*) 1817 года и слѣд. Адамъ подписывалъ этимъ придомкомъ. Въ поэтической его повѣсти „Гражина“ есть также Рымвидъ, лице играющее важную роль.

Первые мѣсяцы 1829 года прошли въ приготовленіяхъ къ отъѣзду Адама за границу. Объ этомъ путешествіи мало кому изъ знакомыхъ Мицкевича было извѣстно; онъ хотѣлъ уѣхать не простившись ни съ кѣмъ, кромѣ самыхъ короткихъ друзей, да и тѣхъ просилъ не провожать его.

По отъѣздѣ Мицкевича, я съ нимъ пзрѣдка переписывался; последнее письмо отъ него я получилъ изъ Рима въ 1830 году. Онъ между прочимъ писалъ, что хотѣлъ было написать что нибудь изъ

своихъ первыхъ впечатлѣній при видѣ „Вѣчнаго города“, но что Байронъ, съ своимъ Чайльдъ-Гарольдомъ, какъ Гораци Кокль (Byron, zavalidroga) сталъ ему поперекъ моста на Тибрѣ. Вотъ еще одна черта того благоговѣнія передъ Байрономъ, въ которомъ его упрекаетъ Баратынский.

Въ Римѣ Мицкевичъ, какъ уже сказано, сѣхался съ своею Московскою знакомою, княгинею Зинаидой Волконской и нѣкоторыми тамошними же друзьями, именно съ Соболевскимъ, также съ путешествовавшими личностями изъ западныхъ губерній. Съ графомъ Генрихомъ Ржевускимъ они были почти неразлучны. Г. Осипъ Пржецлавскій въ замѣткѣ своей на статьи г. Берга (помѣщенной въ Архивѣ 1872 г.,) разсказалъ о вліяніи Мицкевича на графа, слѣдствіемъ котораго было развитіе въ послѣднемъ авторскаго таланта.

Въ религіозномъ отношеніи, Мицкевичъ, какъ я зналъ его въ Петербургѣ, былъ такой, какъ почти все молодое поколѣніе того времени. Онъ далеко не былъ атеистъ, ни энциклопедистъ, но находился подъ вліяніемъ господовавшаго въ тотъ періодъ индифферентизма, противъ котораго такъ краснорѣчиво возставаплъ Ламене. Только когда онъ познакомился съ извѣстнымъ живописцемъ Олешкевичемъ *), то перенялъ отъ него нѣкоторыя религіозныя теоріи, не принадлежалъ однакожъ къ числу его усердныхъ учениковъ. Не знаю, какъ подѣйствовало на Мицкевича въ религіозномъ отношеніи его пребываніе въ Римѣ, но кажется оно не сдѣлало изъ него правовѣрнаго католика, судя по тому, какъ онъ, свидѣвшись въ Парижѣ съ извѣстнымъ сектаторомъ Товянскимъ, легко поддался его лжеученію. Одна только чрезвычайно поэтическая и мечтательная организація можетъ до нѣкоторой степени объяснить и извинить заблужденія его въ такъ называемомъ мессіаниззмѣ.

*) Объ немъ будетъ упомянуто подробнѣе въ одной изъ главъ „Калейдоскопа.“

Дальнѣйшая жизнь Мицкевича и его дѣятельность не могутъ быть предметомъ настоящихъ воспоминаній. Мои съ нимъ сношенія со времени отъѣзда его въ Парижъ совершенно прекратились, и я зналъ объ немъ только то, что знали и всѣ, изъ его сочиненій, издаваемыхъ въ Парижѣ и изъ современныхъ журналовъ. Впрочемъ есть полная его біографія, написанная сыномъ его Владиславомъ.

Ципринусъ.

27 Іюня 1872 года.

Примѣчанія къ главамъ о Мицкевичѣ.

(I) Тѣсная дружба между ними продолжалась всю ихъ жизнь, считая со школьной скамьи. Они вмѣстѣ, по Виленскому студеческому дѣлу, были посланы сперва въ Петербургъ, потомъ въ Москву на службу. По разрѣшеніи имъ окончательно пріѣзда въ Петербургъ въ 1828 году, они жили вмѣстѣ, до самаго отъѣзда Мицкевича за границу.

Малевскій (род. въ 1800, ум. въ 1870 г.) знаменитый юристъ, по полученіи въ Вильнѣ степени магистра правъ, оканчивалъ еще свое юридическое образованіе въ Берлинскомъ университетѣ, когда внезапно былъ вытребованъ для Виленскаго дѣла. (см. мои Воспоминанія о Новосильцевѣ). Вскорѣ по пріѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ, онъ, при Сперанскомъ, поступилъ на службу во II-е Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи и прослужилъ тамъ до своей кончины, послѣдовавшей въ Апрельѣ 1870 года. Болѣе 20 лѣтъ онъ состоялъ старшимъ чиновникомъ означенной канцеляріи. Главные начальники этой части очень цѣнили его обширныя свѣдѣнія и рѣдкія способности. Около десяти лѣтъ онъ пробывъ въ чинѣ тайнаго совѣтника, но всегда отказывался отъ предлагаемаго ему званія сенатора.

Это былъ человѣкъ непоколебимой твердости въ правилахъ чести и безкорыстія. Послѣ отпа, бывшаго ректоромъ Виленскаго Университета, ему, съ двумя се-

страми, доводилось довольно значительное состояніе; онъ взялъ изъ него очень небольшое, а отъ остальнаго отказался въ пользу сестеръ. Но и съ тѣми средствами, которые ему оставались, онъ дѣлалъ много добра, ведя посреди столицы жизнь самую скромную и почти уединенную.

Малевскій и Мицкевичъ были женаты на двухъ родныхъ сестрахъ, урожденныхъ Шимановскихъ. Малевскій оставилъ трехъ сыновей; всѣ они состоятъ въ государственной службѣ. Дочь его Марья, въ шестидесятихъ годахъ, вышла въ Парижѣ замужъ за двоюроднаго брата своего Владислава Адамовича Мицкевича, Французскаго подданнаго, родившагося во время эмиграціи отца.

Владиславъ Мицкевичъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Хоецкимъ и другими выходцами или сынами Польскихъ выходцовъ, пользовался покровительствомъ принца Наполеона. Онъ участвовалъ въ редакціи „Opinion Nationale,“ и написалъ біографію отца.

Въ числѣ самыхъ первыхъ стихотвореній Адама Мицкевича, есть одно, посвященное Малевскому; это „Warsaby, do Franciszka“. (Игра въ шашки, къ Франциску.)

Въ изданномъ въ 1872 году сборникѣ разныхъ сочиненій г. Спасовича: „За много лѣтъ“ (а ихъ всего 12, т. е. 1859 — 1871) помѣщенное и „Очеркъ исторіи Польской литературы“. Въ немъ есть много подробностей о Мицкевичѣ, и данныя эти вообще вѣрны, *кромя одной*, гдѣ авторъ сдѣлалъ матеріальную ошибку. На стр. 293 г. Спасовичъ говоритъ о Мицкевичѣ: „Здѣсь (въ Петербургѣ) онъ познакомился съ семействомъ знаменитой пианистки Маріи Шимановской, на дочери которой, Селинѣ, *въ то время* (1828 г.) *еще малютка*, онъ и женился пятнадцать лѣтъ спустя“.

Это не такъ; когда Мицкевичъ бывалъ у Шимановской, m-lle Céline, была уже не малютка, а взрослая, и даже *рослая* дѣвица. Она вышла въ свѣтъ, бывала на вечерахъ и балахъ, и какъ ни

трудно опредѣлить съ точностью число лѣтъ дѣвицы-невѣсты, но вѣрно то, что Целинѣ Шимановской было тогда не менѣе 17-ти лѣтъ. Я это положительно знаю. Шимановская часто бывала съ дочерьми у меня въ домѣ; она давала уроки моимъ падчерицамъ.

(2) Я такъ пишу это имя, а не *Венедиктъ* потому, что послѣднее-явная ошибка отъ непониманія этимологіи Benedictus, есть имя составленное изъ двухъ словъ не Греческихъ, а чисто Латинскихъ: *bene* и *dictus* и значитъ благословенный. Если писать Венедиктъ, то, чтобы быть вполнѣ послѣдовательнымъ, нужно бы такимъ же образомъ передѣлывать и всѣ собственные имена тогожъ происхожденія, и писать Вонапарте, а не Бонапарте: этимологія ихъ одинакова.

Тоже самое должно сказать и о другихъ собственныхъ именахъ Латинскаго происхожденія, которые пишутся ошибочно порусски съ Греческимъ произношеніемъ, съ чуждою Латинскому языку буквою К. таковы: Маврикій, Викентій (отчего уже не Винцентій?) Келестинъ, Маркеллій и другія. Слѣдовало бы, сохраняя въ нихъ Русскую форму окончанія, писать: Маврицій, Винцентій, Целестинъ, Марцеллій и т. п.

Тредьяковскій и его современники писали *Кикеронъ*; теперь, вѣроятно по соображенію, что это имя Римлянина, пропиходитъ отъ Латинскаго *Cicero* (чечевца) и дано ему въ насмѣшку, по бородавкѣ на носу (какъ и современному дѣятелю въ послѣдней Неаполитанской революціи Cicerovasschio,) мы пишемъ Цицеронъ. Почему бы, исправивъ одну ошибку, не распространить того же соображенія и на всѣ остальные?

Пора, пора, очищать языкъ отъ такихъ и имъ подобныхъ осадковъ древней безграмотности. Заблужденіе, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, должно быть искореняемо безпощадно. Оно не подходитъ подъ законъ о земской давности, и истина эта выражена въ словицѣ всѣхъ народовъ: „лучше поздно, чѣмъ никогда.“

(3.) Кроме помѣщенныхъ въ текстѣ, вотъ еще нѣкоторыя подробности о Сеньковскомъ.

По прїѣздѣ изъ восточнаго путешествія въ Петербургъ, онъ былъ опредѣленъ профессоромъ восточныхъ языковъ въ тамошнемъ университетѣ. Это было въ двадцатыхъ годахъ, когда вообще мало было слушателей университетскихъ лекцій, на курсѣ же Сеньковского не было *ни одного*. Есть преданіе, что для того, чтобы не упразднили его кафедръ, профессоръ, по дешевымъ цѣнамъ, нанималъ себѣ трехъ или четырехъ слушателей, да еще лакею своему приказалъ исправно посѣщать аудиторию. Со временемъ однакожъ число студентовъ возросло до десяти и болѣе.

Въ Петербургѣ уже, онъ развелся съ женою, съ которою вступилъ въ бракъ еще въ Вильнѣ, бывши студентомъ. Для этой размолвки онъ имѣлъ уважительныя причины. Тоже преданіе гласитъ, что эта жена бивала мужа, и были очевидцы, утверждавшіе, что однажды, всепублично, на Невскомъ проспектѣ, она совершила одну изъ такихъ операцій помощью зонтика.

Вскорѣ послѣ развода, Сеньковскій женился вторично на одной изъ дочерей нѣкогда славившагося богатствомъ, но разорившагося Петербургскаго банкира барона Раля, Аделаидѣ. Старшая ея сестра была уже за мужемъ за генералъ-квартирмейстеромъ Шубертомъ; младшая, въ послѣдствіи вышла за архитектора Брюлова, брата извѣстнаго живописца. Этотъ бракъ ввелъ Сеньковского въ котерію Петербургскихъ Нѣмцовъ высшаго разряда, и онъ постоянно уже принадлежалъ къ этой котеріи.

Мадамъ Аделаида была очень не красива и, по странной игрѣ природы, чрезвычайно похожа на своего супруга, *mutatis mutandis*. И такъ у него лицо было сально-желтаго, а у нея красно-желтаго цвѣта; у нея глаза черные, какъ ночь, а у него какого-то блѣдно-бутылочнаго оттѣнка, и взглядъ его имѣлъ что-то очень непріятное, но чер-

ты лица у жены и у мужа были тоже-ственные. Словомъ, это была пара, которою любовался бы Дарвинъ: она такъ живо осуществляла проповѣдуемый имъ подборъ, только отрицательно. Вотъ фактъ, показывающій, что это не мое личное, а общественное сужденіе. Разъ, въ одномъ поѣздѣ я прїѣхалъ въ Павловскъ съ Сеньковскимъ. Когда они съ женою, встрѣчавшею его на платформѣ, нѣжно обнимались, кто-то изъ заднихъ вагоновъ громко воскликнулъ: „господа, посмотрите, какъ лѣшій съ домовымъ палуются!“ Платформа огласилась общимъ хохотомъ, одобрившимъ смѣлую метафору незнакомаго.

Сеньковскій былъ снѣдаемъ страшнымъ честолюбіемъ и жаждою блестящей карьеры. Онъ стремился къ этой цѣли всякими правдами и неправдами. Свою кафедру онъ считалъ только ступенью къ достиженію высшаго служебнаго положенія. Онъ, какъ случалось ему и проговариваться, хотѣлъ быть первымъ драгоманомъ при Турецкомъ посольствѣ, а тамъ, пожалуй, со временемъ онъ бы принялъ постъ повѣреннаго въ дѣлахъ, хотя бы и посланника. Онъ дѣлалъ, что могъ, чтобы обратить на себя вниманіе. Въ Турецкую кампанію, окончившуюся Андрианопольскимъ миромъ, онъ составилъ Турецко-русскій учебникъ и пожертвовалъ его въ пользу арміи. Въ крайнемъ случаѣ онъ удовольствовался бы мѣстомъ директора Азіятскаго департамента и даже начальника института восточныхъ языковъ. Но какъ-то ничего ему не удавалось. Отъ министерства народнаго просвѣщенія онъ былъ командированъ на визитацію училищъ въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ. Оттуда онъ рапортовалъ, что все найдено имъ въ наихудшемъ положеніи и предлагалъ коренныя преобразованія. Но и тутъ пересолить. Во время своего объѣзда, онъ, изъ одного узднаго города, прислалъ астафету въ собственные руки министру Шишкову, со включеніемъ отобранныхъ отъ учениковъ какихъ-то стишковъ, гдѣ смѣя-

лись надъ слѣдствіемъ производимымъ Новосильцевымъ надъ студентами въ Вильнѣ. На эту депешу Сенковский много рассчитывалъ; но онъ получилъ отъ министра выговоръ за то, что утруждаетъ начальство бездѣльцами и былъ отозванъ въ Петербургъ.

Слышно было въ свое время, что Сенковский подавалъ кому слѣдовало разныя мысли, очень важныя въ правительственномъ отношеніи; но ихъ присвоили себѣ другіе, дали имъ большее развитіе и примѣненіе, творцу же своему мысли эти не принесли никакой ошутительной пользы.

Сенковский, разочарованный, озлобленный постоянными неудачами, испытывавшій на себѣ *Virgilio* „*sic vos popovobis*“, оставилъ наконецъ свои честолюбивыя затѣи и всецѣло бросился въ Русскую литературу. Онъ прекрасно сдѣлалъ: послѣдствія показали, что такое было истинное его призваніе¹⁾. На этомъ поприщѣ онъ нашелъ для себя благодарность, который напрасно искалъ въ другихъ сферахъ дѣятельности. Всѣмъ извѣстны успѣхи его Русскихъ сочиненій, и особенно процвѣтавшей подъ его редакціею „Библиотеки для Чтенія“²⁾. Тамъ онъ воевалъ противъ *сей*

¹⁾ Читатели наши чувствуютъ всю оскорбительность этого замѣчанія и припомнятъ статью кн. В. О. Одоевскаго о значеніи Сенковского и Булгарина въ Русской печати (Р. Арх. 1864, изд. 2-е, стр. 1015). Со временемъ исторія не оставитъ безъ упрека представителей тогдашней нашей словесности за то, что они допустили разныхъ проходивцевъ распоряжаться судьбами Русскаго печатнаго слова, и помянетъ съ благодарностью о противодѣйствіи, которое хотя отчасти оказывалъ баронъ Дельвигъ своею Литературною Газетою и позднѣе Пушкинъ Современникомъ; но перваго изъ нихъ погубилъ грѣхъ Бенкендорфа, а втораго — пуля проходивца-Француза. П. Б.

²⁾ Странное заглавіе, какъ будто бы могла быть Библиотека не для чтенія. Когда я подписывался надъ этимъ, то Сенковский объяснилъ, что заглавіе взято отъ Русскаго названія *Cabinet de lecture* содержимаго Смирдинымъ, издателемъ его журнала и что Смирдинъ настаивалъ на сохраненіи этого названія.

и *онимъ*, вообще противъ педантизма и другихъ ложныхъ идей, сдѣлался чуть ли не диктаторомъ въ современномъ критицизмѣ и вымещалъ накипѣвшую въ немъ злобу на вторгавшіяся въ литературу посредственности.

Сенковский считалъ себя обиженнымъ въ своей служебной карьерѣ, именно по нерасположенію къ нему министра нар. просвѣщенія графа Уварова. И въ самомъ дѣлѣ, за все время его профессорства ему не было дано ни одного знака отличія, а чина статскаго совѣтника онъ дожился, получая всѣ предѣльные чины за выслугу лѣтъ.

Но Сенковский былъ не такой человекъ, чтобы терпѣливо сносить обиды. Накопившуюся въ немъ желчь онъ излилъ заразъ, въ день оставленія службы, по выслуженіи эмеритальной профессорской пенсіи. На прощаніе съ университетомъ, онъ сыгралъ съ нимъ дерзкую шутку и жестоко посмѣялся надъ этой ученою корпораціей.

Въ одинъ изъ 50-хъ годовъ назначенъ былъ въ университетѣ торжественный актъ для закрытія учебнаго года предъ каникулами. На такихъ актахъ, кромѣ отчета, читаются профессорами какіе вибудъ ученые труды. На этотъ разъ объявлена была прощальная диссертація профессора Сенковского: „О древности имени Русскаго“. Собрались много почетныхъ лицъ, въ томъ числѣ были министръ нар. просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ, одинъ изъ архіереевъ, попечитель учебнаго округа, члены Академіи Наукъ, и два или три сенатора; извѣстные въ то время писатели и ученые были также въ полномъ комплектѣ. Ректоръ и всѣ профессора въ парадныхъ мундирахъ. Собораніе происходило въ большой университетской залѣ, сама эта зала и даже хоры были полны.

По прочтеніи отчета, у пюпитра, предъ рядами креселъ, сталъ какой-то господинъ, Нѣмецъ, и заявилъ, что онъ адъюнктъ профессора Сенковского, что послѣдній нездоровъ и диссертацію свою

поручилъ прочитать ему. Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, такъ какъ Сенковский былъ въ то время еще въ полномъ блескѣ своей писательской славы.

Съ первыхъ страницъ было видно, что положенія свои авторъ основываетъ на этимологіи собственныхъ именъ, названій странъ, городовъ, рѣкъ и самыхъ народовъ. Но этимологіи эти были до крайности натянуты и эксцентричны. Всѣ удивлялись этому, помня, какъ часто Сенковский, въ своей „Библиотекѣ“ издѣвался надъ неудачными словопроизводными опытами и даже надъ этимологіею вообще.

Все же это, только какъ предлюдія, вело къ тому заключенію, что Славянская нація, и въ главѣ ея Русское племя, есть первенствующее между народами, какъ самое древнее; что вся Европа и большая часть Азіи, въ отдаленной древности, была Скиѣская, главнымъ же изъ племенъ Скиѣскихъ есть Славяне, у древнихъ прозванные *Скивами-хвастунами* потому, что съ незапамятныхъ временъ привыкли превозносить и славить сами себя. Что касается собственно имени Русскаго, то по словамъ автора, рукописи, заключающія самыя убѣдительныя доводы древности этого имени, находятся въ Испаніи и заперты въ одной башнѣ извѣстнаго Мавританскаго дворца, *Альмобры*, куда авторъ и посылаетъ желающихъ повѣрить его сказаніе (!).

Неменѣ странные выводы дѣлалъ авторъ изъ аналогій слова *Скальдъ*, (Скандинавскій бардъ). Онъ отнесъ его къ корню *Скіольдъ*, изъ котораго Нѣмецкое *Шильдъ*, то есть щитъ, а какъ *щитъ* есть почти *скитъ*, то отъ послѣдняго до названія *Скиѣвъ*, или Славянинъ, уже только разстояніе на одну букву. Изъ этого заключеніе, что и Скандинавы были Славяне, а саги (пѣсни ихъ Скальдовъ) были поэмы, прямо или косвенно относящіяся къ исторіи Славянъ, и стоить только умѣть высмотрѣть въ обоихъ языкахъ натуральное сродство и опредѣлить законы обоюдныхъ от-

ступленій и измѣненій звуковъ, чтобы помощью Славянскаго языка понимать и даже комментировать Скандинавскія саги, и на оборотъ. (Впрочемъ, я въ этотъ только одинъ разъ слышалъ знаменитое это разсужденіе; оно никогда не было напечатано, и я забываю много очень курьезныхъ выводовъ и развитій главнаго положенія).

Однакожъ, до этихъ поръ всѣ слушали терпѣливо, удивляясь лишь странности и необыкновенной смѣлости выводовъ; только нѣкоторымъ ближе знавшимъ Сенковского, съ самаго начала чтенія, чувствовалась уже горькая прозня и дѣлалось яснымъ, что онъ, по тривіальному, но энергичному выраженію, *дурачитъ* почтенное собраніе. Мы съ К. М. Малковскимъ (теперь сенаторъ) стояли у одной колонны залы и въ главныхъ мѣстахъ выходокъ автора давали себѣ знаки, на силу удерживаясь отъ смѣху.

Но когда адъюнктъ, читая съ невозмутимою Германскою флегмою, перешелъ къ тому мѣсту, гдѣ авторъ утверждаетъ, что вся древняя исторія есть не иное что, какъ Хроника Славянскаго племени, и что лѣтописцы перепутали только географическія данныя и названія мѣстностей; когда сказалъ, что кампаніи Кира происходили въ Бѣлоруссіи и главное сраженіе выиграно имъ близъ города Орши, что подтверждается кромѣ другихъ этимологическихъ доводовъ тѣмъ, что и Наполеонъ въ 1812 году признавалъ Оршу важнымъ стратегическимъ пунктомъ; когда это было прочитано, то уже удержаться далѣе отъ смѣху стало невозможно. Первый, припадкомъ гомерическаго хохота, разразился сидѣвшій важно за столомъ университетскаго совѣта профессоръ и деканъ Игн. Іоакимъ Ивановичъ, а за нимъ грянулъ и всеобщій смѣхъ, отъ котораго зазвенѣли даже окна залы.

Первый всталъ съ мѣста министръ нар. просвѣщенія, за нимъ поспѣшили удалиться архіерей и другія почетныя лица, между тѣмъ какъ Нѣмецъ, совѣ-

стливо выполняя свой долгъ, дочитывалъ до конца свою тетрадь, хотя никто не могъ уже слышать ни слова. Между собраниемъ пошли толки и разсужденія; одни говорили, что за такую кровную обиду, учиненную пѣлому ученому сословію, слѣдуетъ автора примѣрно наказать; другіе напротивъ утверждали, что это невозможно, потому что невозможно уличить автора въ умышленной мистификаціи, въ томъ, что онъ и самъ не убѣжденъ, что Киръ сражался подъ Оршой. Кончилось тѣмъ, „что диссертация“ о древности имени Русскаго не была напечатана (какъ это всегда дѣлалось) въ отчетъ объ университетскомъ актѣ. Авторъ хотѣлъ помѣстить ее въ своей „Библіотекѣ для Чтенія“, но ценсура не пустила.

Такъ Осипъ Ивановичъ Сенковскій простился навсегдѣ съ Петербургскимъ университетомъ, въ которомъ прослужилъ 30 лѣтъ.

(4) Бобръ-Піотровицкій, гвардейскій офицеръ, личность замѣчательная, какъ истый „рыцарь безъ страха и упрека“. Онъ былъ не только отъявленный врагъ, но дѣятельный гонитель всего, что хотя походило на нечестность. Онъ, подъ собственною отвѣтственностью, обличалъ необинуяся всякаго, попавшагося ему на дѣлѣ Загорѣцкаго или Кречинскаго, кто бы онъ ни былъ и гдѣ бы это ни случилось. Приведу здѣсь два его подвига въ этомъ родѣ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ.

Первый разъ, это было на одномъ изъ воскресныхъ раутовъ, въ 1827 году, у Александра Семеновича Шишкова, правильнѣе у его супруги. Играли на вѣсколькихъ столикахъ. Князь Борисъ Юсуповъ игралъ въ двоимъ въ такъ называемыя *палки*, или *тентере*, по дорогой цѣнѣ, и много проигрывалъ. Партнеръ его былъ одна изъ тѣхъ темныхъ личностей, которыя неизвѣстно какъ успѣваютъ втереться въ свѣтскіе салоны. У Шишкова собиралось человѣка три или четыре такихъ господъ, и они безсовѣстно обыгрывали старика; онъ,

не смотря на предостереженія жены и другихъ, продолжалъ играть съ ними, страстно любя игру въ вистъ.

Бобръ въ этотъ вечеръ не игралъ, но подходилъ къ столикамъ. Когда онъ подошелъ къ Юсупову, послѣдній, жалующься на свою дурную *вену*, попросилъ присѣсть къ нему на счастье. Тутъ, послѣ двухъ трехъ сдачъ, Бобръ замѣтилъ продѣлку мошенника-партнера.

Она была самая незамысловатая и потому самая удачная, состояла же въ томъ, что шулеръ изъ своей колоды пряталъ двѣ карты, и всякій разъ, когда самъ вздавалъ, присчитывалъ ихъ себѣ. Такимъ образомъ, при равныхъ даже шансахъ самой игры, онъ, въ двѣнадцать королей, имѣлъ на своей сторонѣ громадный перевѣсъ. Юсуповъ считалъ только свои карты, и въ нихъ естественно находилъ всегда дефицитъ. Но Бобръ сосчиталъ наглядно карты, набираемыя партнеромъ и съ картами Юсупова, всѣхъ выходило двумя менѣе, то есть 50, а двѣ недостающія партнеръ считалъ для себя. Послѣ трехъ разъ, увѣрившись въ подлогъ, Бобръ всталъ и, обращаясь къ Юсупову, сказалъ: „Напрасно жалуетесь, князь, что вы въ проигрышѣ, вы ровно ничего не сдѣлали. „Какъ такъ?“ вскричалъ князь. — „А вотъ какъ!“ Тутъ Бобръ взялъ шетку и стеръ всѣ счеты. Огороченный партнеръ хотѣлъ протестовать, но Бобръ съ грозною миною сказалъ: „Молчите, м. г., я, во время игры сосчиталъ ваши карты; вы меня понимаете. Совѣтую вамъ по добру по здорову убираться отсюда, а то я позову людей; совѣтую вамъ также ни здѣсь, да и нигдѣ не показываться мнѣ на глаза“. Шулеръ поспѣшно ушелъ. Князь Борисъ, не отличавшійся математическимъ соображеніемъ, только удивлялся храбрости Бобра, ничего не понимая. Когда же наконецъ смекнулъ въ чемъ дѣло, то обнявши Бобра съ чувствомъ благодарилъ. «Вообразите, сказалъ онъ, этотъ негодяй (я имени его не знаю), зная, что я только въ палки играю, два уже года слѣдитъ повсюду за

мною и вѣчно обыгрываетъ». Бобръ разсказалъ о случаѣ самой Шишковой, и она приказала людямъ не выпускать въ домъ уличнаго шулера.

Другой *казусъ* съ Бобромъ случился у него въ домѣ, и уже не съ темною личностью, а съ субъектомъ высшаго общества и очень ему близкимъ, хотя и не по родству. Тутъ я уже былъ не только свидѣтелемъ, но и дѣйствующимъ лицомъ. Мы обѣдали у Бобра, человѣкъ пять изъ нашего играющаго кружка. Были Туркулъ, Шеміотъ, я и мало кому изъ насъ знакомый гость. Бобръ послѣ обѣда предложилъ партію въ квинтичъ (*quinze, quindici*), а какъ день былъ жаркій, то хозяинъ попросилъ снять скюртки; всѣ такъ и сдѣлали, только упомянутый гость остался въ скюрткѣ съ широкими рукавами.

Въ квинтичъ, какъ извѣстно, самый высокій нумеръ есть 15 очковъ; фигуры, какъ и десятки, считаются по 10; поэтому кто имѣлъ бы всегда въ своемъ распоряженіи пятерки или десятки, тотъ долженъ выиграть на вѣрное.

Мы всѣ безъ-скюртковые проигрывали постоянно, а скюртку также постоянно выигрывалъ: всякій разъ когда у него была пятерка, то неминуемо онъ давалъ себѣ фигуру. На Туркула, какъ обыкновенно, была уже записана почтенная цифра, да и я грѣшный спускалъ уже вторую сотню. Счастіе гостя было удивительно!

Было уже половина осьмаго, и мы взяли было ложу въ Италіанскую оперу. Но намъ было не до оперы: мы все болѣе и болѣе проигрывались. Только вдругъ Бобръ вскакиваетъ съ своего стула, желѣзною десницею (онъ былъ необыкновенно силенъ), схватываетъ гостя въ скюртку за руку и изъ рукава его, въ виду всѣхъ насъ, вытряхиваетъ шесть или семь приготовленныхъ тамъ десятиокъ и фигуръ. Затѣмъ, повторяя операцію сдѣланную въ пользу князя Юсупова, беретъ щетку и стираетъ всѣ записки. „Господа, мы всѣ сыграли ни въ чью, и пора въ оперу“, сказалъ онъ

хладнокровно: „даютъ Семирамиду, и моя Бартолючки (она дѣйствительно была его) поетъ Адзему. Расчитываю на ваши браво“. Когда мы одѣвались, а злополучный великосвѣтскій *мазурикъ* *) ускользалъ непростаясь, нашъ амфитріонъ сказалъ: „Прошу васъ, чтобы сегодншій случай остался между нами. Вы знаете меня, я негодяямъ не спускаю; но на этотъ разъ, войдите въ мое положеніе..... Да оно и не личное мое положеніе“..... Мы эту просьбу исполнили и со временемъ, нашъ любитель фигуръ, сильно покровительствуемый, достигъ высокаго служебнаго положенія; однакожъ, въ 1871 году, кончилъ хотя и случайно, но дурно и теперь раздѣзжаетъ по Европѣ.

(5.) Изъ этого кружка Туркулъ умеръ въ Варшавѣ въ 1857 году министромъ статсъ-секретаремъ Царства Польскаго, дѣйст. тайн. совѣтникомъ, членомъ Госуд. Совѣта и Комитета Министровъ; камеръ-юнкеры Линовскій и Шеміотъ, въ 1831 году, присоединились къ Польскому мятежу и находятся въ эмиграціи; Собальскій, кажется за покушеніе устроить побѣгъ изъ Петербургской крѣпости государственнаго преступника графа Мошинскаго, былъ заключенъ въ какую-то крѣпость въ Сибири, и умеръ сумасшедшимъ; Валеvскій, Завадовскій, Бобръ и Рудловскій умерли.

(6.) Графъ Александръ Валеvскій былъ признаннымъ сыномъ Наполеона 1-го и

*) Слово взятое изъ *аргота* (*argot*) Петербургскихъ мошенниковъ и вошедшее въ общее употребленіе у простаго народа. Мы позволили себѣ это потому, что одно оно выражаетъ всѣ роды мошенничества, олицетворяемая Французами въ ихъ *Robert-Masaiге*. Французскіе лингвисты занимаются теперь изслѣдованіемъ *арго* и получили очень интересные результаты. Корень слова *мазурикъ* это *мазэ*, что значитъ вообще воръ; *мазэ*, это такъ сказать воровское сословіе, Французское *la pègre*; *Клѣвый Мазэ* въ Русскомъ арготѣ, воровская знаменитость. Фр. *Pègre de la haute*, способный при случаѣ возвыситься на степень убійцы, Фр. *escarpe*, и т. д. (См. *Mémoires de Vidocq, Mém. de Canler, Петерб. Трущобы.*)

красавицы и аристократки Варшавской, болѣе еще извѣстной по своему уму, графиня Валевской. Одна изъ остротъ ея принадлежитъ исторіи. Наполеонъ, прибывшій въ 1812 году въ Варшаву, съ огромной коалиціонной арміей, созвалъ Польскій сеймъ, но на адресъ этого сейма о возстановленіи Польши отвѣчалъ уклончиво и ничего не сдѣлалъ кромѣ учрежденія ничтожнаго Княжества Варшавскаго, да и его-то подарилъ королю Саксонскому. Это въ Полякахъ возбудило общее негодованіе.

На одномъ балѣ, данномъ для императора Французовъ, графиня разговаривала съ извѣстнымъ Наполеоновскимъ дипломатомъ архіепископомъ де-Прадтомъ (de Pradt) и изъявляла предъ нимъ удивленіе, почему Наполеонъ, въ то время всемогущій, не возстановляетъ Польскаго королевства. Прадтъ на это сказалъ, довольно неучтиво, что не легко было бы найти между Поляками способнаго быть королемъ. Графиня отвѣчала: „О, если въ этомъ только затрудненіе, то его легко устранить. Когда уже у насъ не найдется никого для занятія трона, то мы сдѣлаемъ какъ сдѣлали вы, господа Французы: мы пошлемъ поискать себѣ монарха на островъ Корсику“.

Какъ утверждаютъ современники, графиня Валевская была единственная женщина, которую, послѣ Жозефины, Наполеонъ любилъ истинно и даже страстно. Она послѣдовала за нимъ сперва въ Дрезденъ, а потомъ въ Парижъ. Связь эта продолжалась до окончательнаго паденія императора Французовъ. Сыну своему отъ Валевской, Александру, онъ оставилъ четыре миліона франковъ.

Лѣтомъ 1828 года графъ Александръ пріѣхалъ въ Петербургъ для полученія паспорта на выѣздъ во Францію и, какъ подданный Царства Польскаго, обратился за этимъ къ тогдашнему министру статъ-секретарю царства, генералу графу Грабовскому, но не сказалъ, что, по настоянію Великаго Князя Константина Павловича, Варшавскія власти отказали ему въ выдачѣ паспорта; какіе были къ то-

му мотивы, неизвѣстно; въ Петербургъ же онъ прибылъ тайно отъ Великаго Князя.

Грабовскій, по внушенію директора своей канцеляріи Туркула, пріятеля Валевскаго, отнесся къ военному генералъ-губернатору о выдачѣ паспорта. Для формальностей потребовалось около 10 дней, и это время Валевскій провелъ въ упомянутомъ нашемъ обществѣ. При первомъ своемъ вторичномъ докладѣ, Грабовскій сказалъ Государю о прибытіи Валевскаго, сына *Наполеона*. Императоръ и особенно Императрица, пожелали видѣть его. Валевскій былъ представленъ имъ же, Грабовскимъ и (какъ тотъ рассказывалъ) очень понравился Ихъ Величествамъ. Между тѣмъ генералъ-губернаторъ прислалъ паспортъ, и Валевскій воспользовался имъ, не теряя ни одного дня. Это было въ одинъ понедѣльникъ; онъ поѣхалъ на ночь въ Кронштадтъ, прямо на Англійскій пароходъ, гдѣ его ждало уже готовое мѣсто, и на разсвѣтъ, на другой день, отправился за границу, откуда уже не возвращался.

Въ тотъ же день, то есть во вторникъ, Грабовскій съ обыкновеннымъ докладомъ поѣхалъ во дворецъ. Государь, какъ только увидалъ его, сказалъ: „A propos, j'ai reçu une dépêche de mon frère de Varsovie, il vient seulement d'apprendre que Walewski est ici, et me prie de ne pas lui délivrer de passeport pour l'étranger. Ecrivez en consequence au gouverneur-général.“ (Кстати, я получилъ изъ Варшавы депешу отъ брата; онъ только узналъ, что Валевскій здѣсь и проситъ не выдавать ему заграничнаго паспорта. Напишите по этому генералъ-губернатору). „Sire, cet avis vient trop tard, сказалъ Грабовскій; ne connaissant aucun empêchement, j'ai obtenu et lui ai transmis le passeport hier, et aujourd'hui il a dû s'embarquer à Cronstadt au point du jour.“ (Государь, депеша опоздала; не зная ни о какомъ препятствіи, я выгребовалъ для него паспортъ и вручилъ ему вчерашняго дня, а сегодня, съ разсвѣтомъ, онъ долженъ былъ уѣхать изъ Кронштадта).

Тѣмъ все и кончилось. Чтò дѣлалъ Валевскій до 1852 года, не помню. Но когда Людовикъ Наполеонъ сдѣлался императоромъ, то, признавая Валевского за своего двоюроднаго брата, назначилъ его сенаторомъ, посланникомъ въ Лондонъ, потомъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Одно время онъ былъ председателемъ законодательнаго собранія. Валевскій умеръ тому два или три года.

Мадамъ Ронделё перевела свои обѣды на лѣто на одну изъ дачъ Аптекарскаго острова, гдѣ былъ большой паркъ. Мы ѣздили туда цѣлою компаніей. а съ нами и Валевскій, ждавшій своего паспорта. Онъ былъ очень пріятный собесѣдникъ. До обѣда мы часто упражнялись въ гимнастикѣ и бѣгали въ паркѣ въ запуски. Валевскій всѣхъ насъ далеко оставлялъ за собою, особенно ловко перепрыгивая черезъ канавы и другія препятствія. Еще одно, чтò мы въ немъ замѣчали: лицо его красиво и пріятно, но въ немъ не было никакого сходства съ отцомъ, ни малѣйшаго оттѣнка такъ всѣмъ извѣстнаго прекраснаго Наполеоновскаго типа. Притомъ же онъ имѣлъ стройную осанку и былъ гораздо выше ростомъ своего отца.

(7) Изъ этихъ анекдотовъ я разскажу одинъ, имѣвшій тутъ же, у мадамъ Ронделё, трагикомическую развязку. Орнано былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ одной секунда-донною оперной труппы, m-me I.... и, на разъ, зашедши къ ней ранѣ обыкновеннаго, увидѣлъ въ одномъ углу стоящую пару кирасирскихъ сапогъ. Онъ не сдѣлалъ въ домѣ скандала; поступилъ по словамъ поэта: „Le bruit est d'un fat, la plainte est d'un sot. L'honnête homme trompé s'en va et ne dit mot“, но написалъ своей невѣрной ужасное письмо, которое, послѣ обѣда въ тотъ же день, намъ прочиталъ. Оно начиналось: *mademoiselle ou madame*. Въ немъ Орнано напоминалъ своей бывшей возлюбленной между прочимъ, что сзади, на плечахъ, къ которымъ привѣшены ея прекрасныя ручки, выгравированы рукою палача роковыя Французскія ли-

теры Т. F. (*travaux forcés*). Правда ли это было? мы не знаемъ, не повѣряли; но вотъ къ чему повело это письмо.

Разъ, когда мы въ полномъ комплектѣ *) обѣдали у Ронделё (былъ тутъ и Мицкевичъ), приходитъ служанка и говоритъ Орнано, что два господина, изъ которыхъ одинъ больной, ждутъ въ его комнатѣ (смежной съ нашей столовой) и просятъ его прийти въ ту же минуту. Докторъ, ничего не подозревая, отправился туда, и въ слѣдъ за этимъ послышались громкіе голоса и стукъ передвигаемой мебели. Въбжала опять служанка и крикнула: доктора бьютъ! Мы всѣ встали и бросились выручать его; мой Мицкевичъ, съ ножомъ, впереди. Но въбжавъ чрезъ переднюю на большую лѣстницу, вотъ чтò мы увидѣли. Докторъ, стоя въ дверяхъ своей комнаты, держитъ въ одной рукѣ пистолетъ, а въ другой.... сосудъ, такъ часто встречаемый въ романахъ Поль де Кока, подъ названіемъ *мочинго*. Дождавшись, чтобы его противники сошли по лѣстницѣ во второй этажъ, онъ, съ высоты нашего третьяго, все вмѣщаемое въ сосудъ выливаетъ на головы и на прекрасные юнкерскіе мундиры злополучныхъ посятителей. Хохоча, мы возвратились въ столовую доканчивать обѣдъ, и не одна пробка „вдовушки“ вылетѣла на воздухъ въ честь храбраго доктора. Онъ сказалъ: „Эти юноши присланы были отъ мамзель L. просто для того, чтобы меня побить за мое письмо. Холопская расправа! Но они забыли, что я Корсиканецъ и что, въ дѣлахъ вендетты, он не me prend pas sans vert (не застаютъ меня въ расплахъ). И сей часъ смекнулъ, въ чемъ

*) Я такъ пишу это слово, а не *комплектъ*, такъ какъ второе К-не находится въ родословной его ни Латинской, ни Французской (*completus, simplet*), а въ Русскомъ правописаніи включено вѣроятно лишь для большей пышности. Прежде писали же экскланада, эксклизъ, даже мнѣ случалось видѣть эскладронъ. Но теперь пишутъ ужесъ происхожденіемъ этихъ словъ. Одинъ несчастный *комплектъ* остается еще неисправленнымъ изъ этого допотопнаго правописанія.

дѣло; схвативъ стулъ, проложилъ имъ себѣ дорогу къ постели и изъ подъ подушки вынулъ пистолетъ. Тутъ роли перемѣнились; нападающіе благоразумно ретировались, ну и получили на прощаніе душъ, послѣ котораго вѣроятно отправились уже въ баню. Они должны благодарить меня, что, за ихъ покушеніе на разбой, я не пожаловался начальству. Они получили бы не такую годовомойку.

Исторія эта не помѣшала братьямъ, тогда гвардейскимъ юнкерамъ, достигнуть со временемъ высокихъ положеній въ гражданской службѣ. Но что значить быть старымъ человекомъ! Лѣтъ чрезъ 25 или 30, встрѣчая этихъ самыхъ господъ, уже въ звѣздахъ, сквозь ленты и шитые мундиры, мнѣ видѣлись ихъ прежнія юнкерскія курточки, и вся сцена, въ которой они играли такую жалкую роль, живо представлялась воображенію.

Вскорѣ послѣ описаннаго подвига доктора Орнано, мы потеряли его изъ виду, и отсутствіе его за столомъ было намъ чувствительно. Но мы сильно поражены были тѣмъ, что случилось съ другимъ постояннымъ пенсіонеромъ нашей мадамъ Ронделё, Англичаниномъ. Мистеръ Куперъ былъ въ большомъ ходу, наживалъ порядочныя деньги и былъ принятъ въ лучшемъ Англійскомъ и Русскомъ обществѣ. Онъ хорошо говорилъ по-французски и имѣлъ свѣтскія манеры. По рекомендаціи посланника, даже удостоился давать уроки Англійскаго языка царскимъ дѣтямъ. Только вдругъ, случайно, стало извѣстно власти наблюдающей за иностранцами, что онъ, бывшій священникомъ Англичанской церкви, съ поддѣльнымъ паспортомъ бѣжалъ изъ своего отечества, гдѣ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Австрію за антифизическіе вкусы. Что-то въ томъ же родѣ открылось объ немъ и въ Петербургѣ, и онъ былъ высланъ за границу. Сказывали, что онъ отправился въ Англію, въ надеждѣ, что, благодаря искусной гримировкѣ, его тамъ не узнаютъ. Но онъ былъ признанъ и повѣшенъ какъ бѣглый ссыльный.

И такъ мы, съ полтора года, имѣли своимъ собесѣдникомъ каторжника, сидѣли съ нимъ за однимъ столомъ, здоровывались съ нимъ дружескимъ shake-hands'омъ. Въ большихъ городахъ подобныя встрѣчи не имѣютъ ничего слишкомъ удивительнаго. Нашъ случай былъ какъ бы эпизодъ изъ Бальзакова „Père Goriot“, съ бѣглымъ каторжникомъ Vautrin, главнымъ лицомъ въ pension bourgeoise de maman Vauquer.

(8.) Имя Будрисъ Микевичъ взялъ по фамиліи своего друга, товарища по университету и по изгнанію, В. Будревича *). Это былъ такой оригиналъ, что даже и въ отечествѣ оригиналовъ, Англіи, обратилъ бы на себя вниманіе, съ тою разницею, что Англичане иногда обдумываютъ свои выходки, а мой Будрисъ былъ оригиналомъ, самъ этого не подозревая, какъ Молиеровскій Bourgeois gentilhomme не зналъ, что рѣчь его есть проза.

Будревичъ былъ Променистымъ, Филаретомъ и Филоматомъ strictae observantiae, по цѣломудрію и другимъ качествамъ. (См. воспом. о Новосильцевѣ). За Виленское студенческое дѣло онъ былъ, въ одно время съ Микевичемъ, Малевскимъ и другими, высланъ на жительство во внутреннія губерніи именно въ гор. Тверь и какъ замѣчательный математикъ и кандидатъ на учительскія должности, назначенъ сперва младшимъ, потомъ старшимъ учителемъ математики въ тамошней губернской гимназіи.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ я по дѣламъ бывалъ въ Твери и видался съ Будревичемъ, какъ съ школьнымъ товарищемъ. Онъ и квартировалъ въ гимназіи; оригинальнѣе его выходки много забывали меня; въ своей наивности и незнаціи жизни онъ на всегда остался студентомъ.

*) Мы лично знали Викентія Антоновича Будревича, проживавшаго и окончившаго жизнь у своего ученика Евгенія Александровича Подикарпова, въ селѣ Пинафинѣ, Старицкаго уѣзда. Это была въ полномъ смыслѣ слова честная душа. П. Б.

Однажды рано утромъ, когда я еще не вставалъ, входитъ Будревичъ весь разстроенный и сердитый. Я спрашиваю, какая непріятность съ нимъ случилась?

—Непріятность! Тебѣ надо непременно и подобрать техническое названіе! восклицаетъ Будревичъ. Это не то, а просто лишніе хлопоты.

—Что же такое, говори наконецъ!

—А вотъ что; ни съ того ни съ сего, не спрашивая меня, прибавили мнѣ жалованья!

—Такъ это-то тебя сердитъ?

—И опять техника! Не то что сердитъ, а все таки расстройство.

—Не понимаю.

—Какъ можно не понимать! Я нѣсколько уже лѣтъ рассчиталъ мой бюджетъ до копѣйки и распредѣлялъ его такъ, что приходъ съ расходомъ въ концѣ года прекрасно сходились. Теперь придется или всю таблицу передѣлывать, да и къ чему, когда дохода было довольно, или въ счетахъ будетъ у меня торчать излишекъ. Еслибы были родные, я бы имъ его отдалъ, а то я одинъ, какъ палецъ. Сегодня я усталъ, всю осьмьюугольную площадь исходилъ, да и весь городъ обошелъ, искалъ купить цвѣтговъ; ничего хорошаго нѣтъ, одна сингенезія, все *Zinnia*, да *Calliopsis*, да *Cineraria*, а я ихъ терпѣть не могу.

Изливъ передо мною свое неутѣшное горе отъ прибавки жалованья, Будревичъ, нѣсколько успокоенный, отправился въ свою гимназію.

Разъ пришлось мнѣ прожить въ Твери около двухъ мѣсяцевъ. Я почти каждый день видѣлся съ старымъ товарищемъ, который тогда оканчивалъ важный трудъ. Онъ нашелъ, что въ Геометріи Евклида, преподаваемой во всѣхъ училищахъ, почти всѣ задачи можно значительно упростить и что къ нимъ нужно много новыхъ прибавить. При мнѣ же онъ свой трактатъ окончилъ и принялся было перебѣлывать большую написаную имъ тетрадь и чертить фигуры. Но въ одну прекрасную ночь за-

снулъ надъ работою такимъ математическимъ сномъ, что отъ упавшей свѣтильни тетрадь вспыхнула и успѣла сгорѣть почти вся, покуда авторъ, закашлявшись отъ дыма, проснулся.

И чтоже? На слѣдующее утро онъ прибѣжалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ о случившемся, и невзгода эта по видимому менѣе его огорчала, чѣмъ прибавка жалованья. Дня чрезъ два послѣ этого онъ мнѣ сказалъ: „Знаешь, я радъ, что мой трактатъ сгорѣлъ; еслибы я его такъ напечаталъ, какъ онъ былъ написанъ, то нужно было бы дѣлать другое изданіе. Я нашелъ много новыхъ упрощеній и новыхъ прибавокъ и сегодня началъ уже писать снова.“

Съ тѣхъ поръ я уже не видалъ Будревича. Онъ, выслуживши полную пенсію, не захотѣлъ возвратиться на родину, въ Ковенскую губернію и поселился въ пріятельскомъ домѣ Старицкаго помѣщика г. Поликарпова, бывшаго своего ученика. Но вотъ знаменательный случай, который, лѣтъ чрезъ 25 послѣ послѣдняго съ нимъ свиданія, живо напомнилъ мнѣ о Будревичѣ.

Лѣтомъ 1862 года я былъ съ женою въ ея Старицкомъ имѣніи и вводилъ тамъ уставныя грамоты. Послѣ надѣла крестьянъ землею по Положенію, я имъ предлагалъ пойти на выкупъ и доплатить помѣщикъ слѣдующее по обоюдному соглашенію количество денегъ. Крестьяне не соглашались, желая остаться на оброкъ. Между ними былъ одинъ умный, грамотный мужикъ, имѣвшій на односельцевъ большое вліяніе. Онъ промышлялъ рытіемъ прудовъ и канавъ и былъ извѣстенъ въ своемъ и смежныхъ уѣздахъ. Работавши у гг. Поликарповыхъ, онъ нашелся тамъ въ сношеніи съ Будревичемъ и возымѣлъ къ нему неограниченное довѣріе и уваженіе. Разсказывалъ мнѣ, какъ онъ и своимъ и чужимъ крестьянамъ *даромъ* помежевалъ земли, какъ и барышенъ научилъ землемѣрству, какъ судилъ и мирилъ споры между крестьянами, какъ во всемъ околodeкъ его любятъ и слу-

шаются: „Викентій Антоновичъ слово скажетъ (говорилъ мой Михайло Оедоровъ), все равно что законъ“. Вотъ этотъ-то добрый мужикъ и уговорилъ своихъ товарищей принять мои предложенія. Когда же актъ былъ совершенъ, Михайло Оедоровъ сказалъ мнѣ по секрету: „Знаете ли, почему я такъ для васъ старался?“—Не знаю, вѣрно по тому, что мое предложеніе справедливо и законно — „Оно-то положимъ такъ, а все больше потому, что и васъ, какъ г. Будревича, зовутъ Антоновичемъ“.

Можетъ ли быть болѣе краснорѣчивый панегирикъ?

Это еще доказываетъ, какъ добрый Русскій народъ умѣетъ цѣнить хорошія качества души у старшихъ братьевъ своихъ и какъ награждаетъ своимъ довѣріемъ и уваженіемъ тѣхъ, которые относятся къ нему сочувственно и благонамѣренно.

(9). Я говорю о Варшавѣ, какъ она была назадъ тому около десяти лѣтъ. Быть можетъ, что теперь, послѣ повтореннаго въ 1862 году опыта возстанія съ расчетомъ на помощь Франціи и послѣ событій 1870 года, она прозрѣла наконецъ и вытрезвилась отъ своей несчастной галломаніи.

Вотъ кстати что мнѣ рассказывалъ одинъ хотя и Варшавскій сенаторъ, но никогда не принадлежавшій къ Панургову клубу. Когда въ Варшавѣ было получено извѣстіе о разгромѣ, въ 1870 году, Французской арміи Нѣмцами, г. Г., встрѣтивъ на улицѣ стараго разсылнаго при Сенатѣ, отставнаго солдата бывшей Польской арміи, спросилъ его: Знаешь ли что дѣлается во Франціи?— „Знаю, ваше в. п. Что же, и по дѣломъ этимъ фанфоронамъ! Это Богъ наказываетъ ихъ за то, что они два раза вовлекли насъ въ пагубу“.

Если Варшавское общество и масса народонаселенія въ Царствѣ не менѣе этого стараго служиваго разсудительна, то надо полагать, что всѣ вылечились уже отъ безумной страсти къ Франціи и Французамъ. Одного этого было бы

достаточно, чтобы общественной мысли дать самобытное, здоровое направленіе, чтобы открыть глаза на истинные интересы страны и заставить народъ соображать съ ними свое поведеніе въ будущемъ.

(10). Всякій пойметъ, что все это говорится не абсолютно, не безусловно. Старый трюизмъ, что „нѣтъ правила безъ исключенія“, находитъ себѣ широкое примѣненіе и въ настоящемъ случаѣ. Въ Царствѣ и въ Варшавѣ, конечно, были и есть туземные знаменитые таланты, ученые и даже мыслители; но дѣло въ томъ, что процентъ ихъ недовольно значителенъ, что злокачественная атмосфера міазмовъ, выдыхаемыхъ великимъ большинствомъ, вліяетъ и на этихъ высшихъ людей. Среда эта дѣйствуетъ двоякимъ образомъ: разъ, подавляя проявленія болѣе свѣтлыхъ взглядовъ непониманіемъ, презрительнымъ безучастіемъ или, какъ случилось съ Мицкевичемъ, неразумнымъ противудѣйствіемъ; а потомъ, надо правду сказать, прививая и лучшимъ людямъ *эпидемическую* апатію, Капуанско-варшавское „*dolce far niente*“. Въ подтвержденіе этого, довольно указать на мѣстную періодическую прессу. Съ незапамятныхъ временъ, съ краткими промежутками, она находится большею частію въ рукахъ людей бездарныхъ, преслѣдующихъ одни меркантильныя цѣли, плохо даже знающихъ Польскій языкъ и извращающихъ его немилосердно. Умное и талантливое меньшинство поглощаетъ безразлично всякія печатныя пошлости, изрѣдка пожимаетъ плечами, а само—все таки ничего не дѣлаетъ.

Исторгнуть органы гласности изъ ихъ *приземистаго* положенія (*terre à terre*), взять въ свои руки повременную печать для того, чтобы дѣйствовать на массы въ духѣ истиннаго прогресса, было бы со стороны высшихъ людей подвигомъ истиннаго же, то есть *полезнаго*, патріотизма.

(11). Ни одна изъ извѣстныхъ импроваизацій не можетъ конечно сравниться

съ тѣмъ, что мы здѣсь привели о Мицкевичѣ. Однакожъ кстати объ этомъ, расскажу одинъ очень замѣчательный опытъ въ подобномъ родѣ, котораго я былъ свидѣтелемъ въ Петербургѣ, въ одномъ изъ тридцатыхъ годовъ.

Извѣстный тамъ учитель Италіянскаго языка Джустиніани (Justiniani) давалъ публичный импровизаціонный вечеръ, гдѣ, на задаваемые ему темы и указываемый размѣръ, декламировалъ стихи на своемъ языкѣ. Я какъ-то сидѣлъ у самой эстрады, возлѣ Шведскаго посланника, барона Пальмштіерна (Palmstierna). Мой сосѣдъ сказалъ мнѣ въ полголоса, что въ талантѣ Джіустиніани нѣтъ ничего слишкомъ удивительнаго, что на улицахъ Италіянскихъ городовъ встрѣчается много импровизаторовъ даже изъ простаго народа.

Профессоръ какъ-то услышалъ сказанное и, кончивъ декламировать на данную кѣмъ-то тему, подошелъ къ Пальмштіернѣ со словами: „Esselenza, вы изволили отозваться на мой счетъ такъ: (тутъ повторилъ его слова) Я не желаю, чтобы вы вынесли отсюда такое мнѣніе и прошу позволить мнѣ доказать, что меня не слѣдуетъ смѣшивать съ уличными импровизаторами. Какой, по вашему, самый трудный языкъ для стихосложенія?

— Это конечно Греческій и Латинскій, сказалъ немного сконфуженный дипломатъ.

— Извольте избрать одинъ изъ нихъ.

— Я очень слабъ въ Греческомъ, но Латинскій знаю довольно твердо.

— Очень хорошо; теперь извольте сказать, какой размѣръ для Латинскаго стихосложенія считаете самымъ труднымъ?

— Конечно гекзаметръ, шестистопный александринъ.

— Хорошо, такъ неудобно ли вамъ задать мнѣ тему?

Пальмштіерна предложилъ темою извѣстный памятникъ Петру I, что на Сенатской площади. Джіустиніани, обратясь къ публикѣ, предупредилъ, что

будетъ импровизировать полатыни и, не задумавшись, не заикнувшись, декламировалъ болѣе ста безукоризненныхъ гекзаметровъ на языкѣ Виргилія и Горация о великомъ монархѣ, оригиналѣ знаменитаго памятника. Удивленный и восхищенный Пальмштіерна взошелъ на эстраду и отъ души пожалъ руку импровизатору, признавая себя побѣжденнымъ.

Теперь нѣсколько словъ о самомъ Пальмштіернѣ. Это былъ человекъ умный, ученый и съ манерами истаго джентельмена. Онъ бывалъ въ однихъ домахъ съ Мицкевичемъ и со мною и былъ близко съ нами знакомъ. Къ тому же, не знаю какими судьбами, онъ хорошо зналъ Польскій языкъ, свободно говорилъ на немъ и былъ пламеннымъ поклонникомъ поэтическаго генія Адама. Онъ былъ пріятнымъ гостемъ въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ, но до извѣстной степени. Онъ имѣлъ одинъ странный недостатокъ: не могъ хладнокровно играть въ карты, и какъ только взялъ ихъ въ руки, то вдругъ изъ джентельмена дѣлался грубымъ и дерзкимъ. Я былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. На раутѣ у Шишковыхъ, онъ игралъ въ партіи съ самимъ хозяиномъ въ вистъ. Вдругъ причудилось ему, что одинъ изъ партнеровъ, всѣми уважаемый старый генералъ Албрехтъ (Иванъ) заглядываетъ ему въ карты. Пальмштіерна съ ожесточеніемъ оборачивается къ нему: „Вы хотите видѣть мои карты? Вотъ они!“ и сказавъ это, развертываетъ ихъ вѣромъ предъ нимъ. На такое „dictum aserbum“ почтенный старикъ не зналъ что отвѣчать и даже прослезился. Александръ Семеновичъ, не менѣе взволнованный, поспѣшилъ ихъ помирить, и посланникъ, опомнившись, извинился. Хорошо что такъ кончилось; а то, еслибъ объ этомъ узналъ сынъ генерала, также генералъ, Карлъ Ивановичъ Албрехтъ, то поединокъ былъ бы неминуемъ. Сказывали, что этотъ скандалъ сдѣлался извѣстнымъ королю и что Его Шведское Величество запретилъ

своему послу играть. Достоверно то, что съ тѣхъ поръ Пальмштіерна никогда уже не принималъ предлагаемыхъ ему партій.

Возвращаясь къ предмету импровизаціи, нельзя не упомянуть объ истинномъ феноменѣ въ этомъ родѣ, проявившемся въ 50-хъ годахъ въ Варшавѣ. Это двѣнца изъ высшего тамошняго общества, Ядвига Лушевская, извѣстная подъ принятымъ ею именемъ *Деотимы* (богобоязненной). Даръ, ею обладаемый, по истинѣ изумителенъ; блестящія импровизаціи ея на всѣ возможные темы выдерживаютъ даже опасную пробу печати: въ изданномъ сборникѣ ихъ есть много неподдѣльной поэзіи. Она была очень молода, когда я ее видѣлъ въ Варшавѣ въ 1851 году. Кромѣ высоко-го поэтического дара, тогда уже она удивляла необыкновенною начитанностью и серіозною ученостью.

(12.) Этотъ приговоръ оказался очень полезнымъ въ моихъ путешествіяхъ за границей, для избавленія меня отъ всякаго соприкосновенія съ Польскою эмиграціей. Когда я былъ въ Парижѣ въ 1859 году, то на третій день по моемъ пріѣздѣ явился ко мнѣ какой-то господинъ съ большою книгою для собиранія подписки на сочиненіе, издаваемое имъ въ пользу эмиграціи. Подписная цѣна была 50 франковъ. Я сказалъ, что онъ напрасно обращается ко мнѣ, потому что *я не существую*. — Какъ это! воскликнулъ удивленный гость. — Вы сами, господа, выключили меня изъ сего міра. Тутъ я сослался на приговоръ и казнь, совершенную надъ моимъ портретомъ. Тѣмъ кончился разговоръ; когда же гость уходилъ, то я остановилъ его и просилъ, чтобы о нашемъ свиданіи онъ разсказалъ своимъ товарищамъ по эмиграціи, дабы и они знали, что между ними и мною не можетъ быть ничего общаго.

Въ тотъ же день я обѣдалъ у нашего посланника и разсказалъ ему мой случай. Графъ Киселевъ сказалъ: „Васъ можно поздравить съ тѣмъ, что имѣете та-

кое вѣрное средство избавиться отъ этихъ господъ. Прибывающихъ изъ вашего края и даже изъ Россіи они не оставляютъ въ покоѣ, навязываясь съ своимъ знакомствомъ и выпрашивая деньги“.

Тоже самое послужило мнѣ охраною въ Карлсбадѣ, гдѣ я лечился въ 1863 году, въ самый разгаръ послѣдняго Польскаго возстанія... Тамъ было много господъ въ повстанскихъ чамарнахъ, которые, узнавъ изъ курляста мою фамилію, искали знакомства со мною. Послѣ такого же объясненія, какъ съ Парижскимъ посѣтителемъ, они совершенно отстали отъ меня.

КАЛЕЙДОСКОПЪ ВОСПОМИНАНІЙ ¹⁾

1811 и 1812 ГОДЫ.

.....the dance of being,
A mask fantastical and strange,
To the hearing and the seeing.

Dickens ²⁾.

Я очень немногимъ моложе настоящаго вѣка, и поэтому ясныя воспоминанія о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ мнѣ современныхъ начинаются у меня съ 1810—1811 годовъ. Мы тогда жили въ Ружанѣ, мѣстечкѣ Слонимскаго уѣзда, принадлежавшемъ князю Франциску Сапѣгѣ³⁾, отъ котораго мой отецъ арендовалъ большое имѣніе изъ Ружанскаго графства и самое мѣстечко. Я очень хорошо помню 1811 годъ: онъ отличался тропическими жарами и, если не повсемѣстно въ Россіи, то по крайней мѣрѣ въ западныхъ губерніяхъ, страшную засуху, причинившую въ тамошнемъ краѣ всеобщій неурожай, лѣсные пожары и разныя болѣзни. Воздухъ наполненъ былъ дымомъ; во все лѣто солнце, не затемняемое ни малѣйшимъ облакомъ, являлось сквозь густой дымъ, въ видѣ большаго раскаленнаго шара; отъ восхода до заката можно было смотрѣть на него невооруженнымъ глазомъ.

Въ концѣ лѣта явилась знаменитая комета, какъ бы въ подтвержденіе народнаго повѣрія, что эти небесныя тѣла предвѣщаютъ войну и другія общественныя бѣдствія. Тогда уже было из-

вѣстно о натянутыхъ отношеніяхъ между нашимъ и Французскимъ правительствами. и носились слухи о близкой войнѣ. Комета 1811 года была очень замѣчательна по своей величинѣ и блеску; она имѣла большое ядро, хвостъ не длинный, но очень густой и свѣтлый; когда не было луны, то отъ кометы освѣщалась часть неба. Орбита ея должна быть невообразимо велика, такъ какъ она до сихъ поръ, послѣ 60-лѣтняго бѣга, не возвращалась еще и не показывалась во второй разъ.

Слухамъ о приближающейся войнѣ всѣ въ тамошнемъ краѣ, болѣе или менее, сквозь страхъ, радовались. Пламенные Польскіе патриоты предусматривали въ ней шансы возстановленія прежней Польши, люди же болѣе положительные видѣли уничтоженіе ненавистной, введенной Наполеономъ, такъ называемой *континентальной системы*. Страстно возненавидѣвъ Англію, неизвѣстно почему, а вѣроятно всею изъ зависти и антагонизма ея либеральному образу правленія, императоръ Французъ сперва намѣревался дѣйствовать противъ нея открытою силою и устроить было для нападенія на Англію пресловутый Булонскій лагерь; но потомъ раздумалъ и перемѣнилъ тактику и, соображая, что богатство и могущество Великобританіи имѣютъ основу въ ея

¹⁾ См. выше стр. 1887.

²⁾ Сначала бытія, фантастическое и странное липедѣйство слуха и зрѣнія. *Дикенсъ*.

³⁾ См. выше, стр. 1765. Воспом. о Новосильцевѣ.

всемирной торговлѣ, поживъ разрушить то и другое, заставилъ государства всего Европейскаго материка заключить союзъ, въ слѣдствіе котораго всѣ торговыя сношенія ихъ съ Англіею были прекращены. Система эта безъ сомнѣнія нанесла много вреда Англіи въ финансовомъ отношеніи, но она не менѣе тягостна была и для континента. Изъ всѣхъ же Европейскихъ государствъ всѣхъ болѣе потеряла, быть можетъ, Россійская Имперія. Ею парализована была въ большей части Россійская отпускная торговля, такъ какъ Русскія сырыя произведенія находили сбытъ преимущественно въ Англіи. Наиболѣе такой искусственный торговый застой наносилъ вреда западнымъ окраинамъ Имперіи. Для Литвы и Бѣлоруссіи отпускная иностранная торговля составляла почти единственный источникъ дохода съ помѣщичьихъ имѣній и снабжала край товарами необходимыми для комфорта въ домашнемъ быту. Ежегодно, по Нѣману и Западной Двинѣ, сплавлялось въ Кенигсбергъ, Мемель и Ригу, огромное количество всякаго хлѣба, семени, льна, пеньки, шерсти, корабельнаго и строеваго лѣса, поташа, смолы, и т. п. Все это сбывалось Англійскимъ купцамъ, а въ упомянутыхъ портахъ закупались для Литовскихъ и Бѣлорусскихъ губерній провіантъ на цѣлый годъ колоніальныхъ товаровъ, Французскихъ винъ, портера, суконъ, всякихъ матерій и другихъ издѣлій, такъ какъ въ краю не было почти никакихъ фабрикъ. Всѣ при такомъ обмѣнѣ жили хорошо, и денегъ было много. Вдругъ, со введеніемъ континентальной системы, въ слѣдствіе которой и Англія съ своей стороны блокировала моря, все это благосостояніе рушилось, и повсемѣстно далъ себя почувствовать недостатокъ и денегъ, и предметовъ первой потребности для жизни хотя нѣсколько утонченной. Кофе, сахаръ, Французскія вина, приноски, сукна, шелковыя и шерстяныя матеріи, тонкія полотна и т. п. стали предметами роско-

ши. Развилась до неслыханныхъ размѣровъ контрабанда, обогащающая только Жидовъ и таможенныхъ чиновниковъ. Мѣста въ таможенныхъ на Европейской границѣ стали самыми прибыльными мѣстами въ государствѣ. Это породило отвратительныя искательства и интриги, nepотизмъ въ высшей степени, административную деморализацію, доходившую до цинизма. Сами чиновники хвастали своими доходами и вели Сарданапальскую жизнь: Шампанское вино прозывалось у нихъ *таможеннымъ квасомъ*.

Вредъ, нанесенный Россіи и ея окраинамъ континентальною системою, не ограничился временемъ продолженія ея; она повліяла и на дальнее будущее отпускной торговли; это вліяніе чувствуется и теперь, и такое положеніе едва ли когда либо можетъ улучшиться, по крайней мѣрѣ на этомъ пути. Такъ какъ Англія не могла въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ получать нужныхъ ей сырыхъ произведеній изъ Россіи и изъ другихъ участвовавшихъ въ континентальномъ союзѣ государствъ: то она стала искать себѣ этихъ продуктовъ въ другихъ частяхъ свѣта. И такъ для шерсти, кожъ и сала разведены огромныя стада въ Австраліи и другихъ колоніяхъ; хлѣбомъ Англія стала снабжаться изъ Соединенныхъ Штатовъ и Канады; въ самой Англіи, въ слѣдствіе правительственныхъ мѣръ, раціональное хлѣбопашество доведено до совершенства. Изъ южныхъ колоній доставлялась пенька; тамъ стали въ большихъ размѣрахъ воздѣлывать растеніе *Phoridium tenax*, дающее волокно несравненно лучше и ярѣче коноплянаго.

Извѣстно, что когда торговля однажды покинетъ путь, по которому многіе годы слѣдовала и проложитъ себѣ новый, то уже чрезвычайно трудно привлечь ее обратно на прежній. Такимъ образомъ неблагоприятный для Россіи балансъ иностранной торговли, установившійся со времени введенія въ ней континентальной системы, продолжается и до сихъ поръ и не престаётъ также неблагопри-

ятно вліять на денежные курсы, не смотря на то, что съ Англіею возобновлены торговыя сношенія, но естественно не въ такихъ уже размѣрахъ, какъ было прежде.

Въ описанномъ положеніи, Литовскимъ помѣщикамъ оставалось одно: ограничить по возможности свои расходы и обходиться тѣмъ, что производитъ самая мѣстность. Очень трудно имъ было отстать отъ старой привычки комфорта и даже роскоши, но дѣлать было нечего. Одно, отъ чего они не отказались, это кофе и сахаръ. Но всѣ перестали покупать Французскія вина, привозъ которыхъ сухимъ путемъ обходился слишкомъ дорого. Въ краѣ распространились Нѣмецкія столовыя вина, особенно Франконскія, Венгерскаго же запасы съ давнихъ лѣтъ находились въ каждомъ помѣщичьемъ домѣ *). Въ время подоспѣлъ свекловичный сахаръ, пзобрѣтенный по инициативѣ Наполеона. Но сукна и всякія матеріи были чрезвычайно дороги. Почетнѣйшіе помѣщики и ихъ жены условились дать собою примѣръ экономіи и носить платья изъ мѣстныхъ произведеній. Князя Любедкіе, Пусловскій, мой отецъ, графъ Солтанъ, Микульскіе, Стровинскіе сшили себѣ венгерки для лѣта изъ домашняго небѣднаго холста, а для осени и зимы изъ простаго толстаго сукна. Жены ихъ и дочери нарядились также въ платья изъ простаго холста; я помню, какъ матушка вышивала цвѣтною шерстью пелеринки къ капотамъ изъ такой же матеріи для себя и для дочерей; насъ, мальчиковъ нарядили подобнымъ же образомъ. Вскорѣ это сдѣлалось всеобщою модою, и одѣваться иначе считалось дурнымъ тономъ.

*) Весьма извѣстенъ широко развитый въ Польшѣ вкусъ къ Венгерскому вину и умѣніе воспитывать его. Сложилась даже у Венгерцевъ поговорка: *Non est potus nisi vinum; non est vinum nisi Hungaricum; non est vinum Hungaricum, nisi in Polonia educatum.* (Нѣтъ напитка кромѣ вина, нѣтъ вина кромѣ Венгерскаго, нѣтъ Венгерскаго вина кромѣ того, которое воспитано въ Польшѣ.)

Прежнія платья всѣ донашивали уже только у себя дома, но на званый обѣдъ, вечеръ или на балъ, никто не смѣлъ показаться иначе, какъ въ принятомъ новомъ костюмѣ. Странный контрастъ у дамъ составляли съ такими нарядами золотые серги, браслеты, брошки и фермоары съ брилліантами и другими дорогими камнями.

Ружана лежитъ на почтовомъ тракѣ, который въ то время былъ главнымъ, если не единственнымъ, путемъ сообщенія Россіи чрезъ Варшаву съ западною Европою. Тогдашнія власти, не смотря на недавно окончившіяся Наполеоновскія войны въ Германіи и на готовившуюся новую въ Россіи, были какъ нельзя болѣе снисходительны на счетъ паспортовъ. По этому множество всякихъ рыцарей промышленности скиталось по краю и, благодаря мѣстному положенію Ружаны, не мало ихъ, подъ разными предлогами, перебивало въ домахъ моихъ родителей и въ домахъ окрестныхъ помѣщиковъ. Изъ нихъ въ памяти у меня остался одинъ, нѣкто Дроздовскій, очень красивый мужчина. Онъ явился въ качествѣ туриста, въ блестящей обстановкѣ великосвѣтскаго денди. Онъ рассказывалъ о себѣ, что онъ сынъ короля Станислава - Августа и одной Варшавской красавицы-Жидовки. Онъ слылъ Донъ-Хуаномъ: все время, когда гостилъ онъ въ нашемъ околоткѣ, у разныхъ помѣщиковъ, маменьки находились постоянно въ страхѣ за своихъ взрослыхъ дочерей. Послѣ узнали, что это былъ шутеръ, а въ 1816 г., бывши въ университетѣ, я его встрѣчалъ въ Вильнѣ, какъ онъ, спившись съ кругомъ, шатался по улицамъ въ лохмотьяхъ и просилъ милостыни.

Извѣстно, что въ этомъ періодѣ времени первые авантюристы въ свѣтѣ были изъ Поляковъ. Таковы историческія личности: Фіялковскій, который былъ нѣкоторое время королемъ на островѣ Мадагаскарѣ, Арцишевскій, сдѣлавшійся адмираломъ въ Бразиліи, а по преимуществу Хадкевичъ, Французскій

генераль десятихъ годовъ нашего столѣтія, извѣстный во Франціи подъ именемъ *le général Lodoiska*, Европейской славы шулеръ и герой несмѣтнаго числа самыхъ отчаянныхъ выходокъ, всегда почти *asint asintine* ¹⁾, такъ какъ это былъ человѣкъ необыкновеннаго ума. Въ одно время онъ былъ посланъ отъ Наполеоновскаго правительства въ Вѣну, съ огромнымъ количествомъ фальшивыхъ банкнотелей, которые долженъ былъ пустить въ обращеніе и тѣмъ уронить Австрійскіе финансы. Хацкевичъ почти вполне достигъ этой цѣли, но на послѣдней операціи былъ пойманъ и приговоренъ къ смертной казни. Онъ однакоже успѣлъ убѣжать изъ крѣпости, гдѣ содержался. Таковъ былъ, на гораздо меньшую ногу, и нашъ Дроздовскій ²⁾. Подвиги нѣкоторыхъ изъ этихъ рыцарей, чрезвычайностью смѣлостью и эксцентричностью своею, нерѣдко доходили почти до легендарной чудесности.

Источника этихъ явленій напрасно было бы искать въ стихіяхъ народнаго характера Поляковъ. Онъ есть смѣсь почти противоположныхъ элементовъ: Славянской безпечности, природной храбрости, съ Французскою способностью увлекаться первыми впечатлѣніями. Но силы этихъ составныхъ элементовъ было бы недостаточно для произведенія такихъ субъектовъ, о какихъ мы говоримъ. Нужно искать другой, вѣдшей причины, такъ какъ она, по моему мнѣнію, заключается не въ постоянныхъ качествахъ народнаго характера, а въ случайныхъ, временныхъ обстоятельствахъ, и именно вотъ въ чемъ. Многие Поляки изъ образованнаго класса, въ данной эпохѣ, нашлись въ исключительно положеніи. При самомъ началѣ военной карьеры Наполеона, они по-

ступили во Французскую службу и составили легіоны. Это отборное войско Наполеонъ водилъ по всюду за собой въ своихъ экспедиціяхъ и даже посылалъ въ Америку. Такимъ образомъ легіонисты, справедливо можно сказать, „прошли сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы“. Эти войны-космополиты закалялись до твердости адаманта въ непрерывныхъ побѣдоносныхъ бояхъ, въ сношеніяхъ, въ неисчислимыхъ перипетіяхъ войны всѣхъ возможныхъ родовъ и во всѣхъ климатахъ. Неудивительно, что, при господствовавшемъ тогда безвѣріи, среди такой жизни, притупились въ нихъ всякія человѣческія чувства и что изъ нихъ выходили такіе полу-демоны, какъ напр. Хацкевичъ. Это объясненіе подтверждается *a posteriori* тѣмъ фактомъ, что всѣ историческіе Польскіе авантюристы были въ свое время легіонисты или служили въ другихъ Наполеоновскихъ войскахъ. *Sublata causa tollitur effectus* (съ прекращеніемъ причины прекращаются послѣдствія.) Съ тѣхъ поръ какъ Наполеона не стало, и подобные Польскіе герои перестали являться.

При тогдашнемъ административномъ бездѣйствіи, выродился и въ самомъ край странной бродячій элементъ, исключительный продуктъ мѣстности. Это были явившіеся по временамъ въ помѣщичьи усадьбы, такъ называемые „философы“. По этому названію они могли претендовать развѣ только на причисленіе ихъ къ школѣ древнихъ Циниковъ. Нѣчто въ родѣ Русскихъ „юродивыхъ“, но безъ религіозной примѣси, это были все шляхтичи, получившіе нѣкоторое образованіе, но предавшіеся пьянству, полу-помѣшанные, промышленные выпрашиваніемъ милостыни. Нѣкоторые декламировали при этомъ какіе нибудь выученные стихи или рѣчи, другіе же и сами ихъ сочиняли. Изъ нихъ я помню четверыхъ: Познинскаго, Семирадзкаго, Мѣлешко и Омкульскаго. Послѣдній былъ уроженецъ не Слонимскаго уѣзда, бродилъ по цѣлой Литвѣ,

¹⁾ Съ остріемъ

²⁾ Подробные разсказы о тѣхъ и другихъ Польскихъ авантюристахъ собраны въ сочиненіи графа Генриха Ржевусскаго: „Польскій Теофрастъ“ (*Teofrast Polski*), напечатанномъ въ 50-годахъ въ Петербургѣ.

но кромѣ своего философскаго промысла имѣлъ другой, болѣе полезный. Онъ хорошо настраивалъ фортепіяны изъимъ, по помѣщикамъ домамъ, зарабатывалъ деньги. Мѣлешко, совершенный идиотъ, происходилъ изъ знатнаго рода: одинъ изъ его предковъ былъ воеводою. Семирадзкій былъ прожившійся помѣщикъ и отъ пьянства на половину сумасшедшій; одежду, которую ему давали, онъ пропивалъ и тогда ходилъ весь обмотанный соломкою. Бывали философы и въ городахъ; такъ въ Вильнѣ, въ мое университетское время, были помѣшанные на стихотворствѣ Шурловскій и Кришталевичъ, также Соболевскій. Но послѣдній былъ не столько истинный Литовскій философъ, сколько довольно острый шутъ. Ему дѣлали разные фантастическіе костюмы, и онъ парадировалъ въ нихъ по Вильнѣ съ важностью Испанскаго гядадьга. Разъ, когда я еще былъ въ университетѣ, онъ сыгралъ слѣдующій фарсъ. Черезъ Вильну провѣзжалъ какой-то Германскій принцъ. Половина города вышла ему на встрѣчу за Остроу-Браму; въ толпѣ былъ и Соболевскій, но никто не замѣтилъ что такое у него было подъ альмавивой. Принцъ, въ экипажѣ, остановился предъ Остро-Брамою для принятія привѣтствій отъ офціальныхъ лицъ, послѣ чего долженъ былъ отправиться прямо во дворецъ. Какъ только кончились привѣтствія, Соболевскій, стоявшій въ первомъ ряду зрителей, подбѣжалъ къ экипажу и, ставъ на одно колено, съ глубокимъ поклономъ поднесъ принцу—горшокъ съ варенымъ картофелемъ, сказавъ при томъ попольски, что для того дѣлаетъ это приношеніе, чтобы его высочество считалъ себя въ Вильнѣ какъ бы на родинѣ *) Соболевскій сдѣлалъ это такъ ловко и такъ скоро, что полиція схватила его послѣ уже совершившагося акта. Принцу, который не въ шутку рассердился,

сказали, что это сдѣлалъ сумасшедшій. Соболевскаго взяли въ полицію; но это ему было ни почемъ: онъ былъ хорошо знакомъ съ кутузкою, куда его нерѣдко отводили, поднявши пьянаго на улицахъ.

Провинціальныя философы иногда зарабатывали себѣ небольшія деньги еще слѣдующимъ промысломъ. Во время моей первой молодости доживали свой вѣкъ кое-гдѣ по деревнямъ старики помѣшники, которые недовѣрили *казенной* почтѣ и письма свои, даже въ другіе уѣзды и губерніи, давали носить кому нибудь изъ странствующихъ философовъ. Это стоило имъ нѣсколько золотыхъ и, странное дѣло, философъ, преобразованный въ письмоносца, не смотря на свое пристрастіе къ водкѣ, всегда, хотя и очень не скоро, доставлялъ письмо по адресу и приносилъ отвѣтъ. Когда же такому недовѣрчивому господину случалась надобность посылать деньги, то для этого онъ нанималъ одного изъ Татаръ. Въ Слонимѣ была цѣлая населенная ими улица; ихъ было также немало и въ Новогрудкѣ.

Кстати о Татаряхъ. Отъ самаго древняго нашествія Азіатскихъ народовъ на Европу, въ Литвѣ осталось много Татаръ; они поселились въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ занимаются разными ремеслами, преимущественно кожевеннымъ. Многіе изъ высшаго класса (мурзы) приняли христіанство и со временемъ, въ военной службѣ, приобрѣли дворянство. Таковы Азаревичи, Аслановичи, Кенскіе, Азулевики, Лукашевики, Уланы, Крымскіе, Бѣляки, Ордынскіе, и др. Простые Татары большею частью остались магометанами, но и у тѣхъ и у другихъ сохранились непоколебимо традиціи строгой честности; по крайней мѣрѣ въ описываемое время, такое было общее о нихъ мнѣніе. И дѣйствительно, никто не помнилъ примѣра, чтобы кто нибудь изъ этого племени былъ замѣшанъ въ уголовномъ дѣлѣ, никто не могъ назвать развратной женщины изъ Татаровъ. Литовскіе Татары счи-

*) Въ Россіи Нѣмцовъ обзываютъ *колбасниками*, а въ Польшѣ *картофельниками* (kartoflarze.)

такотъ себя потомками воиновъ Золотой Орды, и замѣчательно то, что физиономіи ихъ, кромѣ нѣскольکو смуглаго цвѣта лицъ, не имѣютъ ничего общаго съ типомъ физиономій другихъ Русскихъ Татаръ, напримѣръ Казанскихъ. У Литовскихъ черты лица правильныя, глаза прямые, вообще черные и выразительные.

Отъ 1811 года живо у меня сохранились въ памяти нѣкоторыя болѣе замѣчательные случаи, и я ихъ здѣсь разскажу: въ нихъ есть характеристическія черты мѣста и времени.

Извѣстно уже, что наше мѣстопробываніе было на самомъ большомъ тракѣ. Поэтому въ мѣстечкѣ, гдѣ была и почтовая станція, безпрестанно появлялись новыя лица. Одинъ разъ вечеромъ, послѣ жаркаго Іюнскаго дня, мы цѣлымъ семействомъ вышли на прогулку, направляясь къ кузницѣ, стоявшей между мѣстечкомъ и паладомъ, гдѣ мы жили. Предъ кузницей стоялъ какой-то странный экипажъ, родъ одноколки въ одну лошадь, а около него суетился какой-то господинъ въ неменѣе странномъ костюмѣ. Онъ имѣлъ черную шляпу съ большими полями, какія носили Евреи, а въ рукахъ большую палку, и показывалъ кузнецу что-то поврежденное въ экипажѣ. Подошедши ближе, мы увидѣли, что проѣзжіи монахъ какого-то иностраннаго ордена. На немъ была старая коричневая ряса, съ краснымъ крестомъ на лѣвой груди. Самъ онъ былъ менѣе чѣмъ обыкновеннаго роста, плотнаго сложенія; смуглое выразительное лицо рѣзко было ознаменовано Итальянскимъ типомъ. Отецъ мой мало говорилъ по-французски, но, видя духовнаго, обратился къ нему полатыни: на этомъ языкѣ незнакомый объяснялся свободно. Мы узнали, что онъ монахъ ордена Камилліанъ, отъ своего монастыря въ Аппенинскихъ горахъ посланъ для собиранія подаяній на выкупъ христіанскихъ невольниковъ отъ Марокканцевъ, Алжирцевъ и Тунисцевъ.

Отецъ пригласилъ странника ночевать у насъ и просилъ не беспокоиться объ экипажѣ, который будетъ починенъ. Монахъ поблагодарилъ, говоря, что онъ и безъ того зашелъ бы въ палацъ за подаяніемъ и пошелъ съ нами; онъ немного хромалъ, опираясь на палку. Пришедши въ домъ, отецъ Амвросій за стаканомъ Венгерскаго разговорился. Онъ объѣхалъ всю Гродненскую губернію; въ другія губерніи посланы другіе монахи его ордена, а онъ возвращается въ монастырь. Онъ оказался человѣкомъ образованнымъ, разсказывалъ много интереснаго о своихъ путешествіяхъ, но главнымъ предметомъ его рѣчей были жалобы на императора Французовъ за поработеніе Италіи, а особенно за притѣсненіе Папы. Онъ все болѣе и болѣе горячился, бранилъ и проклиналъ Наполеона, предсказывая ему близкое паденіе именно потому, что онъ заставилъ Св. Отца произнести на него анаѣму. Отецъ и матушка защищали Наполеона, но монахъ не хотѣлъ ничего слушать и не переставалъ повторять, что этотъ пзвергъ, этотъ антихристъ долженъ скоро погибнуть.

По утру на другой день, одноколка отца Амвросія была готова, и онъ, получивъ отъ родителей моихъ подаяніе, отправился къ Бресту-Литовскому. Недѣли чрезъ двѣ мы узнали, что по свѣдѣніямъ полученнымъ отъ нашего посланника въ Парижѣ, Камилліанъ задержали близъ самой границы. Оказалось, что это былъ переодѣтый офицеръ Французскаго генеральнаго штаба, посланный для съемки главныхъ мѣстностей и дорогъ Гродненской губерніи. Въ палкѣ у него нашли срисованные имъ планы.

Около того же времени, въ половинѣ лѣта, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ружаны, въ лѣсу, по дорогѣ къ слѣдующей станціи Межевичи, завелись разбойники. Ихъ было трое, они останавливали и грабили проѣзжающихъ. Разъ нашли въ лѣсу убитаго съ признаками жестокаго истязанія бѣднаго Пинскаго мѣщанина изъ тѣхъ, которые по дворамъ

разносятъ огородныя сѣмяна Два раза дѣлали въ лѣсу облаву съ участіемъ военной команды, но оба раза безуспѣшно. Наконецъ, для поймки бандитовъ, командированъ былъ губернаторомъ засѣдатель отъ дворянства Слонимскаго Земскаго Суда (полицейскаго управленія) Леопольдъ Лагевницкій и, прибывъ на мѣсто, онъ остановился у насъ. Онъ слылъ хорошимъ детективомъ и, дѣйствительно, въ нѣсколькихъ довольно трудныхъ слѣдствіяхъ оказалъ талантъ, напоминающій Лекюка *). Онъ употреблялъ разныя средства, посылалъ въ лѣсъ людей съ коробами; тѣ притворялись пьяными, а чиновникъ слѣдилъ за ними лѣсомъ съ вооруженными людьми, по ночамъ разъѣзжалъ самъ по большой дорогѣ, нарядившись Жидомъ въ скрыпучей немазанной сурѣ, наполненной „фигативнымъ“ товаромъ, а тамъ скрывались люди съ ружьями. Ничто не удавалось: бандиты не поддавались ни на какія хитрости. Мы, дѣти, ужасно боялись разбойниковъ и по ночамъ не спали отъ страха.

Лагевницкому стало ясно, что они тайными путями узнаютъ обо всемъ что предпринимается. Онъ перемѣнилъ тактику, распустилъ слухъ, что уѣзжаетъ совсѣмъ, не надѣясь исполнить губернаторское порученіе, и дѣйствительно уѣхалъ отъ насъ, но, отѣхавъ версты двѣ, своротилъ въ сторону тракта къ сосѣднему помѣщику. Скрываясь у него, онъ сталъ дѣйствовать по новому плану: переодѣвался то крестьяниномъ, то Жидомъ, искусно гримируясь, ходилъ по окрестнымъ селамъ и часто бывалъ въ Ружанѣ, тамъ ходилъ по кабакамъ и лавкамъ и самъ, и чрезъ довѣреннаго,мышленнаго человѣка, котораго съ собою привезъ, собиралъ разные слухи.

Въ томъ самомъ лѣсу, гдѣ подвизались разбойники, въ двухъ верстахъ отъ большаго тракта, на проселочной дорогѣ, была корчма, содержимая Жидовкою, молодою красивою вдовою. Есте-

ственно было полагать, что мошенники бываютъ въ этой корчмѣ, а можетъ быть она служитъ имъ притономъ. Сдѣлалъ обыскъ, но ничего подозрительнаго не оказалось. Лагевницкій самъ два раза навѣзжалъ внезапно ночью, но всякій разъ издали встрѣчалъ его лай большой собаки и, пріѣхавши, онъ не заставалъ никого, кромѣ хозяйки, ея 8 ми лѣтяго *базура* и служанки, также Жидовки.

Разъ, когда всѣ уже были утѣрены, что чиновникъ уѣхалъ, онъ въ мѣстечкѣ узналъ, что въ тотъ же день корчмарка закупала провизію, вовсе не Жидовскую, какъ то говядину у мясника-христианина и свинину, говоря, что у нея ночуютъ провѣзжіе господа *). Онъ тотчасъ послалъ своего человѣка въ корчму, велѣлъ пить тамъ водку и пиво и далъ пилюли, которыми онъ, въ кускѣ жаренаго мяса, долженъ былъ отравить собаку. Человѣкъ въ точности все исполнилъ и ушелъ вечеромъ, собака не вдругъ околѣла, но была больна и не выходила изъ сарая. Чиновникъ отъ стоявшаго въ Ружанѣ полка вытребовалъ команду, 12 солдатъ; она обошла корчму лѣсомъ и расположилась въ лѣсу же близъ самой корчмы. Въ ту же ночь Лагевницкій съ пятью вооруженными людьми отправился на мѣсто. Собака не лаяла. Они обошли корчму кругомъ; огня въ ней не было. Пробуя окна, нашли одно не плотно затворенное; отворили его; всѣ шестеро вошли въ него, безъ малѣйшаго шума, и очутились въ большой общей комнатѣ, гдѣ на полу, вѣроятно послѣ порядочныхъ возліяній, спали богатырскимъ сномъ нераздѣтыми три человѣка. При

*) Известно, что свинина строго запрещена Моисеевымъ закономъ, говядину же Евреи могутъ брать только у присяжнаго мясника-Еврея, который продаетъ одну *кошерную* (то есть чистую, отъ скотины, во внутренностяхъ которой не нашлось никакого поврежденія и ничего посторонняго). Говядина безъ такой гарантіи называется *трефъ*, и православный Еврей не станетъ ее ѣсть не за что.

*) Въ романахъ Габоріо (Gaborian).

каждомъ лежалъ большой ножъ, а при одномъ и пистолетъ. Убравъ эти оружія, чиновникъ и его спутники вдругъ накинудись по двое на каждого и еще полусонныхъ стали вязать привезенными съ собою бичевками. Атаманъ, тотъ у котораго былъ пистолетъ, защищался отчаянно. Онъ укусилъ руку у Лагевницкаго; но тотъ, сильный молодой человѣкъ, скоро съ нимъ справился. Между тѣмъ по данному свистку подоспѣла и команда. На шумъ прибѣжала въ одной рубашкѣ изъ смежной свѣтлицы съ зажженною свѣчкою сама шинкарка и, увидя, что дѣлается, заломала руки и стала неподвижна, какъ бы пораженная каталепсіею. Она, по разсказамъ Лагевницкаго, была прекрасна и могла бы служить лучшею моделью для статуи отчаянія. Ее также связали. Чиновникъ сдѣлавъ всѣхъ на руки унтеръ-офицеру съ своимъ подручнымъ и отославъ въ мѣстечко подъ арестъ, къ начальнику тамошняго гарнизоннаго этапа, а самъ прибѣжалъ къ намъ и все разсказалъ. Атаманъ, по прозванію Жигарь, былъ Волковыскій мѣщанинъ, два другіе—бѣлые солдаты. Шинкарка была любовницею атамана, и чрезъ нее онъ получалъ нужныя ему вѣсти. Благодаря имъ, разбойники все время облавы просидѣли на высокихъ деревьяхъ, скрываясь въ густой листвѣ. У разбойниковъ найдено денегъ немного, двое серебрянныхъ часовъ и еще кой-какія вещицы. Но что странно, въ ихъ вещахъ найдены бутылка сапожной ваксы, початая банка помады и печатный in 4-to экземпляръ трехъ первыхъ одъ извѣстнаго Польскаго поэта Козьмяна. Эту книжечку чиновникъ подарилъ мнѣ, такъ какъ я въ то время подписывалъ стишки; она сохранилась у меня до сихъ поръ.

Но вотъ эпизодъ, который сдѣлалъ еще гораздо большее впечатлѣніе на все наше семейство; тутъ дѣло шло о жизни и смерти одного изъ его членовъ.

Матушка получила письмо отъ своего брата Фаддея Г., жившаго въ Минской губерніи, извѣщавшее, что онъ

ѣдетъ къ намъ провести нѣкоторое время. Мы, дѣти, обрадовались этому: добрый дядя привозилъ намъ всегда прекрасные гостинцы. Тогда никто почти не ѣздилъ на почтовыхъ, а на своихъ или нанятыхъ у Жидовъ или у Татаръ лошадей. Дядя ѣхалъ въ своей коляскѣ, на тройкѣ своихъ же лошадей, съ человѣкомъ и велъ съ собою хорошенькую верховую лошадку въ подарокъ для меня, старшаго своего племянника. На одномъ отдыхѣ въ корчмѣ, не доѣзжая до насъ верстъ за сорокъ, онъ засталъ незнакомаго господина, который также тамъ обѣдалъ и кормилъ лошадей. Тотъ отрекомендовался какъ помѣщикъ Виленской губерніи, Зборомирскій. Это былъ умный, пріятный человѣкъ; они скоро сблизились, и какъ оба ѣхали въ одну сторону, то Зборомирскій предложилъ ѣхать обомъ вмѣстѣ, въ его покойной бричкѣ на рессорахъ, а коляску дяди съ служителями отправить впередъ. Дядя принялъ предложеніе; спутникъ былъ пріятный, веселый собесѣдникъ. Верстъ за девять не доѣзжая Ружаны, въ хорошей гостиницѣ они заночевали, для того, чтобы дядя могъ прибыть къ намъ на другой день утромъ. Они оба спали въ одной большой комнатѣ; ночь была жаркая, дядя не могъ уснуть, но, чтобы не разбудить товарища, лежалъ спокойно. Онъ замѣтилъ, что тотъ тоже не спитъ, время отъ времени привстаетъ на постелѣ, оглядывается и прислушивается. Это удивило моего дядю. Потомъ онъ увидѣлъ, какъ Зборомирскій, свѣвъ на постелѣ и взявъ въ обѣ руки подушку, протягивалъ уже одну ногу, какъ бы намѣреваясь встать; но дядя кашлянулъ, и товарищъ, взбывъ только подушку въ рукахъ, положилъ ее на мѣсто и самъ легъ. Г. старался уже не уснуть. Такъ прошла ночь. „Вы, кажется худо спали“, сказалъ вставая дядя.—„Да, душно было, да и не могъ справиться съ моею подушкой“.

Путешественники уѣхали довольно рано и, прибывъ въ Ружану въ 9 часу утра, заѣхали на почтовую станцію, гдѣ

уже ждали лошади моего дяди; отъ смотрителя онъ узналъ, что родители мои дома. Станція стояла среди рынка, а какъ это было воскресенье, торговый день, то на рынокъ собралось много народу изъ мѣстечка и окрестностей. Покуда дядя разговаривалъ съ смотрителемъ, Зборомирскій кликнулъ своего слугу. Это былъ парень лѣтъ 17-ти, его крѣпостной. Но тотъ, вмѣсто того чтобы послушаться, изъ сѣней кинулся опрометью въ толпу народа и оттуда сталъ кричать: „Держите моего барина, онъ убійца!“ Народъ бросился къ почтѣ, но смотритель заперъ входную дверь, а чрезъ другую позвалъ ямщиковъ и велѣлъ не выпускать никого. Зборомирскій хотѣлъ уйти, но его задержали. Случилось такъ, что у насъ былъ тогда земскій исправникъ, прїѣхавшій къ отцу по какому-то дѣлу. За нимъ послали. Исправникъ снялъ тутъ же первые допросы съ обвиняемаго, слуги и съ моего дяди. Оказалось, что промышлявшій такимъ образомъ по большимъ дорогамъ бандить былъ не Зборомирскій, а вѣкто Зеньковичъ, дворянинъ Витебской губерніи. Слуга уличалъ его въ трехъ убійствахъ. По его указанію задержали и кучера, какъ сообщника. Тотъ было уже протискался сквозь толпу и хотѣлъ скрыться. По показанію мальчика, первую жертвою Зеньковича былъ его двоюродный братъ; онъ по немъ получилъ наслѣдство. Потомъ онъ убилъ какого-то богатаго подрядчика Жиды; а третьяго Виленскаго помѣщика Войшило или Ворошило. Злодѣянія свои онъ совершалъ такъ. Развѣзжалъ въ задъ и впередъ по большимъ трактамъ, останавливаясь въ лучшихъ корчмахъ и гостиницахъ, гдѣ вѣроятно имѣлъ сообщниковъ. Заставъ тамъ проѣзжаго, у котораго предполагалъ хорошія деньги, онъ знакомился съ нимъ и, угостивши его виномъ съ какою-то наркотическою приправою, заманивалъ къ себѣ въ бричку, а когда тотъ крѣпко заснулъ, тогда, остановясь на дорогѣ, обыкновенно ночью и преимущественно въ лѣсу и

давъ ему, Ивану, держать лошадей, въ двоимъ съ кучеромъ Омою, душили спутника подушкою. Трупъ брата Зеньковичъ привезъ въ городъ и заявилъ, что онъ умеръ отъ апоплексіи; никто не повѣрялъ этого показанія, и его тутъ же похоронили. Двухъ другихъ убійцы зарыли близъ дороги въ лѣсу. Слуги убитыхъ, съ ихъ экипажами, усланы были впередъ и дожидались за какихъ нибудь десять или болѣе верстъ въ указанной имъ Зеньковичемъ корчмѣ. Самъ Зеньковичъ, сдѣлавъ свое дѣло, поворачивалъ назадъ или ѣхалъ въ сторону проселочными дорогами, и тѣмъ все оканчивалось. Теперь такіе нехитрые приемы къ сокрытію убійствъ могутъ показаться фантастическою сказкою; но при тогдашней администраціи, этого было слишкомъ достаточно, и все легко сходило съ рукъ.

Въ подтвержденіе своихъ словъ, Иванъ прибавилъ, что въ бричкѣ, подъ новымъ тикомъ, которымъ она обита, должны быть слѣды крови, бросившейся изъ носа у одного изъ убитыхъ, когда его душили. Сняли тикъ и дѣйствительно подъ нимъ, на войлокѣ, нашли большія кровавыя пятна. Иванъ сказалъ, что онъ давно искалъ удобнаго случая, чтобы отдать убійцу въ руки правосудія, тѣмъ болѣе, что рано или поздно Зеньковичъ непременно убилъ бы или отравилъ бы и его и кучера.

Зеньковичъ, послѣ краткаго раздумья, во всемъ признался, ровно какъ и кучеръ Ома, также его крѣпостной. Показанія свидѣтелей онъ слушалъ хладнокровно, съ циническою улыбкою. По временамъ только дѣлалъ страшные глаза Ивану. Обратясь къ моему дядѣ, онъ сказалъ: „Счастіе ваше, что вы не пьете вина, не спите въ дорогѣ и имѣете карманные пистолеты“. — „Что же вы бы сдѣлали съ моимъ слугою и кучеромъ?“ спросилъ Г. — „Я бы ничего не сдѣлалъ, а прїѣхавши на Ружанскую станцію, сдѣлалъ бы тѣло вашимъ людямъ и сказалъ бы, что вы умерли отъ удара“.

Зеньковичу надѣли на ноги колодки, и исправникъ посадилъ его, предварительно за крѣпкимъ карауломъ, въ одну изъ особыхъ келій Ружанскаго Базиліанскаго монастыря. Жители мѣстечка ходили смотрѣть его; онъ былъ разговорчивъ и привѣтливъ, особенно съ дамами. Я также выпросился къ нему, и меня отпустили съ гувернеромъ. Въ физиономіи его не было ничего замѣчательнаго, кромѣ выраженія какой то непріятной молоджавости (ему было за сорокъ лѣтъ) и чрезвычайно угрюмаго взгляда бѣгающихъ на всѣ стороны глазъ. Это самое выраженіе несвоевременной молоджавости и такой взглядъ я потомъ замѣчалъ у *всѣхъ* убійцъ, которыхъ много въ жизнь свою видѣлъ. Случалось встрѣчать тѣже признаки и у другихъ такихъ, которые никогда не были подъ уголовнымъ судомъ, и даже у субъектовъ принадлежащихъ къ обществу: это все были люди недобрые.

Не могу также не упомянуть объ одной исторической личности изъ числа обитателей окрестностей Ружаны. Это былъ знаменитый Цейзигъ, въ послѣдствіи прославившійся двукратнымъ поддѣльваніемъ Россійскихъ ассигнацій. Въ 1811 году, онъ, обще съ своимъ шуриномъ Тюркомъ, содержалъ въ арендѣ одну изъ мызъ Ружанскаго графства. Онъ родился превосходнымъ артистомъ во всѣхъ родахъ искусства: былъ музыкантъ, рисовальщикъ, скульпторъ, гравёръ, неподражаемый каллиграфъ. По праздникамъ сосѣдніе помѣщики и арендные содержатели имѣній князя Салтыги съѣзжались въ Ружану къ обѣднѣ, а потомъ собирались у насъ на завтракъ. Въ числѣ ихъ постоянно бывалъ Цейзигъ. Намъ дѣтямъ онъ привозилъ разныя свои издѣлія; это были рѣзныя корбочки, вещицы изъ слоновой кости и янтаря, клѣтки для птицъ, все самой изящной отдѣлки. Отцу нашему, курившему табакъ, онъ дарилъ трубки, глиняныя и деревянныя и чубуки, съ рѣзбою и всѣми возможными украшеніями: это были вполнѣ художественныя про-

изведенія. Смѣло можно сказать, что если бы Цейзигъ посвятилъ себя исключительно искусству, то изъ него вышелъ бы второй Бенвенуто Челлини. Къ сожалѣнію удивительныя его способности приняли преступное направленіе.

Оставя сельское хозяйство, Цейзигъ поступилъ на службу въ канцелярію Виленскаго университета. Каллиграфическія его работы славилась повсюду и цѣнились дорого; на примѣръ за дипломы на ученые степени, то-есть за заголовки и 8 или 9 строкъ письма, онъ получалъ по десяти и болѣе червонцовъ. Дальнѣйшая біографія его въ главныхъ чертахъ слѣдующая.

Въ Вильнѣ еще онъ дебютировалъ къ своей несчастной карьерѣ тѣмъ, что и самъ и его пріятели постоянно бывали въ театрѣ по билетамъ его фабрикаціи. Это было возможно въ Вильнѣ, гдѣ тогда былъ и долго еще потомъ просуществовалъ партеръ съ скамейками безъ нумерованныхъ мѣстъ. Вскорѣ потомъ, въ исходѣ 20-хъ годовъ, Цейзигъ взялъ въ аренду маленькое имѣніе въ Слуцкомъ уѣздѣ (Минской губ.) и тамъ на большую ногу завелъ фабрику ассигнацій стараго образца. Бумагу для этого онъ приготовлялъ самъ изъ веленовой. Тюркъ пускалъ въ обращеніе издѣлія своего шурина, но разъ какъ-то, мѣняя ихъ неосторожно, былъ пойманъ; въ домѣ Цейзига произведенъ былъ обыскъ, и оба они попали въ тюрьму въ Минскъ. Дѣло объ этомъ, какъ я всѣ дѣла того времени, тянулось долго. Между тѣмъ Цейзигъ такъ умѣлъ расположить къ себѣ полицмейстера, что ему позволено было, на честное слово, ходить гулять одному. Цейзигъ употребилъ во зло оказанное ему довѣріе и бѣжалъ. Вскорѣ потомъ бѣжалъ и Тюркъ; оба очутились въ Вѣнѣ. Тамъ Цейзигъ сталъ дѣлать банкноты. Не смотря на безукорызненную отдѣлку Австрійскихъ ассигнацій, Вѣнская полиція стала ихъ подозрѣвать, и они съ шуриномъ подъ чужими именами, по сфабрикованнымъ паспортамъ, перебрались въ Подольскую губернію,

гдѣ, поселясь въ уединенномъ хуторѣ, нашъ артистъ взялся поддѣлывать ассигнаціи, выпущенныя уже по новому, будто бы усовершенствованному образцу. Для того, чтобы ихъ безопасно пускать въ обращеніе, они придумали слѣдующую хитрость. Въ теперешнемъ Царствѣ Польскомъ, на границѣ Галиціи, есть мѣстечко Влодава, гдѣ бывають большія ярмарки лошадей, особенно откормленныхъ на убой воловъ. Тюркъ постоянно закупалъ тамъ цѣлыя ихъ гурты, которые потомъ продавалъ въ розницу по городамъ и мѣстечкамъ. Такъ онъ мѣнялъ Цейзиговскія деньги на настоящія. Они промышляли такимъ образомъ около двухъ лѣтъ и собрали большія деньги. Поддѣлка была верхъ совершенства, такъ что подобная операція могла бы продолжаться неопредѣленное время, еслибы не случилось слѣдующее. Тюркъ, по дѣламъ своей торговли, былъ въ безпрестанныхъ разъѣздахъ подъ принятымъ псевдонимомъ и по паспортамъ работы своего шурина. Въ одинъ изъ такихъ вояжей онъ проѣзжалъ чрезъ городъ Кобринъ, Гродненской губерніи. Тутъ, на почтовой станціи, гдѣ ему перемѣняли лошадей, нашелся человѣкъ, который, во время поимки Цейзига въ Слуцкомъ уѣздѣ, служилъ у него лакемъ. Онъ узналъ Тюрка въ лицо и сталъ требовать уплаты 300 злотыхъ, которые будто бы онъ, съ Цейзигомъ, остался ему должны. По всему вѣроятію это была ложь, и бывшій лакей, знавшій ихъ дѣла, хотѣлъ этимъ воспользоваться. Еслибы Тюркъ отдалъ ему требуемыя небольшія деньги, все, быть можетъ, этимъ и кончилось бы. Но онъ счелъ за лучшее, на основаніи подорожной, отпереться отъ своей личности и утверждать человѣку, что видитъ его въ первый разъ. Тогда человѣкъ, предупредивъ станціоннаго смотрителя, чтобы медлилъ перемѣною лошадей, заявилъ обо всемъ городничему, и Тюрка задержали. Пошли справки и, не смотря на заpiresательство арестованнаго, добрались и до Цейзига и обоихъ препроводили въ Гродну.

Любопытны отвѣты Цейзига на дѣланные ему въ Губернскомъ Правленіи вопросы. Видя себя окончательно погибшимъ, онъ уже былъ вполне откровененъ и даже позволялъ себѣ сарказмы. Вотъ сущность его показаній. Послѣ побѣга въ Германію, онъ пробовалъ дѣлать банкотелли въ Вѣнѣ; но, замѣтивъ, что полиція зорко слѣдитъ за нимъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что только въ одной Россіи, при тогдашнемъ устройствѣ администраціи, можно долго уклоняться отъ дѣйствія закона и потому перевелъ свою мастерскую въ Подольскую губернію. Онъ хотѣлъ собрать большую сумму и переселиться въ Парижъ или Лондонъ, гдѣ таланты его были-бы оценены по достоинству. Его мечта была сдѣлаться начальникомъ монетнаго учрежденія, императорскимъ или королевскимъ медальеромъ. Онъ горько издѣвался надъ мнимыми ухищреніями въ рисункѣ ассигнацій новаго образца. „Для такого артиста, какъ я, говорилъ онъ, гораздо труднѣе было поддѣлываться подъ первобытную простоту и грубую отдѣлку прежнихъ ассигнацій, чѣмъ копировать неудачныя затѣи новыхъ, тѣмъ болѣе, что на старыхъ ассигнаціяхъ были три подлинныя подписи, которыя нужно было поддѣлывать особо на каждомъ экземплярѣ, что много замедляло работу, на новыхъ же подписи эти замѣнены печатными-грифами, которые стоитъ только хорошо сфабриковать одинъ разъ на всегда“. Когда его спросили, какъ различать его кредитные билеты отъ настоящихъ, Цейзигъ отвѣчалъ, что по наружному осмотру онъ и самъ не въ состояніи найти какуюнибудь разницу; но качество его бумаги лучше казенной, и потому единственное средство оторвать кусокъ ассигнаціи: если края отрыва совершенно ровны, какъ бы отрѣзанные, то это его издѣліе, въ казенной же ассигнаціи будутъ по краямъ неровности и виточки. Онъ прибавилъ: „Правительство истратило два или болѣе милліона на устройство машины, печатающей новыя ассигнаціи; деньги—брошенные даромъ“. Онъ же дѣлалъ

слѣдующее предложеніе: если его простятъ и обезпечать хорошимъ содержаніемъ, то онъ устроитъ снарядъ своего изобрѣтенія, съ извѣстнымъ ему одному секретомъ, и будетъ дѣлать такіе кредитные билеты, что правительство можетъ не опасаться никакой поддѣлки. Когда ему возразили, что то что сдѣлалъ одинъ человѣкъ, можетъ быть повторено другимъ, то онъ съ улыбкою невыразимой самонадѣянности сказалъ: „Вы не такъ говорите; скажите, что сдѣлалъ Цейзигъ, можетъ сдѣлать другой Цейзигъ, и будете правы; только дѣло въ томъ, что этаго другаго придется долго ждать“.

Предложеніе не было принято.

Процессъ Цейзига, не смотря на явныя улики и собственное признаніе, длился безконечно. Подсудимый содержался въ тюрьмѣ въ Минскѣ. Ему не давали никакихъ металлическихъ инструментовъ; но онъ, съ помощью простой щепки, выдѣлывалъ изъ черной и желтой глины множество чудныхъ предметовъ, чашекъ, кружекъ, трубокъ, подсвѣчниковъ, съ рѣзьбою и барельежами. Вещи эти хранятся въ домахъ у тамошнихъ помѣщиковъ, какъ драгоценная рѣдкость. Въ проѣздъ императора Александра I чрезъ Минскъ, губернаторъ поднесъ Его Величеству какую-то группу, сдѣланную Цейзигомъ, и эта работа заслужила особенное вниманіе Государя; однакожъ приношеніе это не повело къ тому, для чего было учинено. Государь не помиловалъ современнаго Бенвенуто.

Цейзигъ, за старостью, былъ приговоренъ только къ ссылкѣ на поселеніе, да и тамъ получилъ позволеніе проживать въ Тобольскѣ. Докторъ Садовскій, (извѣстный потомъ практикъ въ Петербургѣ) зналъ его тамъ и лечилъ. Онъ рассказывалъ мнѣ, что дѣланіе ассигнацій перешло у Цейзига съ лѣтами въ мономанію; онъ занимался этимъ и въ Тобольскѣ, но поддѣлка его стала уже такая неискусная, что никого не вводила въ обманъ, такъ что власть, признавая его впадшимъ въ дѣтство, не преслѣдовала его за это.

Теперь перехожу къ достопамятному 1812 году*). Кругозоръ мой, правда, въ то время ограниченъ былъ одною небольшою мѣстностію, и взглядъ не могъ быть глубокимъ, тѣмъ не менѣе я думаю, что когда воспроизведено будетъ вѣрно то, что я самъ видѣлъ и что доходило до моего слуха, то и это найдетъ себѣ, хотя и очень скромное, мѣсто въ огромной исторической картинѣ вѣковаго событія и не будетъ признано излишнимъ для общей его характеристики.

Въ началѣ 1812 года все наше семейство изъ мѣстечка Ружаны переселилось въ купленное отцомъ моимъ имѣніе, по другую сторону города Слонима, въ 15 верстахъ отъ него, въ мѣстность расположенную среди первобытныхъ лѣсовъ, простиравшихся во всѣ стороны, сплошною массою, съ небольшими промежутками мызъ и деревень, на нѣскольکو десятковъ верстъ.

Война уже была объявлена; главные силы Наполеоновской арміи были, какъ извѣстно, направлены чрезъ Вильну; въ нашемъ же околѣдкѣ появлялись одинъ за другимъ отряды войскъ Австрійскихъ, Прусскихъ и Саксонскихъ. Они встрѣчались иногда съ отрядами арміи князя Багратиона и имѣли съ ними незначительныя стычки; но тогда уже было замѣтно, что этотъ Германскій контингентъ Наполеона дѣйствовалъ, правильно бездѣйствовалъ, съ предвзятымъ намѣреніемъ. Слышно даже было, что отряды эти встрѣчались на большой дорогѣ съ Русскими войсками, и оба войска расходились каждое въ свою сторону безъ выстрѣла. Часто также Австрійцы и Пруссаки ходили, безъ видимой надобности, взадъ и впередъ, возвращаясь на оставленные ими пункты, какъ бы только для того, чтобы выиграть время. Одни Саксонцы, корпусъ генерала

*) Съ этого года я началъ писать мои записки, изъ которыхъ составились статьи Калейдоскопа.

Ренье (Regnier), поступали добросовѣстно, дрались когда только могли, и за это не разъ дорого поплатились, не бывъ поддерживаемы своими псевдо-союзниками. Да и какъ Наполеонъ могъ думать, что Германскія государства, которые онъ столько разъ побѣждалъ и унижалъ, будутъ ему служить вѣрно въ сумасбродной экспедиціи, предпринятой имъ противъ Россіи? Не надо было стратегомъ, чтобы понимать, что изъ войскъ такихъ народовъ, на симпатію которыхъ нельзя рассчитывать, не слѣдовало дѣлать своего арьергарда.

Я конечно не имѣю претензіи писать новую исторію или подробную критику кампаніи 1812 года; но, какъ современникъ, не могу не замѣтить въ нѣсколькихъ словахъ того, что бросалось въ глаза всякому проану. Въ этомъ историческомъ событіи подтвердилась какъ нельзя нагляднѣе поговорка древнихъ: „*Quem Jovis vult perdere, prius dementat*“*). Вся кампанія, начиная съ ея нелѣпаго повода (*casus belli*) до самой развязки, представляетъ рядъ непонятныхъ ошибокъ, грубыхъ заблужденій, отсутствія всякаго соображенія, неумѣнія выбирать людей. Самый планъ дѣйствій, по свидѣтельству современныхъ мемуаровъ, основанъ былъ на данныхъ совершенно ложныхъ. Наполеонъ, смѣшивая понятіе о Русскомъ Сенатѣ съ понятіемъ о древнемъ Римскомъ институтѣ тогожъ названія, приписывая первому власть и значеніе послѣдняго и полагая при томъ, что мѣстопробываніе главнаго Сената есть Москва, сердце Россіи, вообразилъ себя, что, взявъ Москву и плѣнивъ Сенатъ, заставитъ послѣдній составить актъ, низлагающій Императора съ трона и превозглашающій его, Наполеона, властелиномъ Россіи. Для привлеченія же къ себѣ народа онъ полагалъ, по взятіи Москвы, оповѣстить уничтоженіе крѣпостнаго состоянія. Вотъ главныя пружины его стратегическихъ дѣйствій

въ 1812 году. Но и къ осуществленію такого фантастическаго плана онъ приступалъ непослѣдовательно и даже самъ себя противодѣйствовалъ. Онъ хотѣлъ расположить въ свою пользу народъ, а въ тоже время войска его повсемѣстно грабили и оскорбляли такъ глубоко въ Русскомъ народѣ поселенное религіозное чувство. Ограбивъ встрѣчавшіяся сами въ нихъ располагались и ставили своихъ лошадей. Въмѣсто того чтобы снискать себѣ любовь, Наполеонъ у Русскаго народа прослылъ Антихристомъ, и поведеніемъ своей арміи, обыкновенную войну превратилъ въ самую ожесточенную—въ войну религіозную.

Равно, крайне-неполитично было поведеніе императора Французовъ относительно Поляковъ и Литвиновъ, то есть населенія западныхъ губерній. Извѣстно, какимъ пламеннымъ Польскимъ патриотизмомъ пылала Литва въ то время; она, быть можетъ, превосходила въ этомъ коренныхъ Поляковъ. Для Литвиновъ Наполеонъ былъ полу-богомъ, идеаломъ земнаго величія и могущества, ниспосланнымъ свыше для возстановленія исторической Польши въ единствѣ съ Литвою, а предпринятую кампанію считали они средствомъ къ осуществленію этой задушевной мечты. По этому они готовы были на всевозможныя жертвы. Женщины были буквально *влюблены* въ Наполеона до того, что, не выдавши его никогда, на вѣру изображеній на портретахъ и деньгахъ, рожали дѣтей удивительно похожихъ на императора Французовъ. Это замѣчательный фзіологическій фактъ: въ поколѣнія того времени считалось много лицъ обоего пола съ фзіономіями, живо всепроизводившими извѣстный Наполеоновскій типъ. И что же, этотъ общій восторгъ вдругъ охладѣлъ. Вступивъ въ Варшаву, Наполеонъ созвалъ Сеймъ, но на адресъ его о возстановленіи Польши отвѣчалъ уклончиво, не обѣщая даже ничего положительнаго, и наконецъ создалъ маленькое Варшавское Герцогство (*Duché de*

*) Кого Господь захочетъ наказать, того напередъ лишаетъ ума.

Varsovie), да и то вмѣсто того, чтобы назначить герцога изъ Поляковъ, присоединилъ къ Саксонскому королевству.

Это крайне разочаровало и оскорбило Поляковъ, а еще болѣе Литвиновъ, послѣднихъ особенно потому, что коалиціонная армія вела себя на ихъ земляхъ, какъ въ краѣ непріятельскомъ: войска и ихъ начальники грабили и налагали контрибуцію. Вотъ что я видѣлъ своими глазами.

Городъ Слонимъ, по своему положенію на большой дорогѣ, составлялъ такой проходной пунктъ, что въ немъ одни войска безпрестанно смѣнялись другими. Послѣ Прусаковъ, Австрійцевъ, Саксонцевъ, появлялись Русскіе, а за ними опять разные Германцы. Въ краѣ, по распоряженію главнаго правителя великаго княжества Литовскаго, находившагося въ Вильнѣ, дюка де Бассано (Maret), введены уже были учрежденія по формѣ Наполеоновскаго правленія. Въ Слонимѣ былъ подпріфектомъ тамошній помѣщикъ Феликсъ Бронскій (въ послѣдствіи бывшій долго уѣзднымъ предводителемъ дворянства, см. II главу Калейдоскопа, Воспом. о Новосильцевѣ). У него всегда были готовы два мундира: одинъ по Французской, другой по Русской формѣ, и онъ надѣвалъ то тотъ, то другой, дѣлаясь попеременно, какъ Протей, то подпріфектомъ, то предводителемъ, смотря по тому, которой изъ воюющихъ державъ войска вступали въ его городъ. Онъ былъ какъ нельзя болѣе на своемъ мѣстѣ, одинаково привѣтливый и ладившій и съ тѣми, и съ другими. Онъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова и до того способенъ былъ проникаться по обстоятельствамъ своею двойною ролью, что въ именины Наполеона (15 Августа), когда въ Слонимѣ были (Саксонцы, онъ въ церкви „канониковъ регулярныхъ“ сказалъ прекрасную рѣчь и отъ сердечнаго умиленія плакалъ; потомъ, когда осенью наступилъ какой-то царскій праздникъ, и въ Слонимѣ были уже Русскіе, онъ, въ той же церкви, произнесъ неменьше тро-

гательный спичъ, также съ аккомпаниментомъ слезъ.

Въ первые мѣсяцы кампаніи, въ Слонимѣ была нѣкоторое время главная квартира командира Австрійскаго корпуса, фельдмаршала-лейтенанта князя Шварценберга. Отецъ мой былъ тогда председателемъ коммисіи для удовлетворенія потребностей войскъ (kommissya potrzeb wojskowych), учрежденной главнымъ Литовскимъ правленіемъ въ каждомъ уѣздѣ. Шварценбергъ, на другой же день по своемъ прибытіи, вызвалъ къ себѣ моего отца и объявилъ, что нужно съ города Слонима взять 1000 червонныхъ контрибуціи. Антоній П. отвѣчалъ, что онъ не дастъ ни одного червонца, такъ какъ контрибуція налагается на города только въ непріятельскомъ краѣ, а въ Слонимѣ введена уже Французско-императорская организація, и потому городъ этотъ и уѣздъ не могутъ считаться непріятельскими. Отецъ прибавилъ, что коммиссія, въ которой онъ председательствуетъ, обязана исполнять законныя требованія начальниковъ войскъ, но такъ какъ въ ея инструкціяхъ не упоминается о контрибуціяхъ, то онъ рѣшительно отказывается въ этомъ вымогательствѣ. Въ случаѣ же употребленія княземъ какихъ нибудь принудительныхъ мѣръ, будетъ объ этомъ донесено императорскому комиссару, управляющему Гродненскою губерніею, генералу Шансенону (Chansenson).

Шварценбергъ, встрѣтивъ такое неожиданное сопротивленіе, не хотѣлъ однакожь показывать, что онъ уступаетъ передъ нимъ; велѣлъ отцу моего взять подъ арестъ и отвести на гаубтвахту. Помню, какъ матушка и мы дѣти плакали, видя отца идущаго мимо нашихъ окошекъ между двумя Австрійскими солдатами, и какъ онъ, улыбаясь, дѣлалъ намъ знаки, чтобы насъ успокоить. И въ самомъ дѣлѣ на другой день его выпустили. О контрибуціи уже не было рѣчи; но Шварценбергъ, озлобленный своею неудачею, чтобы какъ нибудь

отомстить за нее, обратился къ отцу съ требованіемъ уже мнимо законнымъ. Ему понадобилось будто бы 35 лошадей подъ пушки, но не простыхъ крестьянскихъ лошадей, а сильныхъ и рослыхъ. Отецъ принужденъ былъ исполнить это требованіе, хотя и неслишкомъ вѣрилъ въ необходимость требуемаго. Онъ сдѣлалъ раскладку на болѣе зажиточныхъ помѣщиковъ, а въ томъ числѣ изъ своей конюшни ассигновалъ двухъ самыхъ рослыхъ лошадей изъ подъ кареты. Мы съ матушкой были уже въ деревнѣ, когда съ открытымъ листомъ за подписью отца прибыли четыре Австрійскихъ улана и увели двухъ коней. Матушкѣ особенно жаль было одной, любимой ея, соловой кобылы съ гривой и хвостомъ чернымъ. Всѣ собранныя лошади были потомъ проданы Жидамъ, и такимъ образомъ Шварценбергъ выручилъ почти всю сумму, которой требовалъ себѣ въ контрибуцію. Помѣщики, давшіе лошадей, откупали ихъ потомъ у Жидовъ.

Этотъ самый князь Шварценбергъ, проходя разъ къ подпрефекту Броньскому, увидѣлъ, какъ на дворѣ люди выколачивали прекрасную медвѣжью шубу. Потолоквалъ о дѣлѣ, князь вдругъ сказалъ: „Г. подпрефектъ, я видѣлъ на дворѣ хорошую шубу; она ваша?“ Да, моя. „Сколько она стоитъ?“ Я заплатилъ за нее въ Вильнѣ сто червонцевъ. „Это недорого“, сказалъ князь. „Мы, я думаю, пробудемъ въ Россіи до зимы; мнѣ понадобится шуба, но не знаю, гдѣ бы купить. Не можете ли мнѣ уступить свою за то, что вы за нее дали?“ Броньскій, хотя неохотно, по свойственной ему дипломатіи, согласился. Князь велѣлъ отнести шубу къ себѣ, но вскорѣ потомъ, выступивъ въ походъ, деньги отдать забылъ. И это былъ членъ высшей Австрійской аристократіи!

Но что говорить о коалиціонныхъ князьяхъ, когда короли Наполеоновской манушктуры поступали не лучше, если еще не хуже. Въ городѣ Несвижѣ (Минской губерніи), въ историческомъ замѣ-

кѣ князей Радзивилловъ, была тихая квартира короля Вестфальскаго, Іеронима Бонапарте (отца извѣстнаго принца Plon-Plon и принцессы Матильды, разведенной жены Анатолія Демидова, дюка de San Donato). Мѣстное дворянство вздумало въ честь императорскаго брата дать большой обѣдъ, который онъ благосклонно принялъ. Обѣдъ былъ данъ въ самомъ же замкѣ, такъ какъ въ Несвижѣ-несыскалось помѣщенія для многочисленныхъ гостей изъ королевской свиты.

Коронованный гость былъ за столомъ очень любезенъ, ему и его генераламъ особенно нравилось столѣтнее Венгерское. Но когда встали отъ стола, то прислуга его Вестфальскаго величества, по приказанію его гофмаршала, вѣроятно на память о веселомъ пиршествѣ, убрала весь сервизъ и все серебро, бывшее за обѣдомъ. О томъ же королѣ разсказывали, что онъ, лечась въ Несвижѣ отъ какой-то болѣзни, бралъ ванны изъ краснаго вина. Это вино, быть можетъ по распоряженію тогоже заботливаго гофмаршала, продавалось Жидамъ, а тѣ переливали его въ бутылки и, снабдивъ прекрасно гравированными ерлыками, пускали въ продажу.

Вотъ какія воспоминанія оставилъ по себѣ въ тамошнемъ краю король Іеронимъ, старшій братъ императора Наполеона великаго.

Слѣдуя примѣру своихъ достойныхъ начальниковъ, Австрійскіе и Пруссіе солдаты преусердно грабили кого могли; всѣ жалобы на нихъ оставались безъ послѣдствій. Да правду сказать, солдатамъ нельзя было и не грабить; потому что начальники, хотя и получали для войскъ провіантъ натурою и деньгами, во первыхъ тутъ же продавали Жидамъ, а деньги брали себѣ, предоставляя солдатамъ кормиться, какъ сами знаютъ. Это однакожъ не относится къ Саксонцамъ. Они во всю компанію и во всѣхъ отношеніяхъ вели себя какъ нельзя лучше. Корпусный ихъ командиръ, Рензе, подъ страхомъ смертной казни, воспре-
тилъ войскамъ всякое насиліе и само-

управство. Въ Слонимѣ, одинъ Саксонскій унтеръ-офицеръ спросилъ себя въ кондитерской чашку кофе, и уходя унесъ серебрянную ложечку. Хозяинъ догналъ его на улицѣ и отобралъ украденное. Но къ несчастью унтеръ-офицера, сцену эту видѣли два проходившіе офицера и донесли корпусному командиру. Несчастный, не смотря на мольбы хозяина, былъ въ тотъ же день разстрѣлянъ на рынкѣ, противъ самой кондитерской.

Французскія войска, слѣдую чрезъ Виленскую и теперешнюю Ковенскую губерніи, не рѣдко также пускались въ грабительство. Вотъ замѣчательный примѣръ ихъ дисциплины.

По объявленіи войны, тетка моя, сестра матушки, г-жа Х. пріѣхала къ намъ въ деревню на все время продолженія войны. Пламенная почитательница Наполеона и Французовъ, она управляющему своимъ имѣніемъ, расположеннымъ близъ Прусской границы, приказала сторожить Французовъ и первый эскадронъ или первую роту, которая переступитъ чрезъ границу, пригласить къ ней въ деревню и угостить на славу. Первый на Литовскую землю вступилъ драгунскій эскадронъ, который, съ дозволенія полковаго командира, управляющій и повелъ въ деревню. Тамъ, въ саду, былъ уже приготовленъ пиръ. Драгуны, угостившись какъ слѣдуетъ, вмѣсто того, чтобы поѣхать на свои квартиры, вздумали пойти въ господскій домъ, и тамъ, не смотря на увѣщанія амфитріона, забрали все, что могли увезти съ собою, а все прочее разорили; переломали мебель, изрубили палашами рояль и картины, перебили зеркала и стекла въ окнахъ. Тетушка однакожъ этимъ не разочаровалась и сказала, что это исключеніе, что управляющій имѣлъ несчастіе попасть на такой эскадронъ, и т. п.

Такой недостатокъ всякой дисциплины въ край, который Наполеонъ считалъ преданнымъ ему, былъ очень вреденъ его интересамъ. Поведеніе и Фран-

цузскихъ и коалиціонныхъ войскъ, не могло не возстановить всѣхъ противъ затѣявшаго войну. Не всѣ же такъ слѣпо были влюблены какъ тетушка Х. И въ самомъ дѣлѣ, полки Литовскихъ охотниковъ, на которые Наполеонъ много разсчитывалъ, формировались очень плохо; въ нашемъ и пяти или шести смежныхъ уѣздахъ, на силу составилось всего два пѣхотныхъ полка: Биспинка въ Слонимскомъ и Раецкаго въ Новогрудскомъ уѣздахъ.

Все, какъ бы по систематически обдуманному плану, складывалось на то, чтобы кампанія 1812 года повела Наполеона къ конечной гибели. Не говорю уже о самой побудительной причинѣ къ войнѣ, о географически-несбыточной мечтѣ покорить Россію; но образъ веденія войны, распоряженія и мѣропріятія представляютъ одни несообразности, недостатокъ предусмотрительности, незнаніе всякаго рода. Могло ли быть что нибудь не политичеиъ того плана, по которому войска, враждебныя императору Французовъ, составляли (какъ уже сказано) аріергардъ его арміи, или того, что и этимъ и Французскимъ войскамъ позволялось разорять край, считающійся союзнымъ и чрезъ который, во всякомъ случаѣ, армія, побѣдивъ ли, или бывъ побѣждена, должна была возвращаться?

При томъ трудно повѣрить, что дѣлалось по части интендентуры и до какихъ размѣровъ доходило въ ней дерзкое, систематическое казнокрадство. Только послѣдняя Франко-германская война, гдѣ тоже самое со стороны Французовъ повторилось, можетъ дать объ этомъ нѣкоторое понятіе. Правители западнаго края, избранные самимъ Наполеономъ, обманывали и обкрадывали его безсовѣстно. Главнымъ правителемъ края былъ въ Вильнѣ дюкъ де Бассано; подъ его начальствомъ Гродненскою губерніей управлялъ генералъ Шансенонъ. Оба они усердно набивали свои карманы и болѣе ни о чемъ не заботились, оставляя армію на произволъ судь-

бы, то есть на произвол грабежа и мародерства. Такъ на примѣръ по заготовленію быковъ для арміи. Эта операція большею частію совершалась на бумагѣ, а казенныя деньги, отпускаемыя на закупку фиктивныхъ быковъ, раздѣлялись интендантами съ поставщиками—Жидами. Всему городу Вильнѣ извѣстенъ слѣдующій фактъ. Въ Виленскихъ цейгаузахъ хранились заготовленные заранее 600,000 штукъ бараньихъ полушубковъ, столько же паръ теплыхъ рукавицъ и кенегъ для арміи на зимнее время. Когда же въ центрѣ Россіи солдаты буквально замерзали, то полушубковъ, рукавицъ и кенегъ уже не было: они, въ виду всего города, были проданы Жидамъ. Послѣ этого неудивительно, что генералъ Морозъ имѣлъ такое рѣшительное вліяніе на исходъ кампаніи.

Все это—элементы, ведущіе къ тому заключенію о кампаніи 1812 и о Наполеонѣ вообще, которое выскажемъ ниже.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ 1812 года прибылъ въ Слонимъ Французскій генералъ Конопка. Онъ былъ уроженецъ тамошняго уѣзда. Ихъ было четыре брата и три сестры. Трое изъ братьевъ, генералъ Иванъ, старшій братъ его Августъ и средній Винцентій, служили во Французской арміи и отличились въ Испанской войнѣ; четвертый, Федоръ, былъ тогда еще малолѣтній и въ послѣдствіи служилъ въ гвардейскомъ уланскомъ полку въ Варшавѣ, при Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ. Винцентій, въ 20-хъ годахъ, былъ Слонимскимъ исправникомъ и городничимъ (см. Калейд. Воспом. о Новосильцевѣ). Изъ сестеръ, старшая, не отличавшаяся ничѣмъ, вышла замужъ за кого-то, котораго фамилію я забылъ, овдовѣла и поселилась въ Слонимѣ; средняя, Юлія, была необыкновенная красавица; послѣ перваго мужа генерала Безобразова, овдовѣвъ, вышла за Дм. Павл. Татищева, нашего посланника въ Вѣнѣ. Младшая, Аделаида, была за мужемъ за Слонимскимъ помѣщикомъ Ельцомъ. Эта семья

отличалась необыкновенною вѣтреностію, легкомысліемъ и вообще отсутствіемъ умственныхъ качествъ; а между ними болѣе всѣхъ, быть можетъ, обладалъ этими качествами генералъ. Только Ельцова выдавалась между ними умомъ и образованіемъ.

Генералъ прибылъ въ Слонимъ съ порученіемъ набрать и сформировать уланскій полкъ для гвардіи Наполеона. Это долженъ былъ быть третій гвардейскій полкъ этого оружія (3-e régiment de chevaux légers, lanciers de la garde impériale), и главное условіе къ составленію его было то, что онъ долженъ былъ весь состоять изъ дворянъ. Несмотря на все, что Наполеономъ и его союзниками сдѣлано было въ тамошнемъ краѣ, какъ-бы нарочно для того, чтобы охладить порывы наполеонизма, на первый призывъ явилось множество молодыхъ людей лучшихъ фамилій, добываясь чести быть рядовыми 3-го легкоконнаго полка. Изъ моихъ родныхъ, два двоюродные братья Алоизій и Карлъ П. и дядя Фердинандъ Б. были приняты въ числѣ первыхъ. Мнѣ тогда былъ 12-й годъ, и я помню, какъ горько плакалъ я, что не могъ быть товарищемъ брата Карла, который у насъ воспитывался. И ему было не болѣе 17 лѣтъ. Вскорѣ мой дядя и оба брата были произведены въ вахмистры (maréchaux de logis). Всѣмъ въ полку заправлялъ данный какъ бы въ няньки Конопкѣ, старый служивый, гро-мажоръ (gros-majors) Таньскій; безъ него, при неимовѣрной вѣтрености генерала, ничего бы сдѣлано не было.

Въ скоромъ времени набралось болѣе 800 человекъ высшаго и титулованнаго дворянства. Князья Вороневскіе, графы Залускіе, графы Твинкевичи и др. пресуердно, посреди улицъ Слонима, чистили скребницами лошадей, учились фехтовать пиками, маршировать повзводно и повскадронно. Слонимское общество, да и самъ генералъ Конопка, по происхожденію мелкій шляхтичъ, за честь себя считали принимать въ домѣ тайныхъ рядовыхъ.

Грустно подумать, какая судьба ожидала эту чалангу, составлявшую самый цвѣтъ молодежи тамошняго края. Судьба эта совершилась еще до окончательнаго разгрома большой арміи. Да и не могло быть иначе съ такимъ сумасбродомъ, каковъ былъ генераль.

Глухіе слухи о неудачахъ Наполеона расходились уже въ краѣ. Полковникъ Биспанкъ съ своимъ пѣхотнымъ полкомъ вышелъ пзъ узда и успѣлъ соединиться съ отрядомъ Саксонскаго войска, а Конопка все оставался на мѣстѣ. Стало даже пзвѣстно, что Русскій генераль Чаплицъ съ цѣлою дивизіею, кавалеріею, пѣхотою и артиллеріею, идетъ къ Слобнму, а Конопка, который могъ свободно ретироваться къ Вильнѣ, не трогался съ мѣста. Когда ему говорили, что онъ рискуетъ потерять весь свой полкъ, то онъ отдѣливался шутками и говорилъ, что хочетъ, чтобы молодцы-уланы познакомились съ запахомъ пороха. Охотники-лазутчики каждый день приходили къ нему съ донесеніями о наступательномъ движеніи Чаплица, но ничто не могло вывести его изъ непонятной апатіи. Наконецъ, въ одинъ день, когда мой братъ Карлъ П. былъ у генерала на ординарияхъ, приближалъ Еврей съ донесеніемъ, что непріятель уже только за нѣсколько верстъ и по тремъ дорогамъ идетъ на городъ. Братъ посѣтилъ доложить генералу и просилъ его приказавій, но Конопка не отвѣчалъ ничего. Тогда гро-мажоръ Таньскій вошелъ къ нему и настоятельно требовалъ принятія мѣръ. Тутъ только генераль рѣшился отдать приказъ сѣдлатъ лошадей. Но уже было поздно: едва полкъ успѣлъ собраться, какъ войска Чаплица по тремъ направленіямъ вошли въ городъ и окружили полкъ со всѣхъ сторонъ. Завязалось жаркое дѣло; оно продолжалось очень недолго. Молодые гвардейцы дрались отчаянно, но не могли устоять противъ превосмогающихъ сверхъ всякой соразмѣрности силъ. Добрый генераль Чаплицъ отдалъ приказъ, чтобы сколько можно шадить жизнь этихъ недорос-

лей и забирать ихъ въ плѣнъ. Ему было ихъ жаль тѣмъ болѣе, что они были едва на половину вооружены одними саблями и пиками. У немногихъ только были пистолеты. Наполеоновскіе уланы, потерявъ много людей, большею частію плѣнными, разбѣжались въ разные стороны. Тѣмъ, которые побѣжали по Виленскому тракту, удалось уйти и въ самой уже Вильнѣ присоединиться къ Французскимъ войскамъ. Но тѣ, которые спасались по другимъ дорогамъ, всѣ были настигнуты и взяты въ плѣнъ. Генераль Конопка съ нѣсколькими уланами бѣжалъ по черному Новогрудскому тракту. Въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ Слобима, лошади подъ нимъ пала, и онъ, со всѣми слутниками (въ томъ числѣ былъ и братъ мой Алоизій П.) былъ взятъ въ плѣнъ. Жена его, направившись по Виленскому тракту, доѣхала благополучно до Вильны. Плѣннаго генерала отправили въ главную квартиру, а уланы, взятые вмѣстѣ съ нимъ, отосланы были на Кавказъ, гдѣ пробыли въ плѣну болѣе года.

Объ этой катастрофѣ съ 3-мъ полкомъ шво-лежеровъ Наполеоновской гвардіи ходили разные слухи. И въ самомъ дѣлѣ, трудно было объяснить поведение Конопки, который, какъ будто бы умышленно, предалъ свою команду въ руки непріятеля. Говорили, что онъ, растративъ полковую кассу, хотѣлъ покрыть это отдачею своего полка на жертву. Но тѣ, которые его близко знали, утверждали, что такое предположеніе было не нужно для объясненія того, что случилось, что для этого достаточно было одной безразсудной самонадѣянности и хвастливости Конопки. Но какъ понять, что такому человѣку поручено было формировать полкъ и въ такомъ пунктѣ, который, при бездѣйствіи союзныхъ войскъ, легко могъ быть занятъ Русскими войсками! Это одна изъ тѣхъ ребическихъ ошибокъ, которыя въ такомъ множествѣ ознаменовали экспедицію Наполеона.

Послѣ разбитія полка Конопки и очищенія околodka отъ непріятельскихъ войскъ, онъ къ осени былъ окончательно занятъ Русскими войсками, и на мѣсто введенныхъ тамъ формъ Французскаго управленія возстановлены прежнія. Подпрефектъ Бронскій изъ этого званія переименованъ былъ въ уѣздные предводители. временно отъ короны, до новыхъ выборовъ; отецъ мой по прежнему остался предсѣдателемъ межеваго апелляціоннаго суда. Но съ этою перемѣною для несчастной страны начался новый рядъ невзгодъ. Начальники военныхъ отрядовъ нашлись въ невозможности удержать дисциплину, особенно въ прегулярныхъ войскахъ. Казаки стали развѣзжать по деревнямъ и помѣщичьимъ дворамъ и грабить, всякій разъ, когда къ этому представлялась возможность. Для этого они даже имѣли нѣкоторое основаніе, такъ какъ край, въ которомъ введено было Французское управленіе и гдѣ формировались полки для непріятельской арміи, могъ считаться непріятельскимъ.

У насъ въ деревнѣ, съ самаго объявленія войны, приняты были мѣры къ охраненію имущества отъ расхищенія. Я уже сказалъ, что наша усадьба находилась посреди большихъ лѣсовъ. Призванъ былъ на совѣщаніе лѣсничій моего отца, шляхтичъ г. Грохольскій, и онъ называлъ одну мѣстность (урочище) въ главномъ лѣсу, самую недоступную. Это была небольшая поляна, окруженная со всѣхъ сторонъ непроходимой пушею, чрезъ которую не было никакой дороги, ни даже тропинки. Туда довѣренные люди изъ прислуги, подъ предводительствомъ Грохольскаго, перенесли ночами все, что было болѣе цѣннаго въ домѣ, серебро, бронзы, картины, зеркала и т. д. Построенъ былъ на скоро шалашъ, въ которомъ все было сложено, и ночевалъ лѣсничій съ двумя стражниками. Всѣ они имѣли по два заряженныхъ ружья. Мои родители сказали объ этомъ тремъ ближайшимъ сосѣдямъ и пригласили ихъ спрятать ихъ пожитки вмѣстѣ съ на-

шими. Сосѣди такъ и сдѣлали, и каждый далъ отъ себя по одному довѣренному человѣку съ ружьемъ. Провизіи принесли имъ по ночамъ.

Такимъ образомъ наша и нашихъ сосѣдей движимость была застрахована отъ военныхъ случайностей. Но кромѣ того въ нашемъ домѣ для насъ и для всего околodka явилась еще болѣе надежная охрана. Служившій въ Русскомъ войскѣ, артиллеріи штабсъ-капитанъ Ксаверій П., племянникъ моего отца, старшій братъ Наполеоновскихъ гвардейцевъ Алоизія и Карла П., не помню уже по какому случаю имѣлъ безсрочный отпускъ и, по уходѣ союзныхъ войскъ, все остальное время кампаніи оставался у насъ въ домѣ, въ пріятной для молодого человѣка обстановкѣ. Мы, братья и сестры, были еще дѣти; но у насъ гостили двѣ красавицы, племянницы моей матушки, и къ намъ часто съѣзжались сосѣди съ хорошенькими сосѣдками. Молодой офицеръ не скучалъ. А между тѣмъ онъ служилъ громоотводомъ отъ всякихъ казацкихъ покушеній, и районъ противу-электрическаго его дѣйствія простирался довольно далеко на околodka. Казаки, зная о пребываніи у насъ Русскаго офицера, ниразу не заглядывали къ намъ, позволяя себѣ разныя шалости лишь въ окрестныхъ дворахъ и деревняхъ. Нашъ артиллеристъ вскорѣ отучилъ ихъ отъ этого. Для Ксаверія и его подручнаго, всегда на конюшнѣ стояли осѣдланная лошади. Въ подручные онъ выбралъ себѣ молодого прикащика Корзуна, отличавшагося необыкновенною силою. Какъ только гдѣ нибудь, въ двухъ, трехъ, пяти верстахъ, появлялись казаки съ намѣреніемъ грабить, ихъ угощали покуда водкой и отправляли нарочно къ намъ. Тогда Ксаверій надѣвалъ мундиръ съ орденомъ Св. Анны 4 степени и, въ сопровожденіи Корзуна, снабженнаго порядочною плетью, мчался къ мѣсту происшествія. Когда казаки еще ничего не сдѣлали, то онъ только спрашивалъ, за чѣмъ заѣхали, тре-

боваля письменнаго приказа и неимѣвшихъ его прогоняля къ командѣ. Но если они уличались уже въ какомъ нибудь насилиі, то офицеръ, смотря по важности вины, приговаривалъ ихъ тутъ же къ извѣстному числу ударовъ плетью, каждому виновному приказывалъ по очереди ложиться, соучастникамъ держать, а Корзунъ, отчетливо и очень внушительно, исполнялъ приговоръ. После трехъ четырехъ такихъ экзекуцій, слухъ объ этомъ разнесся далеко, и нашъ околдокъ, въ районѣ какихъ нибудь 15 верстъ, становился совершенно безопасенъ. Виновные покорялись беззастенчиво, жаловались только на тяжелую руку исполнителя и обыкновенно пѣшкомъ уже, ведя за собою лошадей, возвращались къ командѣ.

Въ одномъ случаѣ однакожь Ксаверій П. самъ былъ въ опасности. Дели ему знать, что у крестьянъ нашей деревни два солдата угнали двухъ воловъ. Ксаверій, догнавъ ихъ на дорогѣ, остановилъ и спросилъ: по чьему приказанію забираютъ крестьянскій скотъ, а если не имѣютъ на это письменнаго приказа, то потребовалъ, чтобы погнали воловъ обратно. Но одинъ изъ нихъ, драгунъ, отвѣчалъ ругательствами и бросился на офицера съ дубинною. П., шибко своротивъ коня, ускльзнулъ отъ удара и въ ту же секунду, вынувъ саблю, отрубилъ драгуну лѣвое ухо. Другой между тѣмъ убѣжалъ въ лѣсъ. П. съ Корзуномъ связали солдата и привели его въ усадьбу, гдѣ раненному домашнимъ фельдшеромъ оказана была помощь. Въ тотъ же день драгунъ подѣ стражею былъ отправленъ въ городъ при рапортѣ къ полковому командиру, для отдачи подѣ военный судъ.

Вообще грабительство въ Слонимскомъ уѣздѣ не совѣмъ удавалось казавшъ. Воинскими начальствами отданы были строгіе приказы, запрещавшіе всякія насильственныя дѣйствія. Многіе помѣщики запаслись такъ называемыми *заложниками*, то есть солдатами, удерживаемыми отъ военныхъ командъ для

охраны господскихъ домовъ и деревень отъ заѣзжихъ хищниковъ. Не смотря на это, по разнымъ мызамъ и фольваркамъ, находившимся въ уединенныхъ мѣстахъ, случалось, что два или даже одинъ казакъ, отдѣлявшійся отъ посланнаго куда нибудь взвода, наѣзжалъ во всеоружіи и отъ трусившаго хозяина отбиралъ деньги, часы и т. п.

Но это обстоятельство дало поводъ къ тому, что одинъ отчаянный сорванецъ шляхтичъ, нѣкто Кучукъ, выдумалъ себѣ своеобразный промыселъ, на помывающій нравы извѣстныхъ породъ птицъ, которыхъ сами рыбы не ловятъ, но живутъ тѣмъ, что отнимаютъ ее у другихъ птицъ-рыболововъ. Онъ почти постоянно жилъ въ лѣсу, близъ дорогъ и, вооруженный двухствольнымъ ружьемъ, спрятавшись въ чащѣ лѣса, слѣдилъ за проѣзжавшими казаками. Когда увидитъ идущаго одного изъ нихъ, то, подпустивши очень близко, онъ убивалъ на повалъ. Если казакъ возвращался изъ прибыльной экспедиціи, то все похищенное дѣлалось добычею Кучука. Во всякомъ случаѣ онъ оттаскивалъ убитаго далеко въ лѣсъ, обирая до нитки и зарывалъ, — а лошадь, сѣдло и сбрую продавалъ на ярмаркахъ въ другихъ городахъ. Этотъ олибистіерскій промыселъ былъ, повидимому, довольно производительный; ибо Кучукъ, не имѣвшій ничего кромѣ двухъ или трехъ десятинъ земли, которыхъ отдавалъ въ наймы, и прибавившійся до того со дня на день, после кампаніи самъ взялъ въ аренду порядочную мызу и сталъ жить припѣваючи. Были такіе, знавшіе хорошо Кучука, которые гадавались объ истинѣ; были также дѣлаемые военными начальниками дознанія о пропавшихъ казакахъ; но какъ Кучукъ совершалъ свои разбои, подобно Тропману одинъ и искусно скрывалъ концы: то дознанія не повели ни къ чему, и ничего не было бы положительно объ этомъ извѣстно, еслибы года черезъ два после кампаніи самъ Кучукъ не похвасталъ своею удачею, какъ патристическимъ подвигомъ. „Я дѣлаю

это безъ зазрѣнія совѣсти, говорилъ онъ, какъ дѣлали Испанцы съ Французами“. По его словамъ, онъ отправилъ на тотъ свѣтъ одиннадцать человѣкъ казаковъ и на нѣкоторыхъ нашелъ порядочныя деньги. Никто однакожъ не донесъ на него, а вскорѣ потомъ онъ умеръ.

Прошелъ 1812-й годъ; взволнованные умы въ нашемъ краѣ успокоились; исчезли, какъ сонъ, несбыточные мечты, все вошло въ обычную колею. Съ самой весны 1813 г. стали появляться въ помѣщичьихъ дворахъ по одному, а иногда по нѣскольку бродячихъ Французскихъ солдатъ и офицеровъ *trainards*, уцѣлѣвшихъ отъ разгрома большой арміи.

Отецъ мой рѣдко бывалъ въ деревнѣ дома во время сессій судовъ, въ которыхъ онъ предсѣдательствовалъ. Мы жили цѣлымъ семействомъ въ городѣ, потомъ отецъ отправлялся или на предсѣдательство конкурсовъ (экздивизій) въ своемъ, а часто въ смежныхъ и даже отдаленныхъ уѣздахъ, или къ разнымъ помѣщикамъ, избиравшимъ его арбитромъ третейскаго (компромиссарскаго) суда въ своихъ нескончаемыхъ процесссахъ (См. Калейдоскопъ, Воспом. о Мицкевичѣ).

Запрещено было давать пристанище Французскимъ тренарамъ, а велѣно доставлять ихъ къ ближайшимъ воинскимъ командамъ. Этого, разумѣется, никто не дѣлалъ, да и власть смотрѣла сквозь пальцы на неисполненіе приказанія и забирала только тѣхъ, которые сами попадались ей въ руки.

Деревня наша была на самомъ Слонимско-Новогрудскомъ трактѣ; тренары изъ подъ Березины путешествовали большею частью по ночамъ, чрезъ лѣса, ориентируясь по звѣздамъ. Много ихъ перебывало у насъ въ усадьбѣ; но мы, дѣти, рѣдко ихъ видывали. Отъ матушки было приказано управляющему принимать ихъ въ довольно отдаленномъ отъ господскаго дома флигелѣ, гдѣ жилъ онъ, прикащикъ и лѣсничій и, нахормивъ бѣдныхъ представителей быв-

шаго Наполеоновскаго величія, давши имъ на дорогу провизій и по нѣскольку золотыхъ, отправлять въ дальнѣйшій путь.

Но это человѣколюбіе имѣло грустныя послѣдствія. Одинъ изъ такихъ несчастныхъ, на силу дотацившагося къ намъ, слегъ во флигелѣ, и тутъ же съ нимъ сдѣлался бредъ. Послали за домашнимъ докторомъ нашей сосѣдки Броньской (матери предводителя), жившей въ двухъ верстахъ отъ насъ. Онъ объявилъ, что у Француза тифозная горячка, заразительнаго свойства, и предписалъ всему дому предохранительныя средства. Не смотря на медицинскую помощь, Французскій солдатъ умеръ и, не смотря на средства предосторожности, тифъ распространился и въ самой нашей усадьбѣ, и въ близъ лежащей деревнѣ, а оттуда перешелъ и въ двѣ другія. Привсемъ стараніи искуснаго медика Крапивницкаго, изъ заболѣвшихъ 26 крестьянъ умерло 10; у насъ въ усадьбѣ больныхъ было восемь человѣкъ, въ томъ числѣ нашъ гувернеръ; но онъ выздоровѣлъ; умерло же четверо: двѣ женщины, форейторъ и тотъ прикащикъ, сподвижникъ артиллериста, о которомъ было говорено.

При этомъ всѣ замѣтили одно обстоятельство, значеніе котораго скептиками обыкновенно причисляется къ суевѣріямъ, но въ настоящемъ случаѣ простонародное повѣріе подтвердилось имъ вполне. Всякій разъ, когда, въ самой ли усадьбѣ, или въ деревняхъ, отстоявшихъ не болѣе какъ въ 200—300 шагахъ, кто нибудь изъ заболѣвшихъ тифомъ долженъ былъ умереть, изъ лѣса ночью прилетала въ нашъ садъ птица изъ рода совъ, называемая сычь (*sycz*) *) и всю ночь голосила своимъ невыразимо-жалобнымъ воемъ. Когда больной долженъ былъ выздоровѣть, сыча не было. И въщая птица ни разу не ошиблась, такъ что не только всѣ домашніе, но и „человѣкъ науки“, док-

*) Сова воющая, *Strix Ulula*, Lin.

торъ, принуждены были покориться очевидности факта, повторившагося *четырмадцать* разъ.

Это явленіе совершенно необъяснимо наукою и обыкновеннымъ пониманіемъ феноменовъ природы. Если и допустить съ тѣми, которые имѣютъ претензію все понимать и все объяснять, что сытъ въ такой непонятной степени одаренъ чувствомъ обонянія, что на разстояніи нѣсколькихъ верстъ чувствуетъ міазмы, исходящія изъ больного смертельно: то и это пониманіе не поведетъ ни къ чему. Сова воющая кормится исключительно живыми существами (мышами, лягушками, ящерицами, большими насѣкомыми изъ семейства скарабеевъ), падали же не трогаетъ никогда. Слѣдовательно, еслибы и былъ испускаемъ больнымъ какой нибудь предсмертный запахъ, то для этой птицы онъ не имѣлъ бы ничего привлекательнаго.

Разъ, когда весна стала уже переходить въ теплое лѣто, а отца не было дома, позднимъ вечеромъ явились какъ-то, не встрѣтивъ никого изъ прислуги, прямо въ покои прошли три Французскихъ солдата, въ состояніи совершеннаго изнеможенія. Они умоляли пріютить ихъ на нѣсколько дней, такъ какъ они не въ состояніи идти далѣе, не отдохнувши и не отхѣвшись нѣсколько. Матушка боялась помѣстить ихъ во флигелѣ, или въ строеніи, гдѣ была кухня и прачешная: ихъ видѣла бы тамъ вся дворня. При томъ же во флигелѣ обыкновенно останавливался заѣзжавшій по временамъ земскій исправникъ, а въ послѣднее время отъ начальства строго было подтверждено о недержаніи по помѣщичьимъ дворамъ Французовъ.

Призванъ былъ для совѣта управляющій, старый, бывшихъ Польскихъ войскъ, артиллеріи поручикъ Липницкій. По соображенію всѣхъ *pro et contra*, онъ наконецъ придумалъ, что какъ уже было тепло, то лучше всего помѣстить Французовъ въ старомъ сараѣ, служившемъ нѣкогда для выдѣлки кирпича, находившемся въ лѣсу, въ полторы вер-

сты отъ дома. На заднемъ дворѣ господскаго дома былъ небольшой цѣвточный садикъ, кругомъ палисадникъ, мимо котораго шла проселочная дорога, а за нею цѣлое поле околосившейся уже ржи, простиравшееся до самаго лѣса, гдѣ былъ упомянутый сарай. Посреди поля, близъ самаго дома, была маленькая круглая лужайка; мы дѣти называли ее *оазою*. По межѣ, сквозь рожь, можно было прямо пройти въ лѣсъ.

Было положено, что когда стемнѣетъ, самъ управляющій, не сказывая никому, отведетъ странниковъ на мѣсто. Въ сараѣ, гдѣ часто ночевали стражники (подлѣсничіе) была готовая содома для постели незваныхъ гостей. Черезъ каждые три дня Французы должны были вечеромъ приходить на лужайку и подавать условленный знакъ. Тогда старушка, родственница наша, г-жа Шатенская, завѣдывавшая женскимъ хозяйствомъ, сама изъ чулановъ набирала провизій на три дня и передавала мнѣ; а я, высмотрѣвъ, чтобы никто меня не увидалъ, долженъ былъ относить все это на лужайку. Я очень гордился такимъ порученіемъ матушки, особенно таинственностью обстановки, доказывавшей, по моему пониманію, что я уже не ребенокъ.

Липницкій, отведи Французовъ, оставилъ имъ ружье, пороху и пуль, для защиты отъ медвѣдей и рысей, которые, особенно первые, въ такомъ множествѣ водились въ нашихъ лѣсахъ, что въ нихъ нельзя было имѣть бортей и по близости сѣять овесъ. Извѣстно, что эти Лятовскіе лвы очень любятъ медъ и овесъ, а послѣдніе не столько съѣдаютъ, сколько истребляютъ своего рода медвѣжьими играми. Они садятся въ овесъ и вѣдять по немъ во всѣхъ направленіяхъ, находя въ этомъ катаніи большое удовольствіе.

Французы, вѣроятно находя свое положеніе пріятнымъ, не торопились уходить и, вмѣсто трехъ или четырехъ дней, пробыли болѣе двухъ недѣль. Съ ихъ и съ моей стороны все исполня-

хось пунктуально, и они благодушествовали себѣ посреди лѣса, гдѣ находили много ягодъ и грибовъ.

За мѣсяцъ или болѣе до ихъ прихода, одинъ изъ стражниковъ принесъ мнѣ, какъ старшему *паничу*, рѣдкость изъ лѣсу. Это былъ до половины уже доросшій большой породы филинъ *). Я очень обрадовался этому подарку. Съ дозволенія матушки, для него нарочно построили и въ цвѣтникѣ, на возвышеніи поставили большую клѣтку; крылья ему подстригли. Днемъ клѣтка была покрываема соломой для того, чтобы яркій свѣтъ не ослѣплялъ ночной птицы, равно и для защиты отъ воробьевъ и другихъ птичекъ, которые во множествѣ слетаются, увидя сову или филина, дразнить его своимъ чириканіемъ и даже щиплютъ, издѣваясь надъ его близорукостью. Я самъ кормилъ моего *бубо*; онъ скоро выучился узнавать меня и сдѣлался до того ручнымъ и домашнимъ, что по вечерамъ я его выпускалъ гулять. Онъ тотчасъ отправлялся въ рожь, всю ночь охотился тамъ на полевыхъ мышей, а съ разсвѣтомъ самъ возвращался въ свою клѣтку, обставленную елками и зеленью. Можно себѣ представить, какъ я, 12-ти лѣтній мальчикъ, любилъ свою рѣдкую птицу и какъ заботливо за ней ухаживалъ.

Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, слышимъ условный знакъ (удары палкою въ деревянную доску, по три раза съ промежутками). Набравъ отъ г-жи Шатенской провизіи, иду я въ рожь. Я не дошелъ еще до *оазы*, какъ одинъ изъ Французовъ встрѣчаетъ меня и, принявъ театральную позу, съ подобающимъ пафосомъ говоритъ: „Enfin, monsieur, pour vous remercier, nous avons trouvé l'occasion de vous rendre un service. Nous vous avons débarrassé d'un monstre affreux, qui se cachait dans votre blé. Le voici!“ (Наконецъ мы нашли случай поблагодарить васъ, оказавъ

вамъ услугу. Мы васъ избавили отъ страшнаго чудовища, скрывавшагося въ вашей ржи; вотъ оно!)“ Тутъ указалъ на моего прекраснаго бубо, взбитаго палками, трепетавшаго въ предсмертной агоніи. Я ничего имъ не сказалъ и, схвативъ бѣдную птицу, побѣжалъ до мой. Мы употребили всѣ средства, какія намъ пришли въ голову, spraysкивали водкой, поили Валеріановымъ каплями; ничто не помогло. Мнѣрвная птица, смотря мнѣ въ глаза своими гіяциновымъ глазамъ, на моихъ рукахъ испустила послѣднее дыханіе. Я не могъ послѣ этого терпѣть Французовъ, и съ того вечера сама уже г-жа Шатенская носила имъ припасы. Скоро потомъ они ушли отъ насъ.

Кромѣ солдатъ, по временамъ являлись и Французскіе офицеры и жили себѣ свободно въ помѣщичьихъ домахъ. Вообще это было золотое время для всѣхъ, которые затруднялись въ представленіи псыменнаго вида. Не смотря на свои грозныя предписанія, власть, въ этомъ отношеніи, была очень снисходительна. Множество авантюристовъ изъ состава бывшей большой арміи, неизвѣстно откуда являлись и, повертѣвшись немного въ уѣздѣ, исчезали безслѣдно. Но были и порядочные люди изъ этой же арміи, которые болѣе или менѣе долго проживали въ помѣщичьихъ домахъ. Я зналъ одного капитана Французскаго генеральнаго штаба, *м-г Вюст-Норт*; онъ жилъ болѣе года, не помню уже у кого, въ Новогрудскомъ уѣздѣ, но бывалъ и въ нашемъ домѣ. Это былъ умный, образованный человекъ, давалъ уроки Французской литературы и математики. Замѣчательно въ немъ было то, что, въ противность другимъ Французамъ, которые, живя вѣкъ въ Россіи или Польшѣ, не могутъ усвоить себѣ мѣстнаго языка, онъ, въ короткое время, такъ хорошо выучился попольски, что говорилъ и даже писалъ почти безъ ошибокъ.

Къ намъ, въ исходѣ лѣта, отецъ привезъ изъ Минской губерніи, гдѣ пред-

*) Strix Bubo Lin., Bubo Maximus Tem., Grand Duc Fr.

сѣдательствовалъ на одномъ конкурсѣ, доктора медицины и хирургіи, г. Петацци (Petazzi), старшаго врача при штабѣ короля Неаполитанскаго, подѣ принятою имъ фамиліею Борда (Borda). Онъ былъ человѣкъ ученый и прекрасный медикъ. Отецъ мой въ то время началъ уже страдать водяною болѣзнію, и это было очень благопріятное обстоятельство, что мы имѣли въ домѣ врача, который много способствовалъ къ облегченію страданій этой тяжелой болѣзни. Петацци имѣлъ большую практику въ увѣдѣхъ и, живя у насъ, собиралъ порядочныя деньги, съ которыми, весною 1813 года, отправился на родину. Онъ напрасно выдумалъ себѣ псевдонимъ, не зная, что у насъ могъ оставаться безопасно и подѣ своимъ именемъ. Мѣстныя власти во всемъ угождали отцу, при томъ же онъ былъ друженъ съ Гродненскимъ губернаторомъ и легко могъ получить позволеніе держать у себя нужнаго ему человѣка.

Петацци былъ Піемонтскій уроженецъ и заклятый врагъ Наполеона. Мы, дѣти, очень его любили. Онъ вообще былъ веселъ и пріятенъ въ обществѣ. Съ нами, дѣтьми, часто бесѣдовалъ о научныхъ предметахъ и такимъ языкомъ и методою принаровленною къ нашему возрасту, что мы его совершенно понимали. Ему-то я обязанъ тѣмъ, что страстно полюбилъ естественныя науки, особенно ботанику и химію, и общія начала, почерпнутыя въ его бесѣдахъ, очень пригодились мнѣ въ послѣдствіи, при прохожденіи университетскихъ курсовъ. При томъ онъ былъ большой оригиналъ, откровенный до крайности, всякому говорилъ въ глаза, что объ немъ думалъ, но дѣлалъ это какъ-то добродушно и такъ умѣлъ смягчать свои замѣчанія, что нельзя было на него сердиться. Всѣ жалѣли о томъ, что онъ не остается въ нашемъ краѣ.

Докторъ былъ страстный любитель псовой и всякой охоты. Онъ почти каждый день рыскалъ по лѣсамъ и болотамъ и приносилъ много дичи. По случаю

этой его привычки я имѣлъ съ нимъ ученый диспутъ и выигралъ дѣло. Разъ, зимою, въ довольно сильный морозъ, началъ падать небольшой снѣгъ, и докторъ сталъ собираться съ ружьемъ въ лѣсъ. Его уговаривали, въ особенности я, не ходить, но онъ не послушался и еще выговаривалъ мнѣ, что я не помню общаго физическаго начала, что когда идетъ снѣгъ, то не должно быть морозу. Онъ это вѣрно взялъ изъ какого нибудь трактата, писаннаго на Піемонтскій, а не на Литовскій климатъ. Термометръ показывалъ 7 градусовъ холода, и былъ при томъ вѣтеръ. Часа чрезъ полтора Петацци возвратился, весь продрогшій, съ примороженною щекою и концомъ носа, такъ что надо было оттирать снѣгомъ. „О проклятая страна! восклицалъ онъ съ комическимъ гнѣвомъ: здѣсь природа не признаетъ даже законовъ науки“. Я ему осмѣлился замѣтить, что въ настоящемъ случаѣ не на оборотъ ли дѣло выходить, и если изъ двухъ одно ошибается, то уже конечно не природа. Петацци погладилъ меня по головкѣ и, говоря: *in as raison, mon garçon* (ты правъ, мой мальчикъ) продолжалъ тереть носъ и лицо.

Это былъ первый случай, внушившій мнѣ, въ самомъ юномъ возрастѣ, недовѣріе къ непогрѣшимости научныхъ аксіомъ, абсолютно рѣшающихъ вопросы, касающіеся дѣйствій силъ природы. И сколько разъ въ послѣдствіи довелось мнѣ видѣть, какъ практика изобличала въ несостоятельности провозглашаемыя *ex cathedra*, всѣми принятая, теорія, какъ часто одинъ ничтожный, вновь явившійся фактъ, въ одно мгновеніе разрушалъ пышное зданіе какого нибудь ученія, просуществовавшее цѣлыя столѣтія. Сколько на моемъ вѣку я пережилъ подобныхъ научныхъ катастрофъ.

Когда зима приближалась уже къ концу и начались Февральскія оттепели, докторъ сталъ все болѣе и болѣе оказывать нетерпѣнія. Онъ уже ни объ

чемъ не думалъ и не говорилъ, какъ о своемъ отъѣздѣ, а между тѣмъ смѣшилъ насъ, разбивая съ ожесточеніемъ остатки снѣга и льда на дворѣ и по дорогамъ, какъ бы думая этимъ скорѣе привлечь весну. Въ послѣднихъ числахъ Марта, хотя еще въ лѣсахъ лежалъ снѣгъ, удержать его не было уже возможности. Онъ купилъ себѣ лошадь и какой-то кабріолетъ и, не слушаясь никакихъ замѣчаній, простился и отправился въ свой дальній путь, одинъ, безъ возницы и служителя. Онъ написалъ намъ изъ Бреста-Литовскаго, куда, по словамъ его, прибылъ благополучно. Послѣ того мы уже не получали ни отъ него, ни объ немъ никакого извѣстія, и не знаемъ, счастливо ли онъ достигъ своей обѣтованной земли, роднаго Племента.

Отъѣздъ г. Цетадци былъ намъ вѣсѣмъ очень чувствителенъ; мы какъ будто бы породнились съ нимъ. Послѣ него отецъ мой лечился у другаго доктора, также оставшагося отъ большой арміи. Это былъ г. Парціалисъ (Partialis), медицинская знаменитость. Но болѣзнь отца была неизлечима: онъ скончался въ Іюнѣ 1814 года.

Теперь покончивъ съ изложеніемъ фактовъ, оставшихся у меня въ памяти отъ описаннаго времени, я хочу изобразить мой взглядъ на самаго дѣятеля, то есть сказать собственныхъ моихъ

Нѣсколько словъ о Наполеонѣ I-мъ.

Чѣмъ щедрѣе человѣкъ надѣленъ качествами и средствами, тѣмъ болѣе отъ него требуется. Было почти десять лѣтъ такого могущества Наполеона, какого, сосредоточеннаго въ одной личности, не было до него примѣра. Спрашивается: какъ и на что употребилъ онъ эту власть, доставшуюся ему въ руки, что съ нею сдѣлалъ для блага человечества, для улучшенія его матерьяльнаго быта и для возвышенія умственнаго уровня. словомъ для истиннаго прогресса?

Напрасно во всемъ поприщѣ, пройденномъ Наполеономъ, будемъ искать

на этотъ жизненный вопросъ удовлетворительнаго отвѣта.

Я позволю себѣ употребить форму сценическую, форму интимнаго диспута. Она признана самой удобной для изложенія всѣхъ *pro et contra* съ значительнымъ сокращеніемъ, такъ какъ ею устраняются оговорки при переходахъ отъ положеній къ возраженіямъ и отъ послѣднихъ къ опроверженіямъ.

Дѣйствіе происходитъ въ 1820 году, по возвращеніи уже моемъ изъ университета, въ деревнѣ у нашей матери, за завтракомъ; разговаривающіе: мать, двѣ мои сестры, провзжій священникъ, монахи и я.

Мать (продолжая начатой разговоръ), Да и какія могутъ быть теперь политическія новости, когда стерли съ лица земли единственнаго человѣка, который оживлялъ нашъ міръ? Англичане герметически замкнули его между моремъ и небомъ.....

Монахъ. Вы, сударыня, говорите о Наполеонѣ. О это такъ: онъ не давалъ міру дремать; отъ него никому не было покоя.

Мать. Не было и не будетъ такого великаго человѣка. Это признано вѣсѣмъ свѣтомъ. А повѣрите ли, батюшка, что есть одинъ..... да еслибъ это былъ человѣкъ, а то мальчишка (съ усмѣшкою указывая на меня), молоко еще на губахъ не обсохло, который смѣетъ съ этимъ не соглашаться.....

Я. Милая маменька, ужели вы хотите вызвать меня на споръ; вѣдь былъ уговоръ, что между нами не будетъ объ этомъ рѣчи.

Мать. Ну, ну, на этотъ разъ позволю тебѣ нарушить уговоръ; пусть насъ разсудитъ духовный отецъ. Неправда ли, мой рѣге, это не грѣхъ, что разрѣшаю сыну объявить убѣжденіе противное моему?

Монахъ. Конечно нѣтъ. Иное дѣло уваженіе къ родителямъ, а иное свобода мысли въ общихъ спорныхъ предметахъ.

Я. Общаете ли, татаи, не сердиться на меня, что бы я ни сказалъ? Я хочу

предъ батюшкою высказать все, что думаю.

Мать. Говори все.

Я. Этого будетъ немного. Никогда, даже еще недорослемъ, я не восхищался Наполеономъ, а теперь тѣмъ менѣе принадлежу къ его почитателямъ. Во всей его метеорической карьерѣ не столько меня удвляло его величіе, сколько покорное подобострастіе поклѣнія, которое поддавалось ему такъ безусловно.

Сестра Эмилиа. Ну, уже надо быть болѣе чѣмъ чудачкомъ, чтобы не признавать величія Наполеона!

Я. Это зависитъ отъ того, какое составимъ себѣ понятіе объ истинномъ величіи. Есть такіе, я признаюсь, я принадлежу къ ихъ числу, которые степень возвышенія и достоинства человѣка соразмѣряютъ количеству добра имъ сдѣланнаго. Если съ этой точки будемъ судить о Наполеонѣ: то сомнѣваюсь, чтобы можно было признать его великимъ.

Мать. Ты ставишь вопросъ такъ коварно, что прямо отвѣчать на него трудно.

Я. Извините, маман, я постановляю вопросъ какъ нельзя яснѣе, и привожу его къ простѣйшему выраженію; это вѣрнѣйшій путь къ достиженію истины.

Мать. Ты все опредѣляешь моральною заслугою, даже утилитарностью дѣяній..... Но согласишься, что есть же дѣянія и сами по себѣ великія, удивительныя.....

Я. Такія явленія великія и удивительныя мы видимъ въ природѣ. Ничего не можетъ быть величественнѣе лѣтней грозы, морской бури, изверженія вулкана. Но все это величіе безмысленныхъ силъ безсмысленной матеріи. Отъ дѣяній же человѣка, одареннаго разумомъ и волею, а особенно отъ такого, который мнилъ поставить себя выше человѣковъ, мы въ правѣ требовать болѣе чѣмъ однихъ поражающихъ эффектовъ. Мы имѣемъ право требовать мысли, слѣдовательно *цѣли* и именно мысли

разумной, цѣли полезной. Между тѣмъ, во всемъ поприщѣ Наполеона что же мы видимъ, кромѣ одной необузданной гордости, неистоваго властолюбиваго эгоизма? Войны его не имѣли даже разумнаго предлога, всѣ явно стремились къ одной цѣли хищническихъ завоеваній и расширенія круга личной его власти. Для этого онъ, попирая вѣковыя традиціи и чувства народовъ, свергалъ съ троновъ законныхъ государей и замѣщалъ ихъ своими братьями и собственниками, изъ которыхъ ни одинъ не имѣлъ нужныхъ качествъ для такого положенія *). Всѣ мѣропріятія его внутри Имперіи имѣли одну цѣль: порабощеніе народа, который слѣпо предавался ему, воспрепятствованіе проявленія всякой свободной мысли и упроченіе такого положенія за своею династією. Никакое уваженіе общественной пользы, правъ человѣка, потребности просвѣщенія, протестующее противъ его деспотизма, ни на минуту не останавливало его въ предвзятомъ стремленіи. На человѣческой родъ онъ такъ смотрѣлъ и такъ трактовалъ его; какъ будто бы родъ этотъ былъ созданъ для него, для его произвола и личныхъ выгодъ.

Мать. Ктоже однакожъ, если не онъ, положилъ прѣграду кровавой революціи, кто ввелъ и упрочилъ порядокъ, кто возстановилъ религію?

Я. Рѣкамъ крови, проливаемой революцією, онъ вырылъ только новое русло, самъ же пролилъ ея болѣе, чѣмъ всѣ революціи въ свѣтѣ. Это была бы весьма курьёзная статистическая данная, еслибы кто нибудь исчислилъ, сколько, по инициативѣ Наполеона, было убитыхъ и искалѣченныхъ людей. Онъ возстановилъ не религію, а обряды культа и предоставилъ ихъ массамъ, самъ не принимая въ нихъ участія. Онъ признавалъ эти обряды необходимыми

*) Въ этомъ Наполеонъ великій нисколько не былъ выше Фамусова, который имѣлъ правиломъ: „какъ не помочь родному человѣчку“.

элементомъ въ организмѣ государства и также полезнымъ, какъ полезны пути сообщенія, почты, фонари на улицахъ и висѣлицы или гильотины. Порядокъ же ввелъ для того, чтобы провозгласить себя абсолютнымъ властелиномъ.

Ты, Эмилія, упрекнула меня въ томъ, что я не признаю Наполеона великимъ. Я отвѣчалъ уже на это общимъ положеніемъ, не терпящимъ никакого исключенія; но вотъ что еще прибавлю. Первое качество, требуемое въ характерѣ высшаго челоука, это отсутствіе всякой страсти. Одно что позволяется ему любить страстно, это тресвятую правду, а страстно ненавидѣть неправду. Наполеонъ же былъ подъ вліяніемъ многихъ страстей. Не говоря уже о его ненасытной жадѣ власти и военной славы, онъ страстно ненавидѣлъ Англію, правильнѣе завидовалъ ей. Эта страсть увлекала его не разъ въ недуманныя предпріятія, въ родѣ Испанской и Россійской войны; она внушила ему нелѣпую мысль такъ называемой континентальной системы. Онъ завидовалъ Англіи, а никогда не могъ или не хотѣлъ уразумѣть, что могущество этого образцоваго государства основано не на матеріальной, а на моральной силѣ разумныхъ свободъ народныхъ, образованности массъ и истиннаго патриотизма. Эта зависть, дѣйствуя какъ и всякая страсть, помрачала разсудокъ и наконецъ довела императора Французовъ до гибели.

Кстати объ Англіи: распространилось одно ложное понятіе, которое слѣдуетъ опровергнуть. Лица, составлявшія свиту Наполеона въ его послѣднемъ изгнаніи, а за ними разные Бонапартистскіе писатели, наполнили Европу плаксивыми жалобами на Англійское правительство за обращеніе начальства острова св. Елены съ *великимъ челоукомъ*. Мы читаемъ только Французскія газеты и книги, и поэтому такое же мнѣніе и у насъ приобрѣло право гражданства, а никто не дастъ себѣ труда оцѣнить положеніе

хладнокровно и безпристрастно. Губернаторъ острова, сэръ Гудсонъ Лауе (Gudson Lowe) представляется какъ чуждѣ, приставленное нарочно къ Наполеону, для того чтобы скорѣе умерить его. Во всемъ этомъ много преувеличеннаго и несправедливаго. Всѣ какъ будто забываютъ, что когда не одна Англія, а вся Европа признала нужнымъ удалить на всегда бывшаго императора изъ Франціи и даже изъ Европейскаго континента, то его водворили на островъ Эльбъ, который и по климату, такому же какъ и на его родинѣ, и по другимъ обстоятельствамъ, представлялъ условія удобнаго и даже пріятнаго мѣстопробыванія. Обыкновенно военнопленнымъ, люднымъ порядочнымъ, на одно ихъ честное слово, что не будутъ стараться убѣжать, даютъ на мѣстѣ пробыванія почти полную свободу. Наполеонъ далъ болѣе чѣмъ честное слово, онъ подписалъ торжественный актъ отреченія отъ трона; но, не смотря на то, на подосланномъ его сторонниками суднѣ, бѣжалъ, явился во Францію, собралъ армію и снова сталъ возмущать спокойствіе Европы. Когда послѣ этого онъ былъ вновь побѣжденъ, то всѣ признали необходимымъ водворить его въ такой мѣстности и съ такой обстановкой, чтобы новый побѣгъ содѣлать невозможнымъ и отнять у него всякія средства сообщаться съ его приверженцами. Отсюда и выборъ мѣстопробыванія, и всѣ тѣ мѣры, на которыя такъ горько сѣтуютъ Наполеонисты, изображая ихъ грубыми и жестокими, тогда какъ они были только необходимы. Никто не подумалъ, что въ такомъ ухудшеніи своего положенія виновать самъ же плѣнникъ. Самая простая вещь, что бѣжавшій изъ тюрьмы, по поймкѣ его, содержится строже, чѣмъ содержался до побѣга. И чѣмъ тутъ виновать сэръ Гудсонъ, что онъ наряжалъ каждый разъ конвой, когда бывшій императоръ прогуливался верхомъ по морскому берегу, что вскрывалъ письма, получаемыя лицами свиты и что

принималъ строгія предосторожности относительно кораблей, пристававшихъ къ св. Еленѣ. Поступая иначе, онъ не исполнялъ бы своего долга и, чего доброго, Наполеонъ бѣжалъ бы еще разъ. Нужно еще замѣтить, что Англія никогда не поддавалась обаянію, которымъ былъ отуманенъ континентъ. Она никогда не признала Наполеона законнымъ монархомъ: для нея онъ просто былъ и остался генераломъ Французской Республики, измѣнившимъ своему знамени *) и при томъ заклятымъ врагомъ Англіи, нанесшимъ ей много вреда. По всему этому эпизодъ острова св. Елены безпристрастному взгляду не представляетъ ничего нераціональнаго и ничего несправедливаго.

Эмилія. Какъ, ты вздумалъ оправдывать этого тирана, этого ненавистнаго Гудсона! Но говори что хочешь: съ тобою нельзя спорить, у тебя нѣтъ сердца.

Мать. Ты много наговорилъ; скажи однакожь, кто, если не самъ Богъ, далъ ему такую власть надъ людьми, такое могущество?

Я. Это ничего не доказываетъ; по догматамъ нашей вѣры есть еще нѣкто — другой, который, съ Божьяго допущенія, обладаетъ по временамъ большою властью. Но насей разъ оставимъ это въ сторонѣ. Скажу только, что на этомъ пути дѣло Наполеона немного выиграетъ. Я согласенъ съ вами, маменька, признаю, что онъ имѣлъ назначеніе свыше, но въ этомъ качествѣ онъ былъ ничто иное какъ бичъ Божій. Отъ времени до времени, Промыселъ, для достиженія неисповѣдимыхъ цѣлей Своихъ, признаетъ нужнымъ истребить опредѣленное число человѣковъ и тогда ссылаетъ на землю страшные катаклизмы: наводненія, землетрясенія, голодъ, моровую язву..... или такихъ великихъ людей, однимъ изъ какихъ былъ Наполеонъ Бонапарте.

Мать (съ гнѣвомъ). Ахъ, можешь ли ты это говорить!

*) Въ оффиціальномъ актѣ о кончинѣ и погребеніи Наполеона, составленномъ властями, онъ названъ „the late general Bonaparte“.

Я. И удивительно, какое близкое сходство существуетъ между феноменальнымъ, промысловымъ (providential) характеромъ поприща Наполеона и образомъ дѣйствія другихъ язвъ, напирѣвъ эпидемическаго мора, имѣющихъ такое же опредѣленное назначеніе. Во все время, пока Бонапарте исполнялъ его, ничто не могло устоять противъ него. Самыя дерзкія покушенія удаются, какъ бы геометрическая необходимость, самая неразчетливость и грубьяя ошибки обращаются для него въ пользу и триумфъ. Но когда миссія его стала уже приближаться къ выполнению: то послѣдовалъ цѣлый рядъ всякихъ невзгодъ. Строго рассчитанные планы не удаются, обаяніе начинаетъ меркнуть, и наконецъ не то уже геній, простой разсудокъ оставляетъ его. Наполеонъ великій дѣлаетъ ошибку за ошибкой, но они производятъ уже не такъ какъ прежде полезныя для него, а естественныя свои пагубныя послѣдствія; самъ онъ, кажется, трудится на свою гибель. Не то ли самое видимъ мы съ эпидеміями, истребляющими десятаго человѣка? При появленіи и въ прогрессивномъ ихъ ходѣ, до самаго перехода чрезъ зенитъ, низакія средства не помогаютъ; но когда моръ забралъ уже такое число жертвъ, какое ему было предназначено, тогда больной вылечивается стаканомъ воды. Въ зимѣ 1812 года Русская баба метлою гоняла непобѣдимыхъ воиновъ старой гвардіи, на знаменахъ которой записаны были Аркола, Маренго, Аустерлицъ.

Монахъ. По истинѣ, вы правы. Промыселъ въ Своихъ дѣйствіяхъ многихъ цѣлей достигаетъ за разъ. Наполеонъ былъ безъ сомнѣнія одною изъ тѣхъ язвъ, которыя Богъ посылаетъ въ непонятныхъ намъ предопредѣленіяхъ Своихъ. Но вмѣстѣ съ этимъ, примѣръ его заключаетъ глубокое поученіе для гордыхъ. Онъ наглядно показалъ, что такое, сколько можетъ и къ чему окончательно ведетъ величіе человѣческое, только человѣческое, когда въ немъ нѣтъ ничего Божьяго.

Сестра Марья. И въ самомъ дѣлѣ, понимая такъ, какъ понимаетъ братъ, все совершенно ясно. Иначе, въ исторіи Наполеона ничего уразумѣть нельзя. Какъ, напримѣръ, объяснить ребяческія ошибки, незнаніе самыхъ простыхъ вещей, съ которыми онъ велъ Россійскую войну? Онъ въ ней напоминалъ того сказочнаго, состарѣвшагося волка, который самъ ищетъ смерти.

Монахъ И для того, чтобы бичъ Божій могъ выполнить свою миссію истребленія, Богъ поразилъ современное поколѣніе слѣпотою, и это позволило ему опутать міръ на данное время. Въ исторіи нѣтъ примѣра такого сердечнаго благоговѣнія, такой любви, какою большинство Французской націи къ нему пылало.

Я. Извините, батюшка: Поляки далеко въ этомъ отношеніи превзошли Французовъ. За десять и болѣе лѣтъ, кто изъ насъ не боготворилъ бы его, могъ быть побитъ камнями, какъ *измѣнникъ отечества*. Какъ эти идеи: Наполеонъ и отечество сошлись съ собою въ умахъ Поляковъ, никто не въ состояніи объяснить. Женщины въ особенности отличались пламенною любовью къ императору Французовъ.

Мать. Онъ былъ идеалъ и величія, и мужской красоты.

Я. Это до известной степени объясняетъ энтузіазмъ Полекъ; но не угодно ли вамъ, маман, объяснить, за что его обожали Поляки? Онъ не только для нихъ ничего не сдѣлалъ и сдѣлать не хотѣлъ, но съ полною увѣренностью скажу, никто не сдѣлалъ имъ столько зла, сколько онъ. Трактовалъ ихъ съ такимъ презрѣніемъ, что даже тотъ мыльный пугыр, который создалъ онъ будтобы для нихъ, не называлъ именемъ народа; что герцогство Варшавское не отдалъ въ управленіе Варшавянину, и все это въ такое время, когда былъ всемогущимъ. О, что касается до Польскихъ солдатъ, тѣхъ онъ удостоивалъ своего вниманія, кровь ихъ расточалъ щедро. Они-то брали приступомъ всевозможныя пози-

ціи. *), онъ спускалъ ихъ, какъ стаю гончихъ, на всѣ народы, на которые охотился.

Мать. Охотился!

Я. Да, маман, это настоящее выраженіе; онъ самъ не стыдился сознавать, что охотится на людей.

Мать. Какъ, когда?

Я. Когда для стрѣльцкихъ полковъ выдумалъ названіе охотниковъ *Chasseur* прямо происходить отъ *chasse*. И такъ, войны Наполеона—это была громадная охота. Наполеонъ былъ новый Немродъ, маршалы были ловчіе, генералы доѣзжачіе и псаря, его армія облава, а народы съ которыми воевалъ—дичь.

Мать. Да, ты порешь дичь, ты просто ужасный человѣкъ!

Я. Такъ, маменька, по истинѣ ужасный, называю вещи по имени. Но возвратимся къ Полякамъ. Такъ спуская ихъ по очереди на всѣ народы, Наполеонъ во всей Европѣ поселилъ къ нимъ невыразимую ненависть, которая и чрезъ сто лѣтъ не погаснетъ, ненависть тѣмъ болѣе ожесточенную и справедливую,

*) Одинъ Русскій артиллерійскій офицеръ рассказывалъ мнѣ слѣдующее, чего самъ былъ свидѣтелемъ. Готовилось сраженіе подъ Ваттенъ (Watten). Только что были изобрѣтены конгрескскія ракеты, и ни разу еще не были въ дѣлѣ. Когда, въ союзной арміи обсуждался планъ сраженія и одно возвышеніе признано было самымъ важнымъ пунктомъ, то защищать его было поручено одному Англійскому капитану съ ротой ракетниковъ. Никто еще не узналъ дѣйствія этого страшнаго снаряда. Наполеонъ тотчасъ оцѣнилъ всю важность этого пункта и, удивляясь, что онъ защищается такимъ малымъ числомъ войска безъ артиллеріи, послалъ отрядъ своей старой гвардіи для взятія его. Англичанинъ подпустилъ Французовъ такъ близко, что рассказывавшій думалъ, что онъ предастъ позицію. Но вдругъ менѣ чѣмъ въ 100 шагахъ онъ открылъ свой адскій огонь. Многіе Французы упали на землю и валялись, крича отчаянно, сожигаемые влившимися въ нихъ ракетками. Остальные убѣжали, рассказывая о случившемся. Наполеонъ послалъ другой гвардейскій отрядъ, но результатъ былъ такой же. Тогда послали отрядъ Поляковъ, и позиція была взята; но большая ихъ часть погибла, а не бѣжала ни одна.

что въ войнахъ бывшаго императора Поляки участвовали не какъ его подданные, а какъ дилеттанты. И вотъ почему имя Поляка возбуждаетъ повсюду антипатію и еслибы когда нибудь Поляки нашлись вънеобходимости прибѣгнуть къ сочувствію и помощи иностранцевъ, то они встрѣтили бы вездѣ одно отвращеніе и непримиримую вражду.

Мать. Что ты, что ты! Неужели это такъ?

Монахъ. Непремѣнно такъ. Сынъ вашъ говоритъ сущую правду.

Я. Батюшка, вѣдь въ Писаніи сказано „познаете древо по плодамъ его“. Такъ-то заслугу и достоинство людей мы узнаемъ по тому, что по нимъ осталось. А чѣмъ власть и кругъ дѣйствія былъ обширнѣе, тѣмъ обильнѣе, тѣмъ полезнѣе и прочнѣе должны быть послѣдствія ихъ перехода на землѣ. Наполеонъ, правда, совѣстливо исполнилъ свою миссію истребленія, онъ покрылъ Европу могилами людей. Но кромѣ этихъ памятниковъ, прошу мнѣ сказать, что еще оставилъ онъ по себѣ?

Монахъ. Немало горькихъ плодовъ.

Я. Это такъ, и они со временемъ должны произвести весьма ядовитые отпрыски. Осталось, правда, много горькихъ плодовъ; но я буду справедливъ и скажу, что остался одинъ и сладкій и вѣковѣчный.

Мать. Во первыхъ, кодексъ.

Я. Нѣтъ, не кодексъ. Съ него обыкновенно начинаютъ всѣ панегиристы. Много кое-чего можно бы сказать объ этой распадѣ. Прежде всего то, что тому, котораго именемъ называется, онъ не стоилъ большаго труда. Довольно ему было приказать, чтобы былъ кодексъ, и кодексъ есть. Такимъ образомъ слишкомъ легко было бы прослыть Солономъ или Ликургомъ. Участіе его въ этомъ трудѣ ограничивалось наблюденіемъ, чтобы новое уложеніе заключало всѣ ручательства для его ненасытнаго деспотизма и для интересовъ его династіи. Да и не человѣка дѣло создавать законъ. Онъ былъ, есть и будетъ всегда и вездѣ,

и чѣмъ его менѣе на письмѣ, а болѣе въ общественномъ сознаніи, тѣмъ лучше. Что написано и приведено въ систему, то уже изъято изъ жизни и набальзамировано какъ мумія. Можетъ ли кто думать, что съ изданія Наполеонова кодекса умножилась масса правосудія, практикуемаго во Франціи? Не прибыло его отъ этого ни на одинъ атомъ. Въ Англіи кодекса нѣтъ, однакожъ понятія справедливости нигдѣ не развиты и не распространены и въ обществахъ, и въ судебной практикѣ на столько, и нигдѣ законность не уважается такъ свято, какъ въ этой странѣ. И къ тому же, какъ можетъ кто нибудь дать то, чего не имѣетъ? Наполеонъ, попиравшій безразлично всякія права, не могъ вдохновить чувства правоты, и хотя бы имъ были изданы не одинъ, а десять кодексовъ, все правосудіе нисколько бы отъ этого не выиграло. Но Богъ съ нимъ, съ кодексомъ, покончимъ съ нимъ. Не то осталось на всѣ вѣка по Наполеонъ 1-мъ.

Мать (съ нетерпѣніемъ). Такъ что-же такое, говори наконецъ.....

Я. Не скажу, извольте угадать сами.

Монахъ. Что жъ, безъ сомнѣнія, послѣ такого явленія какимъ былъ Бонапарте, много должно было остаться послѣдствій. Онъ имѣлъ громадное вліяніе на свою эпоху.

Я. Дѣло тутъ не о какомъ либо косвенномъ вліяніи. Я говорю о видимомъ, осязательномъ памятникѣ. Ну, и что-же, ничего вамъ на умъ не приходитъ?

Монахъ. Право, ничего. Все, что онъ сдѣлалъ, вскорѣ было передѣлано, даже все, что онъ было награбилъ для Парижскихъ музеевъ, Франція со стыдомъ должна была возвратить. (Подумавъ). А, знаю, Вандомская колонна?

Я. Фи, стану ли я говорить о ржавомъ чугуунѣ или вонючей бронзѣ? Мой памятникъ это нѣчто *perennius* *), нѣчто такое, за что человечество никогда не перестанетъ благодарить соору-

*) Прочнѣе мѣди.

дившаго его. Воспоминаніе о его кровопролитныхъ войнахъ погаснетъ со временемъ, но памятникъ, о которомъ я говорю, останется на всегда живымъ, на всегда свѣжимъ какъ подъ соломенной крышей, такъ равно и въ позлащенныхъ чертогахъ. Маменька, вы, которая такъ любите Наполеона, каждый день пользуетесь доставленнымъ имъ добромъ, и не можете догадаться. Стоить ли послѣ этого быть благодѣтелемъ человѣчества!

Мать. Ну полно, это вѣрно какойнибудь злой сарказмъ, говори же наконецъ.

Я. Сарказмъ? Вовсе нѣтъ. (Я беру изъ сахарницы кусокъ сахару и, поднимая его торжественно вверхъ): А это что такое?

Мать. Что же это значитъ?

Я. Что значитъ? Неужели вы не узнаете кирпича изъ вѣковѣчнаго монумента Наполеона великаго? Это и есть истинный дипломъ его на безсмертіе. Въздъ онь, чтобы досадить Англіи, велѣлъ найти вещество, замѣняющее колоніальный сахаръ, и химикъ Ашаръ (Achard), нашелъ его въ свеклѣ. Вотъ это-то и есть памятникъ прочіе всѣхъ возможныхъ металловъ. Имя Наполеона, напечатанное на головѣ свекловичнаго сахара, останется на всегда въ храмѣ славы и въ отдаленнѣйшихъ поколѣніяхъ не престанетъ возбуждать *сладкое* о немъ воспоминаніе.

(Всѣ смѣются.)

Этимъ заключился нашъ разговоръ о Наполеонѣ, и теперь, по прошествіи съ тѣхъ поръ болѣе полуувѣка, мы не находимъ ничего, что могло бы измѣнить самую его характеристику, какъ она изложена выше; но вотъ что признаемъ нужнымъ прибавить.

Изъ видимыхъ фактическихъ послѣдствій царствованія бывшаго императора Французовъ, кромѣ свекловичнаго сахара осталась еще по наше время водворенная имъ на Шведскомъ тронѣ династія Бернадотовъ.

Этимъ конечно не могло ограничиться влияние такого крупнаго историческаго событія, какимъ было это царствованіе. Оно глубоко выразилось на судьбахъ грядущихъ поколѣній, и потомство теперь уже собираетъ горькіе его плоды. Преслѣдуя логически естественную связь причинъ со слѣдствіями, не трудно будетъ установить филицію между тѣмъ, что теперь происходитъ въ Европѣ и влияніемъ Наполеоновской эпохи. Бонапарте обуздаль революцію, онъ остановилъ ее въ дальнѣйшемъ развитіи, которое неминуемо повело бы ко всеобщей коммунѣ, такой, какой характеристическій спедиментъ мы видѣли въ 1871 году въ Парижѣ. Наполеонъ затормозилъ это стремленіе силою, но ничего не сдѣлалъ для того, чтобы уничтожить его въ самомъ корнѣ, въ сущности. Для этого нужна была не матеріальная сила, а моральное, разумное, неутомимое противодѣйствіе. Если нельзя было перевоспитать современное поколѣніе, то слѣдовало тщательно озаботиться о морализованіи грядущаго, о вытрезвленіи сыновъ отъ революціоннаго чада, обуявшаго отцовъ. Но чтобы подумать объ этомъ, Наполеонъ слишкомъ былъ занятъ своими властолюбивыми замыслами, своими неразумнымъ антагонизмомъ съ Англіей; его болѣе интересовало то, чтобы Европа не покупала кофе и сахара, привозимаго изъ колоній и издѣлій Англійскаго произведенія, чѣмъ-то, что дѣлалось у него дома. Оно полагалъ, что довольно одного деспотическаго режима, чтобы удовлетворить всѣмъ потребностямъ его неограниченной власти и условіямъ внутренняго порядка. Введя самую строгую, самую щепетильную цензуру, оковавъ выраженіе всякой свободной мысли, онъ мечталъ задавить этимъ и самое мышленіе. Но такое вынужденное спокойствіе было только наружное, искусственное. Этими капральскими мѣрами народная жизнь была приостановлена въ своемъ развитіи, общественный бытъ во Франціи сдѣлался какимъ-то офиціаль-

нымъ, далеко не нормальнымъ и неестественнымъ. Это положеніе было однакожъ такъ сказано позлащено блескомъ военной славы, величія и могущества, которыя приобрѣлъ Наполеонъ своими побѣдами: за эти успѣхи, Французы прощали ему гнетъ, подъ которымъ жили. Между тѣмъ успѣхи эти развили въ народномъ характерѣ чувство непомерной гордости и смѣшной самонадѣянности. Эта стихія, дѣлавшая Французовъ несноснымъ народомъ, осталась въ ихъ характерѣ, по крайней мѣрѣ оставалась до послѣдней войны съ Германіею, гдѣ они были побиты, какъ мало кто, когда либо, бывалъ битъ и гдѣ разгромъ нельзя имъ уже было, какъ въ кампаніи 1812 года, сваливать на генерала Мороза.

Во время всѣхъ этихъ перипетій, революціонный духъ, оставаясь живымъ и невредимымъ, притаился, созрѣвалъ и терпѣливо выжидалъ удобнаго для себя момента. Между тѣмъ Наполеонъ сдѣлалъ одну капитальную ошибку. Онъ, естественно, не могъ терпѣть Фран-масоновъ: въ такой системѣ правленія, какую онъ принялъ, орденъ этотъ, широко распространенный во Франціи, былъ вопіющей аномаліей, фальшивой нотою въ стройномъ концертѣ деспотизма. Считая ли себя не довольно для этого сильнымъ, или по другимъ уваженіямъ, онъ однакожъ не принималъ противъ него обычныхъ себѣ крутыхъ мѣръ, а возымѣлъ странную мысль способствовать всѣми средствами къ наибольшему его распространенію. Онъ думалъ, что когда такимъ образомъ въ масонство будетъ принято великое множество всякаго сброда, то орденъ этотъ будетъ опошленъ въ глазахъ образованныхъ, мыслящихъ классовъ, уроненъ въ своемъ моральномъ значеніи и потеряетъ всякое вліяніе. Онъ совершенно ошибся въ расчетѣ, не зная, что творилъ. Умножая число адептовъ, онъ съ одной стороны не достигалъ предполагаемой цѣли, а съ другой увеличивалъ силы ордена. Наполеонъ не понималъ того, что введеніе въ среду масонскаго общества, въ какомъ бы то ни

было числѣ, даже самыхъ негодныхъ членовъ, не въ состояніи опошлить или уронить этотъ тайный институтъ, потому что въ немъ существуетъ строгій разборъ. Только избранные посвящаются въ существенныя тайны, и имъ сообщается истинная цѣль ордена. Остальнымъ членамъ преподаются одни общія мѣста обыкновенной морали и очень искусно составленныя аллегоріи, которыя они всю жизнь стараются разгадать и не разгадываютъ никогда. Они остаются какъ бы рядовыми огромной Фран-масонской арміи, а между тѣмъ и тѣ и другіе даютъ страшную клятву въ слѣпомъ, безусловномъ исполненіи приказаній начальниковъ. Слѣдовательно чѣмъ членовъ болѣе, тѣмъ сильнѣе будетъ орденъ, когда наступитъ время дѣйствовать. Такимъ образомъ Наполеонъ способствовалъ лишь къ значительному умноженію средствъ ордена, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезъ распространеніе его по всему государству, привилъ, такъ сказать, народу расположеніе къ составленію тайныхъ обществъ и подготовилъ почву, на которой не замедлили при немъ еще зародиться и съ удивительною быстротою развиваться самыя зловерныя явленія, въ родѣ карбонаризма, Вейсгауптова иллюминизма, Маріянны, Amis du peuple, социализма и коммунизма. Такое положеніе порождено царствованіемъ Наполеона и не только прямо, чрезъ громадное умноженіе числа Фран-масоновъ, но и косвенно, и то не въ одной Франціи, но и въ государствахъ, съ которыми онъ воевалъ. Въ самой Франціи тяжкій деспотизмъ, гнетомъ своимъ, естественно вызывалъ стремленіе къ составленію тайныхъ сборищъ, гдѣ адепты могли по крайней мѣрѣ подышать свободно и высказать свои мысли. Этотъ же абсолютный произволъ, распространяемый на завоеванныя страны, произвелъ въ Германіи буршеншасты и тугендбунды, а въ Италіи второй фазисъ карбонаризма *).

*) Прежній карбонаризмъ имѣлъ цѣлью ниспровергнуть правленіе короля Фердинанда,

начальною основою тѣхъ и другихъ была похвальная, чисто-патріотическая цѣль свергнуть иго Наполеона. И только со временемъ, послѣ уже паденія бывшаго императора, тайныя общества эти, вѣроятно подъ вліяніемъ масонства, приняли предосудительное направленіе, выродились изъ патріотическихъ въ чисто-революціонные центры. Нѣсколько политическихъ убійствъ въ Италіи, а въ Германіи убійство Коцебу студентомъ Зандомъ, обнаружили такое перерожденіе карбонаризма и Нѣмецкихъ студенческихъ обществъ.

И такъ я не колеблюсь сказать съ полною увѣренностію, что если и не признать царствованіе Наполеона единственнымъ источникомъ всего, подъ различными формами проявляющагося теперь, обще-революціоннаго стремленія, то нельзя не видѣть, что царствованіе это въ большей части вызвало настоящее движеніе и подготовило для него и матеріалы, и самыя благопріятныя обстоятельства. Къ пагубнымъ порожденіямъ Наполеоновскаго времени нельзя не причислить еще одно немаловажное. Это оба Польскія возстанія. Ясно видится прямая ихъ филіалія съ традиціями бывшихъ легіоновъ. Отъ нихъ между Поляками и Французами завязалось братство по оружію (*fraternité d'armes*) и взаимная симпатія двухъ народовъ. Традиція легіоновъ сохранилась живая до послѣдняго времени и, поддерживаемая симпатією Французовъ и надеждами Поляковъ на ихъ помощь, составила тотъ элементъ, коего конечнымъ выраженіемъ и были оба эти возстанія сколько безразсудныя, столько и гибельныя.

Заключая рѣчь о Наполеонѣ, слѣдовало бы, можетъ быть, отвѣчать тѣмъ, которые утверждаютъ, что онъ на много подвинулъ военную науку. Я не страгегъ, знаю однакожъ, что военное дѣло, хотя и вспомошествоется разными науками, само по себѣ никогда не призна-

валось и не называлось наукою, а лишь искусствомъ. Такъ назвалъ его экспертъ, составляющій въ этомъ предметѣ авторитетъ, Фридрихъ Великій, когда свою поэму озаглавилъ „*Art militaire*“.

Ципринусъ.

а за тѣмъ переродился въ заговоръ противъ Мюрата, шурина Наполеона.